

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8

ИСТОРИЯ

№ 3 • 2020 • МАЙ–ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

СОДЕРЖАНИЕ

Борисов Н.С. К вопросу о духовно-политических измерениях средневековой русской мысли.	3
Шавакко Н.А. Эволюция представлений о правде в Древней Руси под влиянием христианской мировоззренческой парадигмы (XI–XV вв.)	10
Лукоянов И.В. Политический салон К.Ф. Головина и формирование правых партий в России (1890–1900-е гг.)	34
Морозан В.В. Из истории учреждения отделений Государственного банка в Крыму во второй половине XIX — начале XX в.	56
Богомолов И.К. Американский журналист Стэнли Уошберн на Русском фронте Первой мировой войны	78
Матвеев Г.Ф., Матвеева Е.Ю. Локарнский поворот 1925 г. глазами советских газетных комментаторов и политиков	100
Суслопарова Е.А. Молодежное лейбористское движение в Великобритании между двумя мировыми войнами	123
Зизева Э.В. Ключевые вехи становления организации Тупамарос в Уругвае (1961–1965).	143
Седов Вл.В. Об антропоморфности древнерусских храмов	161
Хлебников Д.В. Типовые блоки в русском ростовом деисусе XV–XVI вв.	181

CONTENTS

B o r i s o v N.S. Concerning the Spiritual and Political Dimensions of Medieval Russian Thought	3
S h a v e k o N.A. The Evolution of the Ideas about Truth (“Pravda”) in Ancient Russia under the Influence of the Christian Worldview Paradigm (11th–15th Centuries)	10
L u k o y a n o v I.V. K.F. Golovin’s Political Salon and the Formation of Rightist Parties in Russia (1890–1900s)	34
M o r o z a n V.V. From the History of the Establishment of Offices of the State Bank in the Crimea in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries	56
B o g o m o l o v I.K. American journalist Stanley Washburn at the Russian Front of the First World War	78
M a t v e e v G.F, M a t v e e v a E.Yu. 1925 Locarno Turn Through the Eyes of Soviet Newspaper Commentators and Politicians	100
S u s l o p a r o v a E.A. Labour Youth Movement in Great Britain Between The World Wars.....	123
Z i z e v a E.V. Key Milestones in the Formation of the Tupamaros Organization in Uruguay (1961–1965)	143
S e d o v V.I.V. Concerning the Anthropomorphism of Ancient Russian Churches.....	161
K h l e b n i k o v D.V. Standard Units in the Russian 15th–16th-centuries Full-length Deesis	181

Н.С. Борисов*

**К ВОПРОСУ О ДУХОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИЗМЕРЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУССКОЙ МЫСЛИ**

N.S. Borisov

**CONCERNING THE SPIRITUAL AND POLITICAL
DIMENSIONS OF MEDIEVAL RUSSIAN THOUGHT**

Аннотация. Проблемы средневекового русского менталитета, их вписывание в социально-экономический и политический контекст допетровской России остаются важными и перспективными направлениями исследований. Этим вопросам посвящена новая монография С.В. Перевезенцева «Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии». В статье представлены размышления по поводу этой книги, ведется полемика с некоторыми из приведенных в ней интерпретаций и выводов. Освещаются характеристики, данные в этом труде русской цивилизации, изложенные особенности принятия и распространения христианства, существовавших и популярных на Руси культов и т.д. Автор соглашается с той последовательностью, с какой историк выстраивает своего рода реестр духовно-политических учений средневековой Руси, стремясь проследить линию развития смыслов не только в литературе и публицистике, но и в архитектуре и живописи. Эти наблюдения исследователя воспринимаются как вполне убедительные. Особое внимание в статье уделяется подходу С.В. Перевезенцева: предложить взгляд на древнерусскую культуру через православную систему ценностей. В соответствии с общим замыслом монографии ее автор не проводит собственные источниковедческие изыскания, но анализируя дискуссии по этому поводу, поддерживает ту или иную точку зрения. Его цель — собрать воедино разбросанные целостные или фрагментарные духовно-политические учения. Автор статьи соглашается с утверждением С.В. Перевезенцева о том, что во второй половине XIII — начале XIV в. «православие становится главной составляющей всего общенационального сознания». В статье подробно анализируется главный тезис С.В. Перевезенцева о том, что древнерусские общественно-политические тексты следует читать глазами их автора — как

**Борисов Николай Сергеевич*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Borisov Nikolay Sergeevich, Doctor in History, Professor, Head of the Department of History of Russia until the Early 19th Century, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

+7-495-939-54-40; muksalma@mail.ru

правило человека глубоко религиозного и начитанного в христианской литературе. Основным критическим замечанием автора статьи является указание на излишнее увлечение С.В. Перевезенцева церковной риторикой и патетикой, расплывчатость границы между языком науки и религии.

Ключевые слова: исторический вызов, Сергей Радонежский, святость, власть и земля, духовно-политическое учение, русская цивилизация, самодержавие.

Abstract. Problems of the medieval Russian mentality and setting them in the socio-economic and political context of pre-Petrine Russia remain important and promising areas of research. These issues are in the focus of a new monograph by S.V. Perevezentsev, "Russian Notions: Russian Spiritual and Political Teachings of the Tenth–Seventeenth Centuries in their Historical Development". The article gives reflections on this book and controverts some of the interpretations and conclusions given there. It addresses the characteristics of Russian civilization, defined in the book, the specific traits of the adoption and spread of Christianity, the cults that were popular in Russia, and so on. The author of the article agrees with the logic of the historian building a certain register of spiritual and political teachings of medieval Russia, trying to trace the line of development of notions not only in literature and journalism, but also in architecture and painting. These observations of the researcher are considered quite convincing. Particular attention is paid to S.V. Perevezentsev's approach, which offers a look at Old Russian culture through the Orthodox system of values. In accordance with the general concept of the monograph, its author does not conduct his own primary research, but analyzing the discussions on this matter, supports one or another point of view. His purpose is to bring together dispersed, holistic or fragmentary, spiritual and political teachings. The writer of the article agrees with S.V. Perevezentsev that in the second half of the 13th – early 14th century "Orthodoxy became the main component of all national consciousness". The article thoroughly analyzes the main thesis of S.V. Perevezentsev, who states that ancient Russian socio-political texts should be considered through the eyes of their writer, as a rule, a person deeply religious and well-read in Christian literature. The main criticism of the author of the article is leveled at a certain superfluity of S.V. Perevezentsev's church rhetoric and pathos, and the vague boundary between the language of science and the language of religion.

Keywords: historical challenge, Sergius of Radonezh, holiness, power and land, spiritual and political teaching, Russian civilization, autocracy.

* * *

Приведение в единую систему отдельных сведений, наблюдений и размышлений о развитии духовно-политической мысли средневековой Руси по сей день остается актуальной задачей для исторической науки. Нет сомнения, что древнерусские общественно-политические тексты следует читать глазами их автора, как правило, человека глубоко религиозного и начитанного в христианской литературе. И если в первом приближении достаточно обнаружить в изучаемом

тексте скрытые и явные цитаты из Священного Писания и отцов церкви, то далее необходимо выявить то значение, которое, по мнению книжника, Всевышний придает описываемому событию. А это задача весьма непростая.

На такие размышления наводит недавно вышедшая книга С.В. Перевезенцева¹, посвященная религиозно-политическим доктринам русского Средневековья. Структура книги выстроена по двум параллельным линиям: меняющаяся историческая фактура — и меняющиеся религиозные и политические смыслы. Историческая линия представляет собой краткий конспект отечественной истории за период с X по XVII в. Понятно, что при таком хронологическом размахе не приходится ожидать глубоких исследований собственно исторических вопросов. Их там и нет. Исторический фон сведен к краткой характеристике русской цивилизации и основных факторов, определивших ее своеобразие. Эта схема встречается ныне и в школьных учебниках. Заметим, что современный историк академик Л.В. Милов в своем классическом труде «Великорусский пахарь» использовал термин «цивилизация» применительно к России с большой осторожностью — как «социум особого типа»². В русле цивилизационной теории автор перечисляет «исторические вызовы» (А. Тойнби), ответы на которые формировали самостоятельную русскую цивилизацию. Первым среди этих вызовов было, по мнению автора, специфическое географическое положение России.

Вторая сюжетная линия книги наряду с описанием духовно-политических учений X–XVII вв. содержит немало оригинальных суждений и наблюдений автора. Уже во вступлении Перевезенцев прокламирует свой ключевой тезис: «Собственно политическая мысль практически не существовала в России как самостоятельное, оторванное от православия явление» (С. 12).

Автор книги анализирует духовно-политические учения Древней Руси начиная с первых времен русского православия и кончая рубежом Нового времени — петровской эпохой. Линия развития смыслов прослеживается не только в литературе и публицистике, но и в живописи, архитектуре. Так, образование и развитие единого Русского государства в XIV–XV вв. сопровождалось глубокой идейной подготовкой. Эти идеи рождались в недрах православной традиции и воплощались в зримые образы архитектуры и живописи, в публицистические сочинения. Автор развивает взгляд на древнерусскую культуру через православную систему ценностей.

¹ Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М., 2019. (Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований по проекту № 19—011—34019). Далее ссылки даются в тексте на это издание.

² Милов Л.В. Великорусский пахарь. М., 1998. С. 380.

Книга С. В. Перевезенцева — это кроме всего прочего еще и хорошее учебное пособие для студента историка, философа и филолога. В ней даны основные догматы русского православия, прослежена судьба на Руси основных православных культов — Богородицы, Николая Мирликийского, Георгия и т.д. Автор систематизировал массу церковно-политических сюжетов, порой подходя к самой грани, отделяющей теологию от науки. Специфический церковный стиль приближается к художественному.

И всё же кое-где историческая наука явно терпит бедствие. Автор подробно рассказывает о том, как видения помогали защитникам Троице-Сергиева монастыря выстоять осаду в 1608–1610 гг. Но можно ли пренебречь вопросом о времени записи чудес, истории сюжетов?

Впрочем, у автора есть собственный взгляд на значение чудесных видений в исторической реальности. Отмечая, что Смутное время отличается «беспрецедентной в истории России массовостью видений», С.В. Перевезенцев считает, что для людей того времени такая массовость показывала: «...высшие силы непосредственно проявляют заботу о спасении страны и вмешиваются в судьбу России в период полного распада государственной власти». Поэтому, пишет автор, «в данном случае нет смысла выяснять “подлинность” видений и знамений». Тем более что знамения, и, в особенности, видения, «становились катализатором конкретных исторических действий». По его мнению, если «сами современники» придавали видениям огромное значение и совершали реальные поступки под их влиянием, «значит, и сами видения заслуживают пристального внимания как явление духовно-политической мысли» (С. 421–422). Насколько такой методологический подход оправдан? Во всяком случае, здесь есть предмет для дискуссии.

В рассуждениях о символике княжеской власти автор делает интересное наблюдение относительно «тишины» «как идеального результата идеального правления» (С. 121). Впервые упомянутое в Слове о князьях (вторая половина XII в.), это понятие позднее будет упоминаться как главная добродетель московского князя Ивана Калиты. А в книге Перевезенцева данное наблюдение находит завершение в оригинальной трактовке прозвания «Тишайший», которое, как известно, в некоторых источниках применяется к царю Алексею Михайловичу Романову. Автор считает, что и образ «тишины», и понятие «Тишайший» восходят к византийской и славянской литургической традиции (С. 493–495).

Не обойден вниманием в книге и незабвенный Владимир Мономах, соединивший в себе языческие и христианские добродетели.

Весьма оригинальна трактовка автором символики Слова о полку Игореве. Исследователи давно обратили внимание на более чем скромное присутствие христианской патетики и образности в

знаменитом произведении. Перевезенцев предлагает свое решение этой исторической загадки. По его мнению, «спасение Игоря означает победу христианства над язычеством, единого христианского Бога над многими языческими богами» (С. 133). И не случайно последнее слово в произведении — «Аминь». Возможно, оно свидетельствует о том, что сам памятник — «это не только воинская песнь, но и... молитва древнерусского воина о единстве Русской Земли» (С. 133).

Ранняя русская духовно-политическая мысль на высшем уровне теоретизации вращалась вокруг двух коренных вопросов: существует ли собственный национальный путь духовного развития Руси в поисках христианского спасения, или же Руси суждено оставаться провинцией греческого православного мира? Осмысление Божьего Промысла относительно Руси велось через сюжеты Священного писания. Образы Библии наполнялись новым, актуальным для Руси смыслом. Национальные амбиции русской церкви выражались и в создании культов собственных святых. Понимая подоплеку этого процесса, греки весьма неодобрительно смотрели на прославление новоявленных русских святых.

Созданию культов русских святых сдерживалось и существованием развитого византийского пантеона, многовековой агиографической традицией, какой не знала Русь.

Монгольское нашествие и установление ордынского ига естественным образом породили в русском православном сознании две взаимосвязанные идеи. Первая — идея «погибели Руси» и вторая — идея «спасения Руси».

Обширный раздел книги Перевезенцева посвящен монастырской реформе преподобного Сергия Радонежского — введении в Троицком монастыре и его филиалах общежительного устава. Подробно описывая жизнь и учение троицкого игумена, автор следует рассказам Жития преподобного Сергия Радонежского. Однако сквозь обильный фактический материал явственно просматривается главный недостаток данной работы как исторического исследования — отсутствие источниковедческого конвоя. Это особенно заметно при характеристике личности Сергия и его мистических даров. В частности, напрашивается вопрос: какие эпизоды жития восходят к первой, Епифаниевской редакции, а какие прибавляет Пахомий Серб, работавший над текстом жития полвека спустя? На эту тему существует обширная литература и в частности исследования Б.М. Клосса. Текстология жития весьма сложна. Достоверность ряда мистических сцен подлежит сомнению.

Нет нужды доказывать значимость Сергия Радонежского и его учения для русской духовной традиции. Выводы, которые делает Перевезенцев на основе проработки жития Сергия Радонежского, носят стратегический характер. «Мистический опыт преподобного Сергия,

поведанный его житием, свидетельствует, что на рубеже XIV–XV вв. перед русской духовно-политической мыслью уже в полном объеме вставала задача освоения опыта Христианской церкви во всем его многообразном объеме. Пытаясь найти себя на путях Божьего промысла, Русь стремилась к символическому единению с Богом» (С. 218).

Это пафосное суждение уводит читателя в область религиозной патетики. И вновь возникает вопрос: к какому, собственно говоря, жанру принадлежит данный труд? Философия? Теология? История? История церкви? Православно-просветительное воскресное чтение? Кажется, всего понемногу. Но нет худа без добра. Именно в силу полифоничности данной книги многие найдут в ней нечто интересное для себя.

Когда миновал роковой 7000-й год от Сотворения мира (1492 г. от Рождества Христова) московские книжники приняли за решение «двуглавой» задачи: объявления отсутствия Страшного суда в ожидаемый срок и поиски места России в бескрайнем историческом пространстве, открывавшемся впереди. Устоявшийся тезис о неопостижимости точной даты Светопреставления избавлял от всякого рода бесплодных подсчетов в этой области.

«Отмена» Страшного суда оживила внутренних и внешних критиков православия. Перевезенцев представляет читателю разнообразные сведения на сей счет и обобщает события в сильных, быть может слишком громких заявлениях. «Все эти явления стали причиной небывалого духовного и интеллектуального подъема, можно сказать, настоящего духовно-интеллектуального взрыва, который буквально потряс русское общество в конце XV — начале XVI вв. и стал прологом рождения великого Российского царства» (С. 227).

При таких акцентах вполне понятно, что большое место в книге отводится еретическим течениям конца XV — начала XVI в. Автор считает их серьезной опасностью для единства русского общества.

В связи с учением Нила Сорского автор касается проблемы русского исихазма. Весьма сдержанно оценивая популярность византийского (паламитского) исихазма на Руси, автор на наш взгляд справедливо подчеркивает значение традиции Сергия Радонежского и его школы для русского монашества.

Уже в конце правления Ивана III возникла потребность в осмыслении нового положения, в котором оказалось Московское государство после обретения независимости и превращения в единственное православное царство. Автор отмечает, что уже в Послании на Угру (1480 г.) ростовский архиепископ Вассиан выдвигает идею — по выражению автора, «идеал-образ» — Москвы как «нового Израиля». Позднее этот «идеал-образ» трансформируется в образ Москвы как Третьего Рима.

Новое положение Москвы заставляло определить статус государства по отношению к церкви, найти исторические корни правителей

новой России, решить еще целый ряд идеологических вопросов. Эта огромная работа отливается в духовно-политическое учение в Сказании о князьях владимирских. Позднее Иван Грозный в переписке с Курбским определил обретшего новый статус православного государя как самовластного «земного Бога».

Система — душа науки. Автор монографии выстроил эти эпизодические и хаотические перемены смыслов в некую последовательно развивающуюся систему. Двигателем этой системы было развитие российского государства, подгоняемое развитием общества. Построить такую последовательность — задача на первый взгляд не сложная. Однако за нее еще никто не брался. С.В. Перевезенцев взялся и удачно исполнил это полезное и нужное дело.

Расцвет русской публицистики в середине XVI в. отмечен деятельностью таких ярких мыслителей как Иван Пересветов, Еромолай-Еразм, Сильвестр. Автор представляет труды каждого из них. Обширный раздел книги посвящен знаменитой переписке Грозного с Курбским. Следуя общей тенденции своего труда, автор видит в Курбском прежде всего «яркого православного мыслителя, который немало трудов положил на то, чтобы защитить истинность православного вероучения» (С. 325).

Московское православное царство как национальная духовно-политическая идея в XVIII веке уступает место идее национальной империи. Секуляризация русской жизни и европеизация русской культуры ставят перед русской цивилизацией новые задачи и методы их решения. Однако идея объединения православного мира время от времени всплывает на исторической сцене если не как реальная цель, то по крайней мере как увлекательная мечта. Книга С.В. Перевезенцева доставит немало удовольствия любителям исторической мечты.

Итак, подведем итог. Впервые в отечественной историографии создана целостная картина развития древнерусской религиозно-политической (духовно-политической) мысли на протяжении нескольких веков. Выполненная с глубоким знанием исторического материала и православных доктрин, работа Перевезенцева рассматривает явления духовной жизни изнутри, глазами их создателей. В целом данная работа стала еще одним шагом к выработке подлинного историзма в исследовании общественной мыслью средневековой Руси.

Список литературы

Милов Л.В. Великорусский пахарь. М.: РОССПЭН, 1998. 573 с.

Перевезенцев С.В. Русские смыслы: Духовно-политические учения России X–XVII вв. в их историческом развитии. М.: Вече, 2019. 608 с.

Поступила в редакцию

15 мая 2020 г.

Н.А. Шавеко*

**ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВДЕ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ХРИСТИАНСКОЙ
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ (XI–XV ВВ.)**

N.A. Shaveko

**THE EVOLUTION OF THE IDEAS ABOUT TRUTH (“PRAVDA”)
IN ANCIENT RUSSIA UNDER THE INFLUENCE
OF THE CHRISTIAN WORLDVIEW PARADIGM
(11th — 15th CENTURIES)**

Аннотация. Статья посвящена исследованию представлений о правде как социально-правовом и религиозно-нравственном идеале Древней Руси, систематизации указанных представлений и выявлению их эволюции. С этой целью были изучены древнерусские письменные источники, в которых можно обнаружить представления автора конкретного источника или лиц, о которых он повествует, о понятии «правда», которое, безусловно, являлось многозначным. Были выявлены упоминания правды, проанализирован контекст употребления данного слова в историческом документе, его смысловая нагрузка. Следующим шагом стало вычленение общих тем, в рамках которых в источниках происходила отсылка к правде, а также совпадающих взглядов на это понятие (если таковые имели место). По результатам исследования была предпринята попытка реконструировать некие типичные представления о правде, свойственные эпохе Древней Руси. Автор статьи делает вывод, что христианская мировоззренческая парадигма практически полностью выхолащивает идею справедливости как неотвратимого воздаяния по заслугам: напротив, в рамках данной парадигмы господствует убеждение, что обидчиков нужно прощать, а не наказывать, благодеяния же следует совершать просто так, бескорыстно, а не за награду; Господь может воздать преступникам по справедливости, но также может и ниспослать несчастья праведнику без всякой причины, лишь ради испытания или даже за грехи других людей. Главной становится цель привести человека к спасению, на Страшном суде Господь будет оценивать не каждый конкретный поступок, а в целом земную жизнь человека и ее итоги. Такое понимание правды подразумевает ориентацию в первую оче-

* *Шавеко Николай Александрович*, кандидат юридических наук, научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук

Shaveko Nikolay Alexandrovich, PhD Candidate of Law, Research Fellow, Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Nickolai_91@inbox.ru

редь на жизнь после смерти, а не на земную жизнь. Исследование призвано восполнить пробел, связанный с изучением древнерусского мировоззрения, поскольку в рассматриваемый период на Руси не создавалось сугубо философских трактатов, и те или иные абстрактные идеи приходится выявлять путем контекстуального анализа и синтеза отдельных высказываний либо косвенных упоминаний в различных источниках.

Ключевые слова: Древняя Русь, представление о правде, справедливость, закон, православие, Страшный суд.

Abstract. The article analyses the ideas about truth as a socio-legal and religious-moral ideal of Ancient Rus, and aims to systematize these ideas and identify their evolution. To this end, Old Russian written sources were studied, where one can find ideas voiced by an author of a specific source or the people who are in the narrative, concerning the concept of “truth”, which, of course, was ambiguous. Mentions of “truth” were identified, the context of the usage of this word in a historical document and its semantic load were analyzed. The next step was to determine common themes within which the sources referred to the “truth”, as well as coinciding views on this concept (if any). Based on the results of the study, an attempt was made to reconstruct some typical ideas about “truth” inherent in the era of Ancient Rus. The author of the article concludes that the Christian worldview paradigm almost completely emasculates the idea of justice as the inevitable retribution for deserts: on the contrary, within the framework of this paradigm, the belief prevails that offenders should be forgiven, not punished, and good deeds should be done just like that, unselfishly, and not for an award; God can repay the criminals justly, but he can also send down misfortunes to the righteous without any reason, only for the sake of testing or even for the sins of other people. The main goal is to lead a person to salvation; at the Last Judgment, God will evaluate not every specific deed, but the whole earthly life of a person and its results. This understanding of “truth” implies a paramount orientation towards life after death, and not towards earthly life. The study aims to fill the gap related to the study of the Old Russian worldview, since during the period under consideration, no purely philosophical treatises were created in Russia, and the researcher has to identify certain abstract ideas through contextual analysis and synthesis of individual statements or with the help of indirect references in various sources.

Keywords: Ancient Rus, concept of truth, justice, law, Orthodoxy, Last Judgement.

* * *

Введение. Понятие правды в Древней Руси было чрезвычайно многозначным. Так, В.В. Колесов пишет: «В ранних древнерусских текстах слово правда представлено в значениях ‘правило, свод законов’ (1016), ‘праведные деяния’ (1057), ‘справедливость’ (1076), ‘правдивость, честность’ (1159), и собственно русские значения, метонимически вытекающие из переведенных прежде греческих значений, ‘условия договора’ (1199), ‘судебное испытание’ (XII в.), ‘право, права’ (1229), ‘право суда’ (1452), ‘свидетель’ (1589)»¹. В свою очередь В.А. Томсинов

¹ Колесов В.В. Русская правда // Мир русского слова. 2012. № 1. С. 12.

утверждает, что слово «правда» в области правовой культуры имело по меньшей мере десять различных смыслов, среди которых: «оправдательный приговор суда», «чей-либо интерес», «правова того-либо или какого-либо дела», «справедливость» и др.² Нам представляется, что приведенными значениями термин «правда» в древнерусских текстах не исчерпывается. Однако, не вдаваясь в вопрос об обоснованности выделения тех или иных значений, отметим, что еще Р.М. Цейтлин показала, что первоначально все слова с корнем «-прав-» имели безусловно положительное значение: «правда» для древнерусского книжника — это не просто закон, а правильный/справедливый закон, «правосудие» — не судопроизводство вообще, а только справедливое, и т.д. Иными словами, прескриптивное значение слова «правда» является первичным, а дескриптивное появилось лишь позднее³. Таким образом, правда — это, в первую очередь, некоторый идеал.

В связи со сказанным представляется наиболее актуальным исследование правды именно как социально-правового и религиозно-нравственного идеала Древней Руси. Настоящая статья призвана проанализировать основные представления о должном, выражаемые в древнерусских источниках XI–XV вв. через термин «правда», обобщить и систематизировать эти представления. Результаты проведенного автором исследования позволяют заключить, что в рассматриваемый период представления о правде как идеале испытали серьезное влияние христианской религии, в связи с чем рассмотрение указанных представлений целесообразно осуществлять в контексте их эволюционного развития.

Принимая высказанную в научной литературе точку зрения о разделении истории русской культуры на три мировоззренческие парадигмы — мифологическую, христианскую и новоевропейскую⁴, период XI–XV вв. можно охарактеризовать как постепенный переход от мифологической к христианской парадигме. «Христианство, — пишет В.Е. Зеньковский, — пришло в Россию не только как религия, но и как мировоззрение»⁵. В то же время, христианство проникало в сознание правящей элиты, и тем более народа, постепенно.

В мифологической картине мира ключевыми понятиями являются Хаос и Логос. Следование последнему рассматривается как

² Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.

³ Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология. М., 1978. С. 63–64; Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М., 1996. С. 157–158; Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Автореф. дисс. ... доктора филос. наук. Воронеж, 2002. С. 8, 14, 19.

⁴ Черников М.В. Указ. соч. С. 8.

⁵ Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Ленинград, 1991. С. 32.

условие выживания⁶. Не случайно, изгнав варягов в 859 г., русские племена вновь пригласили варяжского князя в 862 г., ведь без властью установленного закона, как пишет летописец, «не бѣ в нихъ правды»⁷. Ориентация на сложившийся порядок предполагает его постоянное воспроизведение, отсюда консерватизм общества подобного типа и отсутствие какой-либо рефлексии: справедливым считается всё упорядоченное, несправедливым — случайное и произвольное. В христианской мировоззренческой парадигме Бог воспринимается как внеприродное начало, не скованное никакой необходимостью. Следовательно, ни один человек не может предугадать решение высшего Судьи и полностью познать Всевышнего. Бог встает на место прежнего Логоса, но поскольку в отличие от него обладает личным началом, для религиозного человека главным становится не следование заранее установленным правилам, а скорее полная отдача себя в руки Господа⁸.

Прощение и благотворительность. В первую очередь эволюция представлений о должном под влиянием христианства выражается в переходе, по крайней мере в сознании образованной элиты, от концепции мести к концепции прощения. В Повести временных лет кровная месть приписывается сначала княгине Ольге, мстившей древлянам за убийство Игоря. Далее, за 1015 г. имеется рассказ о том, как Святополк Окаянный, убив Бориса и Глеба, стал княжить в Киеве, а Ярослав, узнав об этом, пошел войной на Святополка, аргументировав это идеей кровной мести⁹. Аналогичные воззрения мы черпаем при анализе описанных в Повести событий 1071 г., когда сын новгородского посадника Ян, схватив волхвов, верующих в антихриста, отдал их на растерзание тех, чьи родственники были убиты этими волхвами, сказав им мстить за своих. «Они же, поимше я, *избиша* <...> и повѣсиша я на дрѣвѣ: *отмѣстье* приимша от Бога по правдѣ»¹⁰. Однако уже в описании событий за 1078 г. мы наблюдаем совершенно другую картину. Здесь излагается рассказ об Изяславе, о котором летописец говорит, что тот любил правду. А заключалось это, по мысли летописца, в том, что Изяслав не воздавал злом за зло. Так, киевляне выгнали Изяслава и разграбили его дом, братья прогнали его, и он скитался по чужой земле, но впоследствии, снова утвердившись на великокняжеском троне, никому не стал мстить, а наоборот, обещал брату Всеволоду сложить голову за него. В этой

⁶ Черников М.В. Указ. соч. С. 13.

⁷ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси (далее — БЛДР). Т. 1. С. 75.

⁸ Черников М.В. Указ. соч. С. 15–16.

⁹ Повесть временных лет. С. 184.

¹⁰ Там же. С. 216.

истории начинает утверждаться новый идеал справедливости, исключаящий воздаяние злом за зло.

Другой яркий пример дает сравнение текстов Русской правды краткой и пространной редакций. Первая редакция, составленная, по мнению большинства ученых, при Ярославе Мудром в 1016 г., начинается с положений, оправдывающих кровную месть: «Убьеть муж мужа, то мьстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мьстя, то 40 гривенъ за голову»¹¹. Вторая редакция, составленная при сыновьях Ярослава, изменяет это правило: «По Ярославъ же паки совкупившеся сынове его... и отложиша убиеение за голову, но кунами ся выкупати»¹². Иными словами, кровная месть, согласно этой записи, была отменена, перестав быть «правдой». Примерно к этому же времени относится канонизация Бориса и Глеба, отказавшихся, согласно Сказанию, сопротивляться окаянному Святополку и силой бороться за киевское княжение.

Если мы обратимся к более позднему источнику — Поучению Владимира Мономаха, то увидим, что его автор прямо выступает против мести и воздаяния злом за зло: «лишаемъ — не мьсти, ненавидимъ — любии, гонимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ»¹³. Данными правилами Владимир Мономах руководствовался и сам. Так, в письме Олегу Святославичу, убившему его сына Изяслава, Мономах прямо пишет о своем отказе от кровной мести¹⁴. В Изборнике 1076 г. (составленном духовниками специально для великого князя Святослава Ярославича) также прослеживается евангельская идея «не судите, да не судимы будете». Данный текст, хотя и имеет греческое происхождение, использовался, по мнению Д.С. Лихачева, в качестве походного пособия для княжеских сыновей¹⁵, и тем самым оказывал прямое на них влияние. Изборник советует быть смиренным, терпеть бесчестье и уделять внимание своим, а не чужим грехам. «Осужену быти неже осудити»¹⁶. Кара должна прийти именно от Всевышнего. В Житии Авраамия Смоленского (написанном его учеником Ефремом в первой половине XIII в.) указывается на недопустимость осуждения других (причем как «в правду», так и «без правды», т.е. неважно, справедливо или несправедливо), поскольку данное право есть лишь

¹¹ Русская правда (краткая редакция) // БЛДР. Т. 4. С. 490.

¹² Русская правда (пространная редакция) // БЛДР. Т. 4. С. 496.

¹³ Поучение Владимира Мономаха // БЛДР. Т. 1. С. 458.

¹⁴ Там же. С. 474.

¹⁵ Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 44. Ленинград, 1990. С. 181, 184.

¹⁶ Из Изборника 1076 года // БЛДР. Т. 2. С. 470–471.

у Бога: «Да аще мы на ся възмемъ инѣхъ осужати, изгонити въ правду или бес правды, то уже отняли есмы отъ Бога и отдали есмы оному противному, рекше диаволу, Божий корабль»¹⁷.

Таким образом, под влиянием христианства, по крайней мере в сознании образованной элиты (князей и духовенства), идея мести постепенно заменяется идеей прощения, и с этим связан отказ вершить суд над жизнями людей и в целом отвечать злом на зло. Вероятно, впоследствии подобные идеи стали распространяться и среди простых людей. Так, Севернорусский летописный свод 1472 г. в описании событий за 1462 г. сообщает, что Дмитрий Шемяка казнил заговорщиков, которые хотели вызволить из заточения в Угличе Василия Темного. При этом отмечается, что в народе эти казни воспринимались как большое зло, поскольку события происходили в Великий пост, когда от Дмитрия Шемяки все ждали акта милосердия и помилования, а вместо этого он совершил акт беспрецедентной жестокости¹⁸.

Новое понимание правды предполагает не только отказ от мести во имя прощения, но и отказ воспринимать всех людей как равноценных. Преимущество отдается слабым и обездоленным. Так, Владимир Мономах в Поучении подчеркивает значение милостыни, помощи убогим, сиротам и вдовам, добавляя к этому: «не вдавайте сильным погубити челоувѣка»¹⁹. Он пишет: «Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или соль; аще не можете даромъ — брашном и питьемъ... Болнаго присѣтите»²⁰. Значительное место уделено обоснованию помощи нищим и убогим, подаяний милостыни странникам и т.д. в Изборнике 1076 г.: «Яко елико великымъ съподобилься еси отъ Бога благымъ, тольма и большая длъжьнъ еси въздаяти»²¹ (т.е. кому много дано, с того много и спросится); «Даже не умьреши, добро сътвори другу и по силѣ своей простъри руку, и даждь убогимъ по силѣ своей»²². Впрочем, подобные наставления будущих правителей можно объяснить престижным характером «нищелюбия», которое можно трактовать как форму патроната²³.

Однако нищелюбие подобало не только князю. Христианство в целом требует от человека чего-то большего, чем равное отношение и воздаяние по заслугам: нужно не только прощать обидчиков, но

¹⁷ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5. С. 48.

¹⁸ Севернорусский летописный свод 1472 года // БЛДР. Т. 7. С. 336–337.

¹⁹ Поучение Владимира Мономаха. С. 462.

²⁰ Там же.

²¹ Из Изборника 1076 года. С. 416.

²² Там же. С. 454.

²³ Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград, 1980. С. 138–149.

помогать странникам, больным и угнетенным. Так, в своих поучениях св. Феодосий Печерский (XI в.) высказывает точку зрения, что монахам следует «от трудовъ своих крѣмити убогыя и странныя, а не празднымъ пребывати, прѣходити от келии въ келию»²⁴. В свою очередь в славянском варианте апокрифа «Книга Еноха» (который также выражает взгляды, в первую очередь, представителей духовенства, которые, по-видимому, и переписывали ее, а также ссылаются на нее, см. например Мерило Праведное) высказываются представления о праведном суде как о помощи обездоленным (нагому, голодному, сироте, вдове и всякому обиженному)²⁵. Наконец, анонимный автор сочинения «Слово о правде и неправде» призывает отказаться от богатства, славы, власти, чести, пищи и питья, одежд, рабов, сел, виноградов, добрых храмов и сладостей в пользу нищих ради спасения и вечной жизни²⁶. И.У. Будовниц писал в связи с изложенным о «теории общественного примирения и всеобщего согласия»²⁷: «Сущность теории заключается в призывах к милостыне, ограничению стяжательских устремлений господствующего класса, проповеди кротости, терпения, беззлобия и всепрощения»²⁸. Соответствующая этой теории стратегия поведения, по мнению Будовница, была связана с попыткой обуздать антифеодалные настроения народных масс, противящихся эксплуатации.

Мы, в свою очередь, полагаем, что такое понимание целей новых идеалов правды чересчур однобоко. Следует учесть, что для древнерусского человека считалась совершенно нормальной ситуация формально-правового неравенства, зависимости одного человека от другого вплоть до холопства: противопоставлялись скорее не свободный и зависимый, а свой и чужой. Существовавшая иерархическая организация предполагала, что, если господин имеет полную власть над подчиненными, то он несет за них и всю полноту ответственности (об этом говорит ряд статей Русской правды в пространной редакции, а также, в частности, «Слово о челяди»²⁹). Автор Жития Михаила Ярославича Тверского (XIV в.), весьма популярного в Древней Руси, даже говорит о неправде в контексте нарушения иерархической ор-

²⁴ Поучения и молитва Феодосия Печерского // БЛДР. Т. 1. С. 434.

²⁵ Книга Еноха // БЛДР. Т. 3. С. 222.

²⁶ Слово о правде и неправде // Памятники старинной русской литературы. Вып. 4. СПб., 1862. С. 213.

²⁷ Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 110.

²⁸ Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в. СПб., 2017. С. 126.

²⁹ Слово о челяди // Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 1: Домонгольский период. М., 2010. С. 260.

ганизации, т.е. последняя в его понимании, видимо, соответствует правде: «нача вѣсхитити и имѣнїа сынѣ подо отцемъ, брат менший под старѣйшимъ братомъ, умножїа неправда»³⁰. Отсюда милостыня, исходящая от власти, — это не «ловкий трюк» эксплуататоров, а проявление одного из уровней общей системы заботы о нижестоящих. Связь же милости с правдой прямо следует из христианских догматов, согласно которым раздача имущества убогим ведет к вечному торжеству правды (Пс. 111:9).

Теоретическое обоснование вышеизложенных воззрений на правду (связанных с прощением и благотворительностью) мы находим в сочинении митрополита Илариона «Слово о законе и благодати» (XI в.). Автор этого текста отождествляет закон с Ветхим Заветом, а благодать с Новым Заветом. Закон является преутовождением, предтечей благодати. Он был необходим как подготовительная стадия, и привел подзаконных к благодатному крещению, к тому, что необходимо уже не для земной жизни, а для жизни будущей, вечной и нетленной. Поэтому закон сравнивается Иларионом с тенью или свечой, а благодать — с истиной или солнцем. Но важно другое. Автор пишет, что иудейство посредством тени и закона оправдывалось, но не спасалось, христиане же посредством истины и благодати не оправдываются, но спасаются³¹. Тем самым Иларион признает, что предписания Ветхого Завета в общем справедливы, однако существует нечто более ценное, чем справедливость, и оно может не совпадать с этой справедливостью. И далее: «Яко оправдание въ семь мирѣ есть, а спасение въ будудїимъ вѣцѣ. Иудѣи бо о земельныхъ веселяхуся, христиани же о сущїихъ на небесѣхъ»³². Иными словами, нормы Нового Завета направлены на то, чтобы человек попал в рай, а нормы Ветхого Завета — на то, чтобы учредить справедливый порядок в земной жизни, и то, вероятно, лишь применительно к условиям древней Иудеи. В результате, по Илариону, получается, что теперь жизнь человека должна быть подчинена цели спасения, а значит «ветхое миновало», его нужно отложить. И, видимо, слова Христа, что он пришел не нарушать закон, но исполнить его, нужно понимать так, что закон посредством исполнения мессианских пророчеств будет трансформирован Христом в благодать, прежняя справедливость подчинится новой «правде». По мнению Илариона, уже в тот момент, когда Бог явился князю Владимиру, последний «землю свою пасущу правдою»³³, т.е. правда уже была его достоянием, но ему открылось

³⁰ Житие Михаила Ярославича Тверского // БЛДР. Т. 6. С. 70.

³¹ Слово о законе и благодати митрополита Киевского Илариона // БЛДР. Т. 1. С. 30.

³² Там же.

³³ Там же. С. 44.

новое понимание правды. После крещения Владимира он в устах Илариона — «христолюбче, друже правдѣ», «правдою бѣ облѣченъ»³⁴.

Иларион особенно подчеркивает необходимость подавать милостыню, быть щедрым, выкупать должников и рабов, проявлять милосердие. Таким образом, мораль и право сливаются воедино в том смысле, что идеал справедливости теперь отождествляется с идеалом праведности. И действительно, в других произведениях, например в Поучении и молитве Феодосия Печерского, мы также видим панегирик милосердию и жертвенности (не только в отношении представителей своей религии), которые в сознании авторов существуют не как сугубо моральные предписания, а как идеал, общий для права и морали. Повесть об Акире Премудром, имевшая своим прототипом ассирийскую Повесть об Ахикаре (VII в.) и распространившаяся еще в Киевской Руси, содержит следующие наставления Акира своему племяннику, которого он воспитывал как сына: «Сыну, аще другъ твой възненавидитъ тя, начнеть кляти и камене метати, а ты ѿ хлѣбомъ срящи, и оба *приимета* отвѣтъ в день Судный»³⁵. В Галицко-Волынской летописи (1288 г.) приводится в пример Владимир Василькович, который раздавал свое имущество нищим, вняв наставлению Божьему о том, что неправда исправляется щедротами к нищим³⁶.

«Философия Правды, развиваемая Иларионом, синкретически объединяет две концепции Правды, которые позже, обретя известную самостоятельность, отнюдь не всегда будут совместимы. Первая концепция Правды может быть обозначена как правда спасения, вторая — как правда благопреуспения. Правда спасения связана с обретением жизни вечной в мире ином, правда благопреуспения предполагает достижение благополучия в мире земном»³⁷. Таким образом, мы получаем как бы две «правды» — старую и новую, причем новая ориентирована на загробную жизнь, поэтому и говорит о прощении и о помощи нуждающимся. Можно указать два основания новой, высшей правды. Во-первых, прощение и благотворительность необходимы самому прощающему и жертвующему для очищения его души. Во-вторых, судить о человеке может, в конечном счете, только Бог (предполагается, что тот, кого простили, всё же получит по заслугам на Страшном суде).

Правда земная и небесная. Итак, христианство открыло для Руси новую правду — правду спасения. Эта новая, высшая правда, как правило, противопоставляется Закону в значении Ветхого За-

³⁴ Там же. С. 46, 52.

³⁵ Повесть об Акире Премудром // БЛДР. Т. 3. С. 30.

³⁶ Галицко-волынская летопись // БЛДР. Т. 5. С. 338.

³⁷ Черников М.В. Указ. соч. С. 18.

вета. Иларион, как мы уже показали, противопоставляет Закон и Благодать. Та же мысль впоследствии содержится в Послании митрополита Климента Смолятича (середина XII в.): «И уже не тѣснится в Законѣ человечество, нѣ въ Благодати пространно ходит. Законнаа бо вся стѣнь подаша и образ бяху будущих, а не сама та истинна»³⁸ (всё ветхозаветное — это тень и прообраз будущего, а не сама та истина). В Изборнике 1076 г. мы встречаем следующие слова Исихия, пресвитера Иерусалимского: «Елико же въ законѣ прѣдиидеши, толико же недостаточнѣ ся съвършеньемъ вѣжь» («Знай, что насколько ты преуспеваешь в законе, настолько ты отстаешь в совершенстве»)³⁹. Впрочем, правда противопоставляется и закону как силе и власти, а не только закону как Ветхому Завету. Известны, например, слова Александра Невского, приводящиеся в его житии: «Не в силах Богъ, но въ правдѣ»⁴⁰. Сила, поясняет князь далее, с теми, кто «въ оружии» и «на конѣх», а правда — с теми, кто призывает Господа и уповаet на Святую Троицу. Митрополит Киприан, в свою очередь, противопоставляет правду деньгам (подкупу), т.е. вновь силам этого, земного, мира⁴¹. Так или иначе, древнерусские книжники — авторы слов, посланий и житий — могли противопоставлять правду и силе, и ветхозаветному Закону (как устаревшему, как чему-то «земному»)⁴².

Дошедшие до нас литературные памятники Древней Руси прямо связывают правду и христианскую веру. Типична в этом отношении фраза из переводного апокрифа «Слово блаженного Зоровавеля», появившегося, судя по языку, в XII в.: «Идеже будет вѣра, туто не обрящется неправда»⁴³ (данная фраза, что интересно, не восходит к оригинальному еврейскому тексту). Как пишет выдающийся философ и книжник, митрополит Киевский и всея Руси Климент Смолятич (XII в.): «Нѣсть бо неправды у Бога, реку же, ни будет»⁴⁴. Русские князья в летописях всегда идут в поход «позряще на Бога (вариант — на крест) и на правду», и сохраняются их силой. «Слово о правде и неправде» начинается с утверждения, что правда в человеках сотворена Богом⁴⁵. «Пути Господа праведны и истинны; Он, будучи носителем и олицетворением абсолютной справедливости, творит

³⁸ Послание Климента Смолятича // БЛДР. Т. 4. С. 128.

³⁹ Из Изборника 1076 года. С. 434–435.

⁴⁰ Житие Александра Невского // БЛДР. Т. 5. С. 360.

⁴¹ Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору // БЛДР. Т. 6. С. 422.

⁴² Даль В. Словарь живого великорусского языка. М., 2006. С. 242.

⁴³ Слово блаженного Зоровавеля // БЛДР. Т. 3. С. 154.

⁴⁴ Послание Климента Смолятича // БЛДР. Т. 4. С. 130.

⁴⁵ Слово о правде и неправде. С. 213.

правду; все Его заповеди основаны на справедливости и правоте; все откровения есть правда и совершенная истина»⁴⁶.

В некотором смысле в Древней Руси Господь сам определяется как нечто правильное, праведное и справедливое, и соответствующие характеристики его тавтологичны. Поэтому можно согласиться с философом В.В. Розановым, который писал, что «правда выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Бог начинался бы не с правды — он — не Бог, и небо — трясина, и солнце — медная посуда»⁴⁷. Об отождествлении справедливости и Божьей воли свидетельствует и наличие на Руси «Божьего суда» (ордалий, судебного поединка), в котором решение спора отдавалось на откуп высшим силам. Распространение или защита христианской веры рассматриваются в древнерусских источниках как торжество правды, даже если это связано с войной (см., например, летописные рассказы о псковском князе Довмонте, о Дмитрии Донском в Куликовской битве, а также изложение похода Ивана III на Новгород в 1471 г. в московских летописях). В свою очередь любое покушение на христианскую веру, напротив, осуждается как неправда (см., например, Сказание о Мамаевом побоище).

С другой стороны, слово «праведный» в Древней Руси имело не только основное значение («благочестивый, добродетельный, соответствующий христианской морали»), но и такие значения, как «справедливый», «правильный» и даже «относящийся к праву», т.е. оно было укоренено не только в христианской религии, но и в правовой сфере⁴⁸. Р.М. Цейтлин отмечает, что религиозный смысл слова «праведен» является даже более поздним, накладывающимся на первоначальные «правовые» смыслы⁴⁹. Поэтому высшая христианская правда, очевидно, имела свои границы. В первую очередь, правила прощения, по-видимому, не должны распространяться на убийства в ходе войны, поскольку и сам Владимир Мономах в рассказе о своей жизни упоминает, что перебил врозь около двухсот половецких лучших мужей. Кроме того, эти правила не распространяются на случаи, когда человек мстит и заступает не за себя, а за других (поскольку простить может только тот, кому причинили вред, а не третье лицо). В соответствии с христианским мировоззрением, «столкнувшись с неправдой в отношении себя, человек в первую очередь должен обратить внимание на собственный образ жизни,

⁴⁶ Рачков П.А. Правда — справедливость // Вестник Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 19.

⁴⁷ Розанов В.В. Уединенное; Опавшие листья. Короб первый; Опавшие листья. Короб второй и последний: Трилогия. М., 2006. С. 74.

⁴⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1992. С. 103–104.

⁴⁹ Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-». С. 62–63; Она же. Сравнительная лексикология славянских языков... С. 154–157.

ища в ней причину свалившихся на него напастей»⁵⁰. Но совсем иное дело — несправедливость в отношении ближних. Мономах пишет: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть»⁵¹. Вероятно, княжеская власть, ответственная за порядок на своей земле, на том же основании не обязана быть всепрощающей.

Наконец, говорит Мономах, не следует давать спуску своей жене. Хотя, как отмечается в литературе, «в древнерусских нравоучительных сочинениях XI–XIII вв., в отличие от позднего “Домостроя”, нигде не встречается рекомендация бить жену, какой бы плохой она ни была»⁵², всё же социальная психология древнерусского общества была «мужской». Одновременно в Повести об Акире Премудром можно найти наставление о необходимости физического наказания своих детей: «аще *от* биения сына своего не воздержайся, оже бо рана сынови, *то* яко вода на виноград възливается»⁵³. Таким образом, домохозяин имеет власть над членами семьи. Этот ряд приведенных примеров пусть и скуден, но всё же показывает: поскольку в отсутствие мирского суда жизнь в обществе будет попросту невозможна, место старой правды, а вместе с ней и закону, остается, а полномочия вершить мирской суд предоставляется в первую очередь князю как главе земли и домохозяину как главе семьи, в некоторых же случаях — всем полноправным членам общества.

Пытаясь эксплицировать некоторое раздвоение «правды», А.И. Клибанов предлагает разграничивать «Правду» и «Справедливость»: «“Правда”, — пишет он, — служила эквивалентом нашему понятию “идеал”. “Правдой” называлась верховная регулятивная идея для всех форм и проявлений общественной жизни, всей жизнедеятельности людей»⁵⁴. В свою очередь «Справедливость» данный автор называет дериватом «Правды» и говорит, что это есть «норма, представляющая “Правду” во всей сфере земных (мирских) отношений людей»⁵⁵.

Это противоречие между необходимостью прощения и необходимостью мирского суда всюду чувствуется в древнерусской литературе, и в последующем становится предметом диспутов различных публицистов. В Повести временных лет при описании крещения Руси (988 г.) летописец отсылает к Книге пророка Михея Михея (7: 18-19): «Кто яко Богъ отъемля грѣхы и преступая неправду? Яко хотяи ми-

⁵⁰ Черников М.В. Указ. соч. С. 21.

⁵¹ Поучение Владимира Мономаха. С. 462.

⁵² Долгов В.В. Указ. соч. С. 172.

⁵³ Повесть об Акире Премудром. С. 30.

⁵⁴ Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. С. 218.

⁵⁵ Там же. С. 221.

лостивь есть»⁵⁶. Но речь идет о милости, совершаемой Богом, что же касается наставлений для княжеской семьи, то подход уже совсем другой. Изборник 1076 г. гласит: «Не оправдай неправдынааго, аште и другъ ти есть, ни обиди правдынааго, аште и врагъ ти есть»⁵⁷.

Ценность мирского суда наглядно прослеживается во множестве древнерусских источниках, в которых восхваляется справедливый суд, при этом используются такие выражения, как «правый суд», «праведный суд» и даже «истинный суд». Впрочем, что представляет собой правый и праведный суд, в древнерусской литературе раскрываться начало далеко не сразу. Так, суд «по мздѣ» лишь едва упоминается в «Слове св. отецъ о правде и неправде», а в «Слове святыхъ отецъ еже не обидѣти вдовы и сироты» хотя и сказано: «Проклятъ бо, рече, всякъ судья неправедно»⁵⁸, но в основном это связывается с тем, что купленный судья не станет защищать неимущих вдов и сирот. Оба Слова содержатся в списках Измарагда XV в., получившего распространение уже в XVI–XVII вв. В том же Измарагде описывается библейский сюжет суда над Сусанной (Книга Даниила) как пример суда правого, не допускающего наказания того, в ком не обрелась неправда (слово 82). Повесть о новгородском посаднике Добрыне (написана не ранее 70-х гг. XV в., в основе лежат устные легенды местного происхождения) описывает Божью кару, которая постигла мздоимца, потакавшего идее немцев воздвигнуть в Новгороде католический храм: но и здесь Бог выступает защитником не только (а может и не столько) правды как объективного суда (запрета брать «посулы»), но и православного вероисповедания. И лишь в послании Кирилла Белозерского князю Андрею Дмитриевичу (нач. XV в.) праведным судом прямо называется суд, в котором судьи не берут взятку, не потакают сильным и богатым, и где нет кумовства: «Судь бы, господине, судили праведно, какъ предъ Богомъ право. Поклепом бы, господине, не было. И подметом бы, господине, не было же. Судьи бы посулов не имали, доволни бы были уроки своими, понеже сице глаголетъ Господь: “Да не оправдиши нечестиваго мзды ради, ни силна, ни богата устыдися на судѣ, ни брата свойства ради, ни друга любве ради, ни нища нищеты ради. Ни сотвориши неправду на суде, яко судъ истиненъ есть; проклятъ всякъ неправо судя”. Пророкъ рече: “Ярость Господня на них неизцѣльна до вѣка, и огонь поясть нечестивыя” — мзды ради, иже неправдою взимают. Судьяи праведно, без мзды, спасени будут и царство небесное наслѣдуют»⁵⁹. В целом суд, осуществляемый «по

⁵⁶ Повесть временных лет. С. 164.

⁵⁷ Из Изборника 1076 года. С. 416.

⁵⁸ Памятники древнерусской церковно-учительской литературы. Вып. 3. СПб., 1897. С. 90.

⁵⁹ Три послания и Духовная грамота Кирилла Белозерского // БЛДР. Т. 6. С. 434.

правде», характеризуется в древнерусских источниках рассматриваемого периода как суд, где к делу подходят объективно, невзирая на родственные связи, где не берут взяток, не осуждают невиновных, а при вынесении решения основываются на истинных фактах.

Осуждение взяточничества особенно важно, если учесть систему кормлений, существовавшую на Руси в рассматриваемый период. Представляется, что поскольку должностные лица, осуществлявшие судебные функции, жили исключительно за счет “корма” от местного населения, “посулы” также могли восприниматься как нечто само собой разумеющееся, и осознание их вреда пришло не сразу. С XV в. московские великие князья регламентировали доходы кормленщиков путем выдачи специальных кормленных и уставных грамот, а результате земской реформы 1555–1556 гг. система кормлений была ликвидирована. Среди официальных документов уже Псковская судная грамота содержит запрет судьям принимать «тайные» (?) посулы, а впоследствии наставление судьям «посула не имати» мы встречаем в Судебнике 1497 г., но относительно вопроса о том, насколько широко данный Судебник применялся на практике, также существуют споры среди ученых.

Ценные сведения о том, что значило в Древней Руси судить по правде, содержится в поучениях преподобного Серапиона Печерского — проповедника и писателя, епископа Владимирского, Суздальского и Нижегородского (XIII в.). Он критикует судей, которые руководствуются прибылью, враждой или глупостью, а также тех, кто осуждает людей на смерть в отсутствие свидетельских показаний, прибегая лишь к ордалиям: «Кто бо такъ бѣ судия, якоже Давидъ? Страхомъ Божиимъ судяше, Духомъ Святымъ видяше и по правдѣ отвѣтъ даяше. Вы же как осужаете на смерть, сами страсти исполни суще? И по правдѣ не судите: иный по враждѣ творить, иный горкаго того прибытка жада, а иный ума не исполненъ; толко жадаеть убити, пограбити, а еже а что убити, а того не вѣсть. Правила божественаго повелѣвають многими послухъ осудити на смерть челоувѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголете: аще утапати начнетъ, неповинна есть; аще ли поплövetъ — волхвоу есть. Не может ли дяволь, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы вѣврещи въ душъгубство; яко, оставльше послушьство боготворенаго челоувѣка, идосте къ бездушну еству к водѣ приасть послушьство на прогнѣванье божие?»⁶⁰.

Критика суда, осуществляемого не по правде, содержится также в Новгородской I летописи за 1445 г., где рассказывается о том, что в городе начался голод. «И в тоже время не бѣ в Новѣгородѣ правдѣ и праваго суда, и вѣсташа ябетници, изнарядиша четы и обѣты и цело-

⁶⁰ Слова и Поучение Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5. С. 380.

ванья на неправду, и начата грабити по селамъ и по волостемъ и по городу: и бѣхомъ в поруганье сусѣдомъ нашимъ, сущимъ окрестъ насъ; и бѣ по волости изъѣжа велика и боры частыя, криць и рыдание и вопль и клятва всими людьми на старѣйшины наша и на градъ нашъ: занене бѣ в насъ милости и суда права»⁶¹. Здесь неправда суда заключается в том, что государство в лице своих должностных лиц не обеспечивает должный правопорядок и не предотвращает преступления.

Таким образом, правда в древнерусских источниках хотя и противопоставляется ветхозаветному закону, а также грубой силе, но при этом продолжает отождествляться с земной властью, которая способна претворить всё еще имеющую значение «земную правду».

Неотвратимость возмездия. Поскольку право высшего суда принадлежит Богу, авторам различных текстов важно показать, что справедливое воздаяние в отсутствие мести по воле Божьей в конечном счете восторжествует. В целом ряде произведений подчеркивается неотвратимость наказания за грехи и неправды: Бог постоянно присутствует в человеческой истории, «Богъ неправду зрить»⁶², «Богъ убо мститель есть неправду творящимъ»⁶³. При этом в письменных источниках очень часто встречается отсылка к Посланию Иакова (2:13): «Судъ бо безъ милости не сътворшему милости». Составитель переведенного на древнерусский Толкового Апостола Феофилакт, епископ Охридский, называет это высказывание «Закономъ правды»⁶⁴. Популярно и обращение к Псалтири (7:17): «Обратится болѣзнь его на главу его, и на верхъ его неправда его снидетъ» — за неправду каждый отвечает головой. Изборник 1076 г. содержит следующие строки: «Не твори зѣла, да не постигнетъ тебе зѣло, отъступи отъ неправды и уклонить ся отъ тебе. Сыне, не сѣй на браздахъ неправды — и не пожнеши ихъ седмерицею»⁶⁵. Схожие мотивы мы встречаем и в Книге Еноха, и в апокрифе «Хождение Богородицы по мукам», и в Повести об Акире Премудром. Предполагается, что Бог воздаст каждому по заслугам.

Идея неотвратимости Божьего возмездия выражалась не только в заимствованных и переводных текстах, но и в оригинальных русских произведениях. Киево-Печерский патерик содержит целый ряд историй, где справедливость восторжествовала путем прямого вмешательства Господа через сотворение чудес, например когда воры онемели и не смогли унести похищенное, и стояли так двое суток,

⁶¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 425.

⁶² ПСРЛ. Т. 9. С. 188.

⁶³ ПСРЛ. Т. 10. С. 26.

⁶⁴ Из Толкового Апостола // БЛДР. Т. 2. С. 98.

⁶⁵ Из Изборника 1076 года. С. 448.

пока их не обнаружили (слово 28), или когда человек, поклявшийся, что не брал чужих денег, не смог приложиться к иконе Богородицы, что выдало его ложь (слово 5), а также когда похититель сокровищ разбился, упав с коня, купленного на эти сокровища (слово 10). Итак, Бог, как правило, предстает как судья, воздающий по заслугам.

Упование на Бога как на всепрощающего и всемилостивого встречается в древнерусских источниках значительно реже. Можно привести в пример отсылку Повести временных лет (за 988 г.) к Книге пророка Михея, где говорится, что Бог прощает беззакония и не наказывает преступления, не вечно гневается, но любит миловать. Тем не менее, такой подход представляется скорее исключением, чем правилом. Милость Бога бывает связана разве что с тем, что наказание длится не вечно (см., например, летописную повесть о Куликовской битве)⁶⁶, или оно менее строгое, чем положено. Например, Видение Хутынского пономаря Тарасия рассказывает нам историю о том, что молитвами святого Варлаама Бог решил не губить весь Новгород потопом, а «всего лишь» наслал на грешников мор, а потом и пожар.

В источниках времен Киевской Руси, политической раздробленности, монголо-татарского ига, возвышения Москвы Бог всегда воспринимается летописцами как защитник правды, следящий за ее свершением. Причем он не только наказывает за неправду, но и помогает тем, кто утверждает правду, вознаграждает за следование ей. Примеры такого понимания мы находим в описании летописцами Липицкой битвы 1176 г.⁶⁷, Липицкой битвы 1216 г.⁶⁸ и других событий, а также в речах Кирилла Туровского⁶⁹ и Пахомия Серба⁷⁰. Но особенно ярко это проявляется в Сказании о Мамаевом побоище (первая пол. XV в.), где постоянно подчеркивается, что Бог покровительствует русским, поскольку правда на их стороне⁷¹, а князь и митрополит апеллируют в своих речах к Богу и правде. Перед битвой Дмитрию Ивановичу советуют перейти Дон, не считаясь с силой противника, мотивируя это выше приведенным изречением Александра Невского: «яко не в силѣ Богъ, нѣ в правдѣ»⁷².

Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича (конец XIV – начало XV в.), известное нам по ряду летописных сводов и представ-

⁶⁶ Летописная повесть о Куликовской битве // БЛДР. Т. 6. С. 134.

⁶⁷ Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. С. 160.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 10. С. 73.

⁶⁹ *Калайдович К.* Памятники российской словесности XII века. Творения Кирилла, епископа Туровского. М., 1821. С. 92.

⁷⁰ Велия Миней Четии. Октябрь, дни 1–3. СПб., 1870. Стб. 18.

⁷¹ Сказание о Мамаевом побоище // БЛДР. Т. 6. С. 142.

⁷² Там же. С. 146, 148, 166.

ляющее собой традиционную похвалу умершему князю, содержит эпизод, когда Дмитрий Донской обращается к Богу с такой молитвой: «Да не порадуются враждующи мнѣ бес правды, ни ркут погании: “Где есть богъ их, на негоже уповаша?”»⁷³. А после поражения Мамай князь восклицает: «суди им, Господи, по правдѣ их, азъ же, Господи, уповаю на тя!»⁷⁴. В летописном Сказании о нашествии Едигея (XV в.) говорится, что Богоматерь защищает Русь от нашествия монголов, пока народ хранит правду и не грешит⁷⁵. Согласно Сказанию, попустительствуя врагам, Христос «ранами смиряет неправды наши». Неизвестный автор (Нестор Искандер?) Повести о взятии Царьграда турками в 1453 г., бывший очевидно человеком начитанным, обладавшим литературным талантом и прекрасно осведомленным об обстоятельствах гибели Константинополя, подчеркивает в своем произведении, что Богоматерь защищала и Константинополь, но жители города творили «злодеяния и беззакония», поэтому пришла кара. Севернорусский летописный свод 1472 г. в отношении Шелонской битвы содержит фразу: «Вездѣ бо Бог помогаше великому князю за его исправление»⁷⁶, т.е. Бог помогает князю в справедливом деле; в Новгородской IV летописи эта же фраза имеет другое окончание: «за его правду»⁷⁷.

Таким образом, согласно литературным памятникам Древней Руси, Бог постоянно присутствует в мире, влияя даже на незначительные события.

Особенности Страшного суда. Передача полномочий справедливого воздаяния (т.е. воздаяния по заслугам, противопоставляемого прощению и безусловной помощи нуждающимся) Господу изменяет сам характер данного воздаяния, ведь теперь важно не то, что делал человек в течение всей своей жизни, а то, как он подошел к ее завершению. Покаявшись в грехах, можно «оправдить живот»⁷⁸, т.е. исправить свою жизнь, достичь правды. Так, автор Повести временных лет размышляет следующим образом в связи со смертью Владимира: «Мнози бо праведнии творяще и по правдѣ живуще, и къ смерти совращаются праваго пути и погыбають, а друзии развращено пребываютъ и къ смерти въспомануться и покаяньемъ добрымъ *очистять* грѣхы. Якоже пророкъ глаголетъ: “Праведный не возможе спастися въ день грѣха его. Егда рекуть правѣдному: Живѣ будещи, сый же уповаеть правдою своею и сотворить безаконье, вся

⁷³ Слово о житии великого князя Дмитрия Ивановича // БЛДР. Т. 6. С. 208.

⁷⁴ Сказание о Мамаевом побоище. С. 184.

⁷⁵ Сказание о нашествии Едигея // БЛДР. Т. 6. С. 244.

⁷⁶ Там же. С. 342.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 4. С. 150.

⁷⁸ Поучение Владимира Мономаха. С. 464.

правда его не въспоманеться, в неправдѣ его, юже створи, и в ней умереть. И егда рекуть нечестивому: смертию умреши, ти обратиться от пути своего и створишь судъ и правду. И займъ судъ, лъжю *отдасть*, и всхищение възвратить. Все грѣси его, яже сгрѣшилъ есть, не *помянутся*, яко суд и правду створилъ есть, и живъ будетъ в них”»⁷⁹. Эти рассуждения, говорящие сами за себя, представляют собой наиболее ясное и полное изложение нового представления о правде, олицетворяющего смену мировоззренческих парадигм. И они не были бы так показательны, если бы аналогичные суждения не встречались во множестве других источников.

Рассмотрим три примера. В Житии Марии Египетской (славянский перевод относится предположительно к X в.) главная героиня так объясняет, почему Господь не покарал ее сразу за блудодеяния: Он, по ее мнению, ждет покаяния, и хочет не смерти грешникам, а их обращения в истинную веру⁸⁰. И далее приводится история о том, как Мария не смогла войти в церковь, увидела в этом божественный знак и раскаялась в своих грехах. Еще более показательна в этом отношении Повесть о Тимофее Владимирском (конца XV — начала XVI вв.), в которой священник Тимофей, совершивший блудодеяние во время исповеди, после бежавший к казанским татарам и прослуживший им тридцать лет в борьбе против русских, раскаивается в совершенных грехах, нравственно перерождается и в итоге получает прощение от московского князя и митрополита. Рассказчик отмечает: «Бог же не хочет смерти грешника, но хочет, чтобы исправился он и был живым, захотел он и этого преступника в прежнее благочестие привести»⁸¹. Таким образом, важно не воздаяние по принципу талиона за совершенные грехи, хотя оно и считается справедливым, а достижение царства небесного, что составляет высшую правду. В Сказании о Евстафии Плакиде (которое, как и Житие Марии Египетской, стало известно на Руси уже в Киевскую эпоху, широко переписывалось древнерусскими книжниками в течение нескольких веков и было включено в состав Великих Четий-Минеи) проводится мысль, что справедливо было бы предоставить язычнику, совершающему добрые дела, шанс на спасение через веру, поэтому Господь дает каждому возможность уверовать. Согласно Сказанию, Христос явился Евстафию в образе оленя и возвестил о себе, чтобы тот познал истинную веру: «нѣсть бо праведно моему приятелю вязити в сѣти неприязненѣ»⁸².

⁷⁹ Повесть временных лет. С. 174.

⁸⁰ Житие Марии Египетской // БЛДР. Т. 2. С. 200.

⁸¹ Повесть о Тимофее Владимирском // Древнерусская литература / Сост., предисл. и комм. М.П. Одесского. М., 2001. С. 469.

⁸² Сказание о Евстафии Плакиде // БЛДР. Т. 3. С. 12.

Другой акцент в этом Сказании сделан на том, что истинность веры должна быть подтверждена испытаниями, сходными с теми, что выпали на долю библейского Иова, и в дальнейшем Сказание повествует, какие именно испытания преодолел Плакида. То, что испытания выпали на долю праведного человека, полагается справедливым. Древнерусские источники полны примеров страданий «праведных мужей» за веру (а не за грехи!), один из наиболее ярких источников — Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Феодора (XIII в.). Это уже, что важно, не заимствованное из Византии житие-мartyрий, а исконно русское произведение, но мотив у него тот же: необходимость страданий и даже смерти за христианскую веру. Вместе с тем, сама по себе идея страдания праведных, конечно, заимствована из византийской мысли. Еще Иоанн Златоуст говорил, что жизнь по правде вознаграждается лишь после смерти, и это он считает правильным, так как различными бедами в этой жизни очищается душа человека⁸³. Так святой развивал библейский тезис о том, что кого Бог любит, того и наказывает (Евр. 12:6).

Тем самым, под влиянием христианства надежды в части справедливого устройства возлагаются на загробный мир. Например, в Скитском патерике (глава «О прозорливых»), который был переведен на церковнославянский уже в эпоху Киевской Руси, приводится история о том, что бесчестный человек умер богатым и почитаемым, а праведный отшельник — бедным и забытым людьми. Посланный Богом ангел поясняет, что нечестивец имел покой на земле, но не будет иметь покоя после смерти, в отличие от праведника⁸⁴.

Таким образом, с одной стороны, Бог не уходит от мира, он постоянно вмешивается в земные дела, направляет и наставляет тех, кто обращается к нему с молитвой, дает им знамения. Некоторые произведения, например апокрифы о Макарии Римском (упоминается с XIV в.) и об отце Агапии (известен по списку XII–XIII вв.), целиком состоят из описания таких знамений. С другой стороны, путь к истинной вере не обязательно является тем путем, на котором каждому воздается по заслугам: испытания скорее необходимы, чем справедливы. Так и смысл апокрифа о Макарии Римском состоит в том, что нет смысла искать рай на земле. При этом несправедливости земного мира в любом случае должны быть компенсированы в загробном, и это подтверждает уже официальная церковная литература.

Вот что пишет в своем Поучении Серапион Владимирский (XIII в.), монах Киево-Печерского монастыря: «Мнози бо межы вами Богу истинно работают, но на сем свѣте равно со грѣшникъ от

⁸³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 87.

⁸⁴ Из Скитского патерика // БЛДР. Т. 2. С. 304.

Бога казними суть, да свѣтлѣиших от Господа вѣнец сподобаться, грѣшником же болшее мучение, яко праведници казними быша за их беззаконье»⁸⁵. Следует также отметить Поучение к братии новгородского архиепископа Луки Жидяты (XI в.), где он обещает причисление к лику святых после смерти тому, кто сложит голову за правду: «Но боуди правдивъ тако, яко не каюсь правды дѣла и закона Божия и приложа главу, да сочтеть тя Богъ съ святыми»⁸⁶.

Не только поучения духовных деятелей, но и летописи полны примеров того, что для торжества правды в мире небесном могут потребоваться страдания и жертвы в мире земном. Так, призыв не щадить своей головы за правду часто содержится в новгородских летописях. Некоторые летописи даже подчеркивают, что в годы тишины и благоденствия народ «от правды заблуждает»⁸⁷, т.е. страдания всегда необходимы.

Повесть временных лет в статье за 1093 г. содержит следующую сентенцию: «Се на ны Богъ пусти поганья, не милуя их, но насъ казня, да быхом ся востягнули от злыхъ дѣлъ. Симъ казнить ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть бо батѣгъ Божий, да нѣколи смирившеся упомянемся от злаго пути»⁸⁸. Далее летописец неоднократно подчеркивает, что наказание справедливо, потому что мы пребываем в неправде, но в результате это наказание поможет нам обрести милость в будущем веке, ведь Господь не наказывает дважды за одно и то же: «Такоже ны видѣ неправо прѣбывающа, нанесе намъ сущюю рать и скорбѣ, да хотяще и не хотяще и всяко в будущий вѣкъ обрящемъ милость: душа бо, здѣ казнима, всяко у будущий вѣкъ обрящемъ милость и лготу от муки: не мьстить бо Господь двоичѣ о Томъ»⁸⁹. Лаврентьевская летопись, говоря о походе русских князей против половцев (летопись датирует поход 1186 г., хотя в действительности это был 1185 г.) рассматривает поражение как наказание за грехи, добавляя, что много стерпевшие за свои грехи христиане попадут в итоге в царство небесное: «Се же... здѣся грѣх ради наших, зане умножишася грѣси наши и неправды. Богъ бо казнить рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью, и иными различными казньми, *хрестьяномъ* бо многими напастьми внити въ царство небесное. Согрѣшихом — казними есмы, яко створихом, тако и прияхом, но кажет ны добрѣ Господь нашъ, но да никтоже можетъ рещи, яко ненавидит нас

⁸⁵ Слова и Поучение Серапиона Владимирского // БЛДР. Т. 5. С. 376.

⁸⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 1. СПб., 1894. С. 14–15.

⁸⁷ См., например: ПСРЛ. Т. 21. 2-я пол. С. 449; Сказание о нашествии Едигея. С. 244.

⁸⁸ Повесть временных лет. С. 254.

⁸⁹ Там же. С. 256.

Богъ — не буди такого!»⁹⁰. Та же летопись, описывая события 1237 г., гласит: «И бысть плачь велик в градѣ, а не радость, грѣх ради наших и неправды. За умноженъе безаконий наших попусти Богъ поганья не акы милуя ихъ, но нас кажа, да быхом встягнулися от злых дѣль. И сими казными казнить нас Богъ, нахоженъем поганых; се бо есть батогъ его, да негли встягнувшесе от пути своего злаго»⁹¹. И далее: «И се нам сущую радость скорбь, да и не хотяще всякъ в будущий вѣкъ обрящем милость. Душа бо сдѣ казнима всяко в будущий суд милость обрящет и лгыню от муки. О неиздреченному ти человеколюбыю! И тако подобаеть благому владыцѣ казати»⁹².

Подобное понимание Божьей воли как воли воспитывающей преобладало и в последующие века. Идея о необходимости страданий в этом мире для обретения жизни вечной кристаллизировалась позже в послании Нила Сорского Вассиану Патрикееву⁹³. Итак, хотя в земном мире несчастья могут постигнуть и праведников, в конечном счете они усваивают урок и имеют жизнь вечную, зато грешники, чьими злодействами испытывались праведники, в ином мире получают по заслугам. Вероятно, именно подобной логикой можно объяснить и идеал правды как честности, ведь даже если таковая сулит страдания в этом мире, Господь всё же оценит их в мире ином. А между тем правда-честность также восхваляется во множестве письменных источников, например в Изборнике 1076 г.⁹⁴ и в Стословце св. Геннадия (различные списки которого входили и в Изборник 1076 г., Измарагд, Златую чепь и другие сборники нравоучительного характера). Автор Стословца призывает говорить правду, особенно на суде и пред князем (как пред самим Богом!), даже если это грозит неприятностями⁹⁵.

Таким образом, Божественный промысел, очевидно, направлен не столько на воздаяние, сколько на воспитание. Бог хочет, чтобы все спаслись, но для этого требуется не только милость, но и испытания («казни и беды»), напоминающие нам о наших грехах. Вот что говорится в Житии Авраамия Смоленского: «Богу же хотящу всѣмъ спастися, овогда же челоувѣколюбие свое и милость являеть, овогда же казня, бѣда дая: глады, смерть, бездождье, сушу, туча тяжкыя, поганыхъ нахождениа, градъ плѣнение и вся, яже на ны отъ Бога приходять. И тѣми обращаа и приводя к собѣ, да не бо есмы безъ грѣха, а

⁹⁰ Летописные повести о походе князя Игоря // БЛДР. Т. 4. С. 252.

⁹¹ Летописные повести о монголо-татарском нашествии // БЛДР. Т. 5. С. 96.

⁹² Там же. С. 98.

⁹³ Прохоров Г.М. Послания Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 29. Ленинград, 1974. С. 138.

⁹⁴ Из Изборника 1076 года. С. 418–420.

⁹⁵ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С.5.

терпяще сихъ, рассудимъ, помянемъ, колико злыхъ яже сътворихомъ и забытью предахомъ, в нощи же и въ день сѣгрѣшающе»⁹⁶. Испытания нужны для того, чтобы мы помнили о своих грехах. Но также в Житии подчеркивается, что Господь посылает испытания «по силе», такие, с которыми человек способен справиться, чтобы укрепиться в вере: «Видя Господь силу неприязнину и его злобу на ны, не попусти вся воли его, но яко же самъ вѣсть, тако и попускает по силѣ... приимати его брань, яко же Господь въ Еуангелъи рече, яко «ни на свиньяхъ имать власти без Божиа повелѣνια»; да искусни Божии раби явятся»⁹⁷. Так же и Нил Сорский в послании Гурию Тушину пишет: «Писано бо есть, яко невѣзможно правѣ мудръствующему и благочестнѣ живущу погыбнути»⁹⁸.

Примечательно, что вознаграждение за жизнь по правде и кара за неправду всё чаще отодвигаются церковными мыслителями в мир иной. Относительно вознаграждения за правду древнерусские письменные источники часто отсылают при этом к фразе из Евангелия от Матфея (5:10): блаженны изгнанные правды ради, ибо их есть Царствие Небесное. Церковно-учительная литература рассматриваемого периода проводит мысль о том, что если «вѣрный человекъ въ правдѣ живеть», то к нему приставляется ангел, записывающий все добрые поступки⁹⁹, и если «останите неправдѣ, и навикнете добро творити и милостивии будете да спасетесь»¹⁰⁰. «Слово св. отецъ о правдѣ и неправдѣ» вновь делает упор на загробную жизнь: «Правда праведнаго отъ смерти избавить» и дарует жизнь вечную¹⁰¹. Примеры переноса в загробный мир заслуженного наказания за различные неправды столь же многочисленны. Так, согласно Повести временных лет, Святополк Окаянный принял муки лишь после смерти: «Его же и по правдѣ, яко неправѣдна, суду пришедшу по отшествии сего свѣта прияша муки сего, оканьянаго»¹⁰². В Измарагде приводятся слова Иоанна Златоуста, утверждающего, что кара может прийти уже после смерти¹⁰³. По мнению святого, гораздо легче претерпеть «казни Божьи» в этом мире¹⁰⁴. Приведенный подход, конечно, порождал определенные сомнения уже в эпоху расцвета русской публицистики. Например, в Послании Иосифа Волоцкого Княгине Голениной был

⁹⁶ Житие Авраамия Смоленского // БЛДР. Т. 5. С. 46.

⁹⁷ Там же. С. 42.

⁹⁸ Прохоров Г.М. Указ. соч. С. 141.

⁹⁹ Житие Авраамия Смоленского. С. 48.

¹⁰⁰ Там же. С. 53.

¹⁰¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 85.

¹⁰² Повесть временных лет. С. 188.

¹⁰³ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. Вып. 3. С. 81.

¹⁰⁴ Там же. С. 82.

поставлен вопрос, почему страдают и умирают невинные младенцы, и в чем здесь Божественная правда¹⁰⁵.

Выводы. Под влиянием христианства в среде правящей элиты и духовенства распространяются идеи прощения (в том числе — отказа от кровной мести) и благотворительности (помощи сирым и убогим). Теоретическое обоснование эти идеи получили у митрополита Илариона. Вместе с тем, новое понимание правды подразумевает ориентацию в первую очередь на жизнь после смерти, а не на земную жизнь. Поскольку мирская справедливость все-таки остается необходимой, указанная ситуация приводит к «раздвоению правды». Идеологам христианства, с одной стороны, важно показать, что Бог и в этом мире воздает за несправедливые поступки по заслугам. Но, с другой стороны, логика Страшного суда полностью выхолащивает прежнюю идею справедливости как воздаяния по заслугам. Совершение плохих поступков по-прежнему недопустимо, но сам потерпевший должен прощать своих обидчиков, наказание исходит от специально уполномоченных лиц (князя, домохозяина и т.п.), Господь же хотя вправе воздать преступникам по справедливости, но он также может ниспослать несчастья праведнику без всякой причины, лишь ради испытания (или даже за грехи других людей). Главной становится цель приведения человека к спасению. На Страшном суде Господь оценивает не конкретный поступок, а в целом земную жизнь человека и ее итоги.

Список литературы

Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М.: Издательство АН СССР, 1960. 490 с.

Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. Миры повседневности XI–XIII в. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2017. 592 с.

Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Ленинград: ЭГО, 1991. 220 с.

Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Аспект Пресс, 1996. 368 с.

Колесов В.В. Русская правда // Мир русского слова. 2012. №1. С. 9–15.

Лихачев Д.С. Назначение Изборника 1076 г. // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Т. 44. Ленинград: Наука, 1990. С. 179–184.

Прохоров Г.М. Послания Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Отв. ред. Д.С. Лихачев. Т. 29. Ленинград: Наука, 1974. С. 125–143.

¹⁰⁵ Послание Иосифа Волоцкого княгине Голениной // Памятники общественной мысли Древней Руси: Т. 3: Московская Русь. М., 2010. С. 373.

Рачков П.А. Правда — справедливость // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1996. № 1. С. 14–32.

Розанов В.В. Уединенное; Опавшие листья. Короб первый; Опавшие листья. Короб второй и последний: Трилогия. М.: Мир Книги, 2006. 576 с.

Томсинов В.А. Термин «правда» в правовой культуре Древней Руси // Законодательство. 2017. № 2. С. 88–94.

Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1980. 256 с.

Цейтлин Р.М. О значении старославянских слов с корнем «-прав-» // Этимология. М.: Наука, 1978. С. 59–64.

Цейтлин Р.М. Сравнительная лексикология славянских языков X/XI–XIV/XV вв. Проблемы и методы. М.: Наука, 1996. 232 с.

Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Автореф. дисс. ... док. филос. наук. Воронеж: Воронежский межрегиональный институт общественных наук, 2002. 44 с.

Поступила в редакцию
1 апреля 2020 г.

И.В. Лукоянов*

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ САЛОН К.Ф. ГОЛОВИНА
И ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВЫХ ПАРТИЙ
В РОССИИ (1890–1900-е гг.)**

I.V. Lukoyanov

**K.F. GOLOVIN'S POLITICAL SALON AND THE FORMATION
OF RIGHTIST PARTIES IN RUSSIA (1890–1900s)**

Аннотация: Статья посвящена истории политического салона К.Ф. Головина, действовавшего со второй половины 1880-х гг. до смерти его хозяина в 1913 г. Салон занимал видное место среди других подобных неформальных сообществ (салоны В.П. Мещерского, Е.В. Богдановича), влиявших на формирование правительственной политики того времени. Выросший из неофициального кружка экономистов «Элиписис», где обсуждались аграрно-экономические проблемы России, салон постепенно расширил тематику дискуссий до вопросов государственного устройства империи. В статье показано важное значение салона как неофициальной политизированной структуры перед Первой русской революцией, когда его деятельность до определенной степени компенсировала отсутствие политических свобод. На «средах» К.Ф. Головина присутствовали как общественные деятели правового направления, так и чиновники средней руки, известны случаи апробирования в салоне некоторых мероприятий аграрной политики (В.И. Ковалевский, комиссия по оскудению центра), которые затем реализовывались. Салон К.Ф. Головина сыграл заметную роль при обсуждении проектов изменения государственного строя в 1905 г., особенно — учреждения Государственной думы, а именно вопроса о форме народного представительства и избирательного закона (смешанная коллегия выборщиков, выделение рабочей курии и др.). Параллельно К.Ф. Головин и постоянные посетители его «сред» принимали активное участие в попытках объединить умеренно правых и создать из них политическую партию. Эти попытки продолжались вплоть до 1912 г., но завершились неудачей. История салона также показывает важность неофициальной правой мысли прежде всего для власти: общественные деятели предлагали зачастую лучшие рецепты решения сложных проблем, а запрет на политическую деятельность создавал дефицит поддержки правительства со

* *Лукоянов Игорь Владимирович*, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела новой истории России, заместитель директора по научной работе Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор НИУ ВШЭ (СПб.)

Lukoyanov Igor' Vladimirovich, Doctor in History, Leading Research Fellow, Department of Modern History of Russia, Deputy Director for Research, Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, Professor, Higher School of Economics, St. Petersburg +7-812-235-15-80; lukoiyanov@yandex.ru

стороны благонамеренного общества, который невозможно было восполнить активностью бюрократического аппарата. «Среды» являлись частью сложных механизмов, которые связывали монархическое общественное мнение и власть, но в начале XX в. их было уже явно недостаточно.

Ключевые слова: политический салон, Российская империя, государственный строй, реформы, идеология умеренно правых, аграрный вопрос, С.Ю. Витте.

Abstract. The article covers the history of K.F. Golovin's salon, which was held from the second half of the 1880s until the death of its host in 1913. The salon occupied a prominent place among other similar informal gatherings (V.P. Meshchersky's, E.V. Bogdanovich's salons) which influenced the formation of the contemporaneous government policy. Grown out of the "Ellipsis", an informal circle of economists discussing the agrarian and economic problems of Russia, the salon gradually expanded the range of topics to include questions of the political structure of the empire. The article shows the importance of the salon as an unofficial politicized institution prior to the First Russian Revolution, when its activities to some extent compensated the lack of political freedoms. K.F. Golovin's Wednesday coterie was attended both by public figures of the right wing and middle-ranking officials. In some cases, certain agricultural policy measures (V.I. Kovalevsky, the Commission on the Impoverishment of the Central Provinces), which were later implemented, were tested there. K.F. Golovin's salon played a prominent role in the discussion of the drafts aiming to change the political system in 1905, especially concerning the establishment of the State Duma, and namely, the question of the form of popular representation and the electoral law (a mixed electoral college, the forming of the workers' curia, etc.). In parallel K.F. Golovin and the regular visitors of his "Wednesdays" took an active part in the attempts to unite the moderate-right and create a political party on this basis. These attempts continued to be made until 1912, but ended in failure. The history of the salon also shows the importance which unofficial right-wing thought had, first and foremost, for the authorities: public figures often offered better recipes for solving complex problems, while the ban on political activity created a deficit of government support from loyalist citizens, a deficit which could not be covered by the activity of the bureaucratic apparatus. The Wednesday salons were part of those complex mechanisms which tied the promonarchist public and the authorities. However, by the early 20th century they had clearly become insufficient.

Keywords: political salon, Russian Empire, system of government, reforms, ideology of the moderate right, agrarian question, S.Yu. Witte.

* * *

Одной из известных особенностей политической жизни Российской империи являлось позднее структурирование политической системы общества. Вплоть до Первой русской революции, в условиях запрета политической деятельности, существовавшие кружки замещали отсутствовавшие партии. Среди правого лагеря рубежа XIX–XX в. выделяется фигура К.Ф. Головина, известного публициста, хозяина небольшого, но деятельного и влиятельного политического салона.

Литературы о салоне почти нет, за исключением нескольких работ о самом К.Ф. Головине¹. Некоторую информацию о Константине Федоровиче Головине можно найти в его мемуарах, два тома которых были изданы еще при его жизни, а третий, начатый, по видимому так и не был завершен. До публикации воспоминаний ряд деталей из своей жизни он сообщил П.В. Быкову для готовившегося тогда словаря русских литераторов. К.Ф. Головин родился в Стрельне 21 июля 1843 г. Семья принадлежала к элите общества: его отец был близок Николаю I, дослужился до должности прибалтийского генерал-губернатора. Мать — Александра Алексеевна, дочь государственного контролера А.В. Хитрово. Как вспоминал К.Ф. Головин, его детство прошло одиноко, «почти без товарищей». Получив хорошее домашнее образование, в 16 лет, будучи «совершенным ребенком, не знающим жизни и даже не способным ее узнать», он поступил на юридический факультет Петербургского университета. Студенческие годы остались в памяти как «бесспорно, самое светлое время моей жизни»².

После университета К.Ф. Головин 1 января 1864 г. начал службу во Втором отделении Собственной Его императорского величества канцелярии. В 1870–1875 гг. он являлся ответственным редактором 14-го тома «Свода законов Российской империи» — нелегкая и престижная работа для молодого чиновника. Затем К.Ф. Головин принимает неожиданное решение — переходит в Министерство государственных имуществ, служба в котором обещала много рутины и мало шансов на продолжение успешной карьеры. В мемуарах он утверждал, что именно там была «настоящая работа», однако П.В. Быкову признался, что служба «никогда меня серьезно не интересовала»³.

На дальнейшую карьеру К.Ф. Головина повлияло ухудшение здоровья: в 1877 г. он заболел спинной сухоткой, в сентябре 1881 г. полностью ослеп, также он был частично парализован, утратив возможность ходить⁴. Тем не менее, проявив незаурядное мужество, чиновник не смирился с участью полного инвалида, а продолжил службу, активно участвуя в работе ряда комиссий и совещаний. К.Ф. Головин также

¹ Солоусов А.С. Общественно-политические и экономические взгляды К.Ф. Головина в 80-е – 90-е гг. XIX в. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. № 17. С. 161–167. Статья выполнена преимущественно на энциклопедических материалах и воспоминаниях самого К.Ф. Головина. См. также: Антонцева В.А. Аграрная программа К.Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX–XX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2005.

² К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 1 об.

³ Там же.

⁴ ОР ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. № 1129; К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2.

развернул публицистическую и художественную деятельность: написал несколько романов, повестей, пьес, которые пользовались в свое время популярностью и даже конкурировали с романами Ф.М. Достоевского. Наконец, спустя несколько лет преуспевающий литератор организовал у себя дома «среды», куда приглашал близких ему по духу и взглядам гостей — преимущественно средних чиновников, а также землевладельцев, интересующихся аграрным вопросом. Позднее он с горькой иронией писал, что там «приобрел своих теперешних друзей, которых никогда даже не видел в глаза»⁵.

На взгляды К.Ф. Головина существенное влияние оказали его служебные занятия по крестьянскому вопросу. Будучи безусловным сторонником самодержавия и защитником помещичьих интересов, он отличался от большинства правых конца XIX в. прежде всего тем, что был убежденным противником крестьянской общины⁶. Уже в 1887 г. он заключал: «мы глубоко убеждены в окончательном и неизбежном исчезновении общины»⁷, если предоставить ее самой себе. Одновременно он стремился сохранить сословную обособленность крестьянства и в то же время дать простор экономическому развитию хозяйства, т.е. буржуазным порядкам. Свои мысли по аграрному вопросу он изложил в 1895 г. в записке, адресованной Николаю II. В ней он настаивал на необходимости внедрять в крестьянскую среду частную собственность на землю, призывая не бояться пролетаризации⁸. Это шло вразрез с линией, заданной законом 14 декабря 1893 г., ограничившим возможности крестьян распоряжаться надельной землей (ее приобретение было возможно только лицами «сельского состояния», запрещен залог, досрочный выкуп надела оговаривался согласием 2/3 схода с последующим утверждением уездным съездом земских начальников). Можно сказать, что это была одна из ранних попыток пересмотреть правительственный курс, т.е. то, о чем стал говорить и писать С.Ю. Витте с 1896 г. Позднее, в 1904 г. публицист видел идеал для России в виде отрубного двора как хозяйственной единицы, которая в его представлении не должна была разрушать общину⁹. Он даже придумал заповедность крестьянских хуторских хозяйств в 10–16 десятин¹⁰.

⁵ К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января 6/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2.

⁶ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 2: (1881–1894). СПб., 1910. С. 67.

⁷ Головин К.Ф. Сельская община в литературе и действительности. М., 1887. С. 81, 259.

⁸ Записка К.Ф. Головина Николаю II. Сентябрь 1895 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 501. Л. 49–59.

⁹ Новое время. 1904. 10 апреля. №10094.

¹⁰ Головин К.Ф. Сельская община... С. 209–210, 243–244, 254–255.

К.Ф. Головин признавал полезность земства и ошибочность политики власти по отношению к самоуправлению¹¹. Предлагая развивать институт самоуправления через усиление роли в нем дворянства, а также через объединение низшей его ячейки с приходом¹², он опередил на целый ряд лет ход мыслей правительственных реформаторов, работавших над схожей комбинацией уже в эпоху П.А. Столыпина. Его позиция отчасти напоминала подход В.К. Плеве: усиление административной власти при попытке одновременно освободить хозяйственную инициативу и расширить компетенцию земств. К.Ф. Головин представлял самоуправление «не как выделение известных функций в особый цикл специально земских дел, а как участие людей земли, выборных от общества, в общем ходе местного управления. В моих глазах губернатор — конституционный король провинции, окруженный двумя палатами, из которых нижняя — земское собрание, а верхняя — предлагаемый мной губернский совет». В этой схеме земству поручалось вести все хозяйственные дела губернии, а исполнение его проектов вменялось частично «правительственным должностным лицам», но над ними ставился губернский совет как утверждающая и контролирующая инстанция¹³. Впрочем, вопреки курсу В.К. Плеве, К.Ф. Головин видел в губернаторе не хозяина губернии, а лишь председателя губернских коллегияльных учреждений и выступал против должности уездного начальника¹⁴.

На почве обсуждения аграрных и административных вопросов постепенно сложился небольшой круг заинтересованных участников, посещавших К.Ф. Головина. Он сам сообщил, что в 1878 г., когда еще не потерял зрение, вместе с А.С. Ермоловым, В.Г. Трироговым и под председательством Ф.А. Левшиным основал «частный кружок экономистов» под названием «Эллипсис», который просуществовал до 1887 г.¹⁵ На заседаниях обсуждались различные социально-экономические проблемы, например, судьба общины, деятельность Кахановской комиссии. Дискуссии имели резонанс: так, К.Ф. Головин полагал, что именно в «Эллипсисе» была намечена программа учреждения земских начальников (против которых он возражал!), что в итоге привело к концу кружка из-за возникших разногласий¹⁶. Его сменили «среды», начавшиеся в 1886 г.¹⁷, с более широким спектром

¹¹ Новое время. 1900. 12 января. №8576.

¹² Новое время. 1901. 16 ноября. №9233; 1903. 8 марта. №9701.

¹³ К.Ф. Головин — К.К. Арсеньеву 4 апреля, б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 359. Оп. 1. № 19. Л. 1 об. — 2 об.

¹⁴ Новое время. 1903. 5 апреля. №9729; 18 апреля. №9740.

¹⁵ К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2; Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 72-73.

¹⁶ Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 73, 148-149.

¹⁷ К.Ф. Головин — П.М. Быкову 20 января б/г // ОР ИРЛИ. Ф. 273. Оп. 1. № 166. Л. 2.

обсуждаемых вопросов. Постепенно политическая составляющая в тематике бесед увеличивалась.

На рубеже XIX–XX круг посетителей «сред» отличался профессионализмом и компетентностью. Дискуссии в салоне вращались в основном вокруг экономической политики правительства и административных реформ. Их свидетель В.И. Гурко назвал «среды» «политическим салоном», который он разместил посередине (согласно «политической окраске») между собраниями у В.П. Мещерского (который был «значительно правее») и кружком «Вестника Европы» К.К. Арсеньева («просвещенный либерализм» столичной интеллигенции, желавшей «введения конституции даже не парламентского типа»)¹⁸. Эту оценку можно уточнить. Взгляды хозяина и большинства присутствовавших гостей можно представить, вероятно, как нечто среднее между направлениями «Нового времени» и «Гражданина» — наиболее известных и влиятельных органов правой политической мысли, частым автором которых был хозяин салона. К.Ф. Головин по сути своих идей и установок являлся несомненным консерватором. «В картинке я люблю рисунок, в печатном слове — идею, в художественном произведении — ясность содержания, в природе — солнце, а в человеке — характер. За всё это, конечно, меня ругали, так как нет во мне никакой смеси кислых щей с либеральной или хотя бы с благонамеренной окрошкой»¹⁹. Одновременно К.Ф. Головин называл себя западником²⁰. «Не скрою, хотя я по профессии (так! — *И.Л.*) исконно русский, мне здешние (прибалтийские. — *И.Л.*) *Anffangung* (порядки. — *И.Л.*) симпатичнее нашей бесформенности, полного отсутствия нравственного скелета в русской душе, готовой витать в пустом пространстве между двумя противоположными полюсами социализма и кулачества»²¹. Из этого вытекало его неприятие общины — в отличие от других участников «сред», — что не мешало хорошим отношениям между ними: «споры как будто даже питали дружбу»²².

В.И. Гурко дал краткие характеристики некоторым постоянным участникам салона К.Ф. Головина. Среди них большинство были «ор-

¹⁸ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 279. Мемуарист появился в доме К.Ф. Головина, вероятно, в начале XX в., став начальником Земского отдела в МВД и будучи озадачен проведением крестьянской реформы после известных аграрных беспорядков в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.

¹⁹ К.Ф. Головин — А.А. Луговому 7 июля [1904 г.] // ОР ИРЛИ. 7294. LXIIб. 37. Л. 29 об.

²⁰ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 12 августа 1907 г. // ОР РГБ. Ф.265. К.186. №16. Л.19.

²¹ К.Ф. Головин — А.А. Луговому 7 июля [1904 г.] // ОР ИРЛИ. 7294. LXIIб. 37. Л. 29 об.

²² Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 66.

ловцы», «землевладельцы земской складки»: Н.А. Хвостов, обер-прокурор Второго департамента Сената, занимавшийся крестьянскими делами, являлся «ярм поклонником земельной общины и обособленного крестьянского управления и суда». Одной из своей заслуг он числил то, что еще в 1885 г. склонил Д.А. Толстого к введению запрета на отчуждение крестьянских наделных земель (который был реализован в 1893 г.)²³. С.С. Бехтеев, также уроженец Орловской губернии и шурин Н.А. Хвостова, возглавлял елецкую уездную земскую управу и служил предводителем дворянства; это был человек, «не лишенный некоторых познаний в области экономических вопросов», чьи взгляды эволюционировали от сторонника крестьянской общины до «энергичного проповедника необходимости перехода крестьян к личному землевладению». А.А. Нарышкин, товарищ министра земледелия и государственных имуществ, затем сенатор, также начинавший свою служебную деятельность в орловском земстве, будучи глубоко порядочным человеком, являлся также «ярм русским патриотом». «Славянофил чистой воды, он был убежденным сторонником триединой формулы — “самодержавие, православие, народность”, влагая, однако, в эту формулу отнюдь не полицейское содержание» и до 1905 г. даже «почитал самого себя либералом». Также орловец А.Д. Поленов удостоился от В.И. Гурко нелестной характеристики: «был человеком неглупым, но тупым, смотрящим на мир Божий через рисующие его статистические цифры»²⁴. Тем не менее, он при А.С. Ермолове служил директором департамента, затем товарищем министра. Частым гостем салона являлся П.Х. Шванебах, будущий государственный контролер в кабинетах И.Л. Горемыкина и П.А. Столыпина. «Несомненный знаток экономических вопросов», он был «убежденным и жестким противником экономической политики Витте».

Наконец, кроме постоянных посетителей в салоне собиралось и «множество других лиц переменного состава», включая будущих либералов П.А. Гейдена, П.Д. Долгорукова, а также А.Н. Брянчанинова, «честолюбивого политикана, не сумевшего пристроиться ни к какому определенному политическому течению»²⁵. Этот список легко пополнить из других источников (А.Д. Пазухин, А.В. Евреинов (Курск), Н.Н. Кутлер, А.С. Стишинский, П.П. Кобылинский, А.И. Воейков, А.И. Лыкошин, В.Г. Тригоров, И.И. Кауфман, А.С. Ионин, М.А. Хитрово, Р.А. Дистерло, Я.П. Полонский и др.)²⁶, из него склады-

²³ Н.А. Хвостов — Ф.Д. Самарину 21 октября 1902 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 206. № 6.

²⁴ Гурко В.И. Указ. соч. С. 280–281. О Н.А. Хвостове и С.С. Бехтееве см. также: Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 64–66.

²⁵ Гурко В.И. Указ соч. С. 282.

²⁶ Характеристики некоторых из них см.: Головин К.Ф. Мои воспоминания... С. 110–114.

вается впечатление аморфности политической физиономии «сред». На самом деле это не так. В салоне К.Ф. Головина кристаллизовались взгляды и направления преимущественно умеренно-правой мысли, а присутствие широкого спектра мнений свидетельствует лишь о неразвитости политической системы в России. Да и откуда ей было взяться при запрете политической деятельности и отсутствии представительных учреждений, которые никак не могли быть замещены земством или дворянской сословной организацией.

«Чрезвычайно своеобразный характер всему салону К.Ф. Головина придавал сам хозяин: слепой паралитик, не владевший ногами и лишь слабо владевший руками, он, тем не менее, умел объединять людей даже иногда довольно различных взглядов, умел заводить беседу и даже, до известной степени, направлять ее. Физический разбитый старик сохранял юношескую живость ума и горячий интерес к самым разнообразным вопросам общественной и государственной жизни»²⁷.

Во второй половине 1890-х гг. в салоне группировались по преимуществу противники экономической политики С.Ю. Витте, отстаивавшие интересы аграрного сектора перед односторонним курсом на развитие промышленности. «При этом, разумеется, пересаливали, с одной стороны, доказывая, что все осуществленные Витте реформы губительны для страны, а с другой, утверждая, что он ведет страну к определенному финансовому краху»²⁸. Посетители «сред» приняли активное участие в борьбе с золотой реформой С.Ю. Витте²⁹. Надо признать, что одними из самых содержательных были возражения К.Ф. Головина. Энергия сопротивления так и брызжет из его сопроводительного письма к статье для «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Она немного воинственна по тону, но что же мне делать, когда у нас и официальные сферы и печать находятся в каком-то оцепенении перед проектами Сергея Юльевича. Я считаю своей обязанностью верноподданного говорить правду»³⁰. В частности, он отметил серьезную опасность оттока золота из России и в связи с этим возможность дефицита платежного баланса империи³¹. Опасения не оправдались, но их реальность признавал и сам министр финансов.

Помимо критики правительственной политики и обсуждения своих идей салону было важно найти пути их реализации. Доступный

²⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 283.

²⁸ Там же.

²⁹ См., например: *Поленов А.Д.* Монетный вопрос. М., 1898; 2-е изд.: М., 1900. Автор ратовал за возвращение к серебряному стандарту рубля.

³⁰ К.Ф. Головин — Э.Э. Ухтомскому 17 марта 1896 г. // РГИА. Ф. 1072. Оп. 2. Д. 22. Л. 17.

³¹ *Головин К.Ф.* Мои воспоминания... С. 251–268.

путь заключался в участии посетителей «сред» в различных совещаниях, куда по заведенной практике нередко приглашали не только чиновников, но и так называемых «сведущих людей». Так, в комиссию Н.С. Абазы о майоратах вошли участники «сред» А.С. Ермолов, А.Д. Оболенский, А.А. Нарышкин, Л.Д. Вяземский и сам К.Ф. Головин. Разумеется, они пытались проводить свои представления. Вот, например, что пишет К.Ф. Головин в конце 1894 г.: «для осуществления нашей мысли», — заручившись согласием нескольких крупных чиновников, теперь нужно «установить список участников и определить срок начала занятий». То есть, адресант превращал свои «среды» в заседания экспертной группы, чье мнение имело бы значение. «Медлить незачем: в декабре соберутся губернские комиссии и, если мы не замешкаемся, можно будет их опередить и к 1-му февраля представить министерству нашу работу»³².

Также проявилась тенденция к эволюции салона в более устойчивое объединение. При запрете политической деятельности состав собравшихся и тематика обсуждений наталкивали на мысль использовать корпоративные права дворянства. Поэтому «с легкой руки С. Бехтеева зарождается мысль о “союзе”, только не писателей, а сельских хозяев <...> По крайней мере, этой идее предшествовали проекты Земских соборов. Пожалуй, это будет коррективом первому союзу, и пока ни у одного нет политической власти и пока контроль над ними будет силен, опасности не будет»³³. Конечно, строки из частного доноса, сообщавшего министру внутренних дел о деятельности салона К.Ф. Головина, нельзя воспринимать слишком буквально. Особенно это касается упоминания о «проектах» Земских соборов: скорее всего, осведомитель отразил циркулировавшие тогда в обществе общие рассуждения о желательности возвращения к сословно-представительной монархии, что не затрагивало бы суть самодержавия и в то же время вводило в империи институт выборного представительства. Понятно, что все доноски заостряли обсуждаемые темы, но сообщенное укладывается в рамки лояльной политизации «сред».

³² К.Ф. Головин — неизвестному адресату 25 ноября 1894 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 123. Оп. 1. №260. Л. 7–7 об. Что это была за «мысль», из письма непонятно. В мемуарах К.Ф. Головин дал слишком общую характеристику их занятий: участники пытались снизить (до 2,5 тыс. десятин) размер майоратного имения, но одновременно были озабочены тем, чтобы сохранить цензы для участия помещиков в земстве и обеспечить средствами тех, кто не унаследовал майорат (*Головин К.Ф. Мои воспоминания...* С. 232–234).

³³ В.А. Гольмстрём — И.Л. Горемыкину 10 мая 1897 г. // РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 588. Л. 2 об. Осведомленность адресанта вызывает сомнения: у К.Ф. Головина, как пишет сам В.А. Гольмстрём, он был всего два раза, а затем перестал посещать его. Объяснение причин выглядит неубедительно: якобы автор письма обиделся на то, что в нем заподозрили «жида», а также опасался слухов и стремления перетянуть его на свою сторону (?). Скорее, он почувствовал, что его «улов» слишком скромен.

Впрочем, размер «опасности» власть не преувеличивала. В 1897 г. салон регулярно привлекал на заседания около 10 человек, «редко больше». «Иногда» его посещали Н.С. Таганцев, А.Н. Куломзин, оба Оболенских, А.С. Ермолов, но лишь до того, как стал министром³⁴. Параллельно с обсуждением новой формы объединения продолжались поиски путей продвижения своих идей во власть. Например, С.С. Бехтеев в середине 1890-х гг. письмами увещевал С.Ю. Витте, обещая способствовать «возвращению к Вам добрых чувств того сословия, к которому мы с Вами принадлежим». В несколько менторском тоне он убеждал министра финансов, что тот не знает России, что до него не доходит «вся правда» (Бехтеев ее, конечно, знал), наконец, прямо призывал сановника искать поддержки масс (т.е. помещиков)³⁵. Конечно, такая наивная атака на политику министра финансов была обречена на неудачу. Но С.Ю. Витте услышал готовность салона к дискуссиям: в 1899 г. товарищ министра финансов В.И. Ковалевский (который не был постоянным посетителем «сред») поднял на собраниях у К.Ф. Головина вопрос о «цене окраин» для России. Следствием его обсуждения стала сначала брошюра А.Д. Поленова «Исследование экономического положения центральных черноземных губерний», а затем и создание комиссии по оскудению центра, автор же был приглашен на должность директора одного из департаментов Министерства земледелия и государственных имуществ³⁶. В комиссию помимо чиновников ведомства были включены 7 посторонних лиц, трое из них были посетителями салона К.Ф. Головина (он сам, С.С. Бехтеев, А.Д. Поленов)³⁷. К определенным выводам о причинах бедности земледельцев в центре России комиссия не пришла, но среди указанных ею причин оказалось правовое «неустройство» крестьянского сословия и необходимость его ликвидации³⁸ — одна из давних идей самого К.Ф. Головина и завсегдатаев его «сред».

В мае 1903 г. С.С. Бехтееву удалось представиться Николаю II и получить разрешение подготовить записку об экономическом благосостоянии сельских сословий³⁹. Записка «О важнейших мероприятиях к подъему экономического благосостояния земледельческого сословия» была представлена самодержцу 14 января 1904 г. Считая земледелие основой хозяйственной и государственной жизни Рос-

³⁴ Н.А. Хвостов — Ф.Д. Самарину 29 ноября 1897 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 206. № 6.

³⁵ С.С. Бехтеев — С.Ю. Витте б/д и 24 июня 1896 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 189. Л. 24-25, 76-80.

³⁶ Гурко В.И. Указ. соч. С. 281-282.

³⁷ Исследования экономического положения центрально-черноземных губерний. Труды Особого совещания 1899-1901 г. / Сост. А.Д. Поленов. М., 1901. С. 1, прим.

³⁸ Там же. С. 68-69.

³⁹ С.С. Бехтеев — Николаю II 14 января 1904 г. // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 244. Л. 1.

сии и критикуя политику индустриализации, автор, тем не менее, оказался беспомощен в рецептах развития аграрной экономики. Справедливо констатируя бедность деревни, С.С. Бехтеев объяснял ее склонностью помещиков к излишним тратам и «некультурностью» крестьянских хозяйств, с которой следовало бороться через распространение сельскохозяйственных знаний. Это было значительно примитивнее рецептов, обсуждавшихся на «средах». Единственной содержательной мерой можно считать лишь предложение, давно выдвинутое К.Ф. Головиным, — разрешить «расселение крестьян в пределах их земельного надела»⁴⁰. Тем не менее, Николай II пометил на первой странице записки: «Много верного»⁴¹. В каком-то смысле это можно рассматривать как высочайшее признание полезности салона К.Ф. Головина.

Дальнейшее втягивание салона в политику связано с В.К. Плеве. Как известно, министр внутренних дел был противником С.Ю. Витте, в том числе его экономического курса. В этом противостоянии ему было нетрудно обнаружить союзников среди посетителей салона. По сведениям В.И. Гурко, на «средах» была составлена записка об экономической политике, которая предназначалась для В.К. Плеве «и, вероятно, дала ему некоторый материал в его кампании против Витте». Министр внутренних дел был подчеркнуто любезен к ее авторам, принял их и «вел с ними продолжительную беседу»⁴². Не стала ли ее результатом помощь салона Г.П. Сазонову для реанимации газеты «Россия» (готовность выделить на это 30–50 тыс. руб.)⁴³? Разумеется, газета стала бы рупором оппонентов С.Ю. Витте, так как инициатор давно прослыл защитником крестьянской общины, пусть и с народнических позиций. Г.П. Сазонов также видел в газете средство борьбы с революционной пропагандой, более действенное, чем запреты, что совпадало с позицией К.Ф. Головина, который писал: «Нельзя не заметить, однако, что мало-помалу свободное слово отвоевывает себе некоторое право гражданства и что средство борьбы с ним напоминает порою намалеванных китайских драконов. Не замечаете ли Вы, как постепенно переходят в оппозицию все оттенки мнений, даже самые консервативные»⁴⁴. Однако скандал вокруг фельетона А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» не позволил салону обзавестись вождеденной печатной трибуной для пропаганды своих идей.

Звездный час салона К.Ф. Головина пришел в 1905 г. при обсуждении и разработке программы модернизации государственного

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 244. Л. 16 об. — 19.

⁴¹ Там же. Л. 5.

⁴² Гурко В.И. Указ. соч. С. 284.

⁴³ Сазонов Г.П. Воспоминания // РГИА. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 63. Л. 29 об.

⁴⁴ К.Ф. Головин — М.М. Стасюлевичу 14 мая 1898 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 293. Оп. 1. №443. Л. 14.

строю. Растерянность власти, наступившая в конце 1904 г., попытка П.Д. Святополк-Мирского подготовить пакет реформ, быстро оформляющаяся либеральная оппозиция в виде земских съездов, требующая конституции, создали сильное политическое напряжение в России. В это время уже отчетливо проявился парадокс: отсутствие политических свобод больно ударило и по правительству, так как затрудняло формирование верноподданнического направления в общественном мнении. Попытка же объединить вокруг защиты самодержавия дворянские общества привела к тому, что значительная, если не большая, часть губернских предводителей с осторожностью, но поддержала умеренно-либеральную оппозицию и ее платформу⁴⁵. В ноябре 1904 г. им протостояли разрозненные группы правых, среди которых заметное место занимал салон К.Ф. Головина.

Публицист еще до начала революции открыто заговорил о создании Совета министров и постоянном призыве в столицу сведущих людей — губернских предводителей дворянства и выборных от земских собраний. Таким образом он стремился продвинуть идею представительства, не допуская всеобщих выборов⁴⁶. Статья не случайно появилась в «Гражданине»: для князя В.П. Мещерского было важно обеспечить публичную (пусть и в сильно ограниченных рамках) поддержку своей реформаторской программы, призванной соперничать с либеральной, которую он задумал вместе с Николаем II в 1902 — начале 1903 г. и которую в итоге сильно урезал В.К. Плеве⁴⁷.

В ноябре 1904 г., когда программа князя П.Д. Святополк-Мирского еще только разрабатывалась его ближайшим сотрудником С.Е. Крыжановским, К.Ф. Головин предложил свой набор необходимых преобразований, предварительно обсужденных в его салоне. Прежде всего, это введение новых членов в Государственный совет: выборных от губернских земств — в состав соединенных департаментов, а представителей губернских дворянских собраний, городского самоуправления, купечества, церкви (не только православной, но и католической), а также университетов — в состав общего собрания. По мнению публициста, пополнение палаты полуторастами избранниками обеспечило бы правительству поддержку общества: «сделавшись участниками власти, они станут ее защитниками»⁴⁸.

⁴⁵ Лукоянов И.В. Предыстория объединенного дворянства: «беседы» губернских предводителей в конце 1904 — начале 1906 г. // Российское дворянство в революции 1905 года: «беседы» губернских предводителей. СПб., 2017. С. 11–23.

⁴⁶ Гражданин. 1903. 19 января. № 6. С. 5–6.

⁴⁷ Ананьич Б.В. О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. Л., 1983. С. 156–169.

⁴⁸ Письмо 8 ноября 1904 г. и записка К.Ф. Головина П.Д. Святополк-Мирскому // ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 144, 609. Печатный вариант этой записки датирован 3 ноября 1904 г., она сохранилась в значительном количестве экземпляров. Цитата — Л. 6 об.

В сопроводительном письме К.Ф. Головин предлагал правительству озаботиться созданием опоры из поземельного дворянства и купечества, которых следовало перетянуть на свою сторону, оторвав их от симпатий демократическим веяниям⁴⁹. Мнение Государственного совета, представляемое в формах большинства и меньшинства, ни в чем не связывало бы императорскую власть: Николай II, как и прежде, мог соглашаться с любым из них.

Через посетителя своего салона Н.Е. Комаровского К.Ф. Головин передал записку П.Д. Святополк-Мирскому⁵⁰. Участники «сред» выразили общее желание напечатать текст для распространения ее «в среде вполне благонадежных элементов». Но министр внутренних дел запретил публикацию даже в «Гражданине», по-видимому, избегая публичной полемики о реформе государственного строя⁵¹. Однако на правах рукописи записка была все-таки отпечатана и получила известность среди правых.

Следующая записка, увидевшая свет после 17 января 1905 г., предлагала правительству рецепты исполнения указа Сенату 12 декабря 1904 г. В ней перечислены те, кто принимал участие в составлении текста, и, по-видимому, вполне разделял предложенные рецепты, всего 13 человек⁵². Кроме уже упомянутых лиц появились и новые: Л.Д. Вяземский, И.А. Звегинцов, Н.Е. Комаровский, С.А. Толь, А.А. Куракин, С.С. Абамелек-Лазарев, А.А. Мусин-Пушкин, И.В. Стенбок-Фермор. Это означает, что круг участников «сред» и соавторов текстов увеличился, что отражало политизацию общества в целом. Содержание же текста выявило растерянность посетителей салона на рубеже 1904–1905 гг.: идея призыва выборных в состав Государственного совета исчезла из записки полностью, а желаемые перемены были сведены к некоторому преобразованию законодательства, а также контроля за его соблюдением, для чего следовало восстановить надзорную роль Сената. Одновременно К.Ф. Головин вернулся к излюбленной идее наделения гражданскими правами крестьян (при сохранении сословной обособленности!), а также совершенствованию правового регулирования согласно царскому указу⁵³. Салон перечислил нема-

⁴⁹ К.Ф. Головин — П.Д. Святополк-Мирскому 8 ноября 1904 г. (копия) // РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 58. Л. 58.

⁵⁰ Н.Е. Комаровский — П.Д. Святополк-Мирскому (копия) 10 ноября 1904 г. // РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 69. Л. 5.

⁵¹ *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 306. Запись 9 ноября 1904 г.

⁵² К.Ф. Головин сообщал, что в записке «сведены журналы совещаний, имевших место у меня в истекшем январе» (К.Ф. Головин — В.Н. Коковцову 3 февраля 1905 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 502. Л. 3). Сами журналы по-видимому не сохранились.

⁵³ Печатные экземпляры записки без подписи и названия с указанием «На правах рукописи» имеются в значительном количестве копий (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 514. Ч. 1. Л. 50–54; ОПИ ГИМ. Ф. 424. Оп. 1. Д. 32. Л. 14–18; РГИА. Ф. 968. Оп. 1. Д. 98 и др.).

лый перечень мер: упор на имущественный ценз в земских выборах и вообще возвращение к Положению 1864 г. как жест в сторону общества, необходимость страхования рабочих, сохранение ограничений евреев для защиты русского крестьянства и т.д. За этим скрывалась другая, не высказанная вслух мысль: уступок либералам не должно быть много. Но такая позиция не обещала успокоения, т.е. накануне революции правая мысль явно забуксовала.

Разрешение, данное в высочайшем указе Сенату 18 февраля 1905 г. частным лицам и учреждениям обращаться в Совет министров «по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния», наконец открыло легальные возможности для реформаторской мысли. В салоне К.Ф. Головина закипела работа. Весной 1905 г. участники «сред» сочинили целую серию записок, посвященных необходимым переменам государственного строя и возможным их формам. На фоне других многочисленных и, как правило, слабых сочинений следует отметить записку хозяина салона, поданную им уже 26 февраля 1905 г.⁵⁴ Она содержала детально разработанный план избрания народных представителей при сохранении неограниченного самодержавия и без создания нового учреждения, что вполне устраивало власть. Автор вернулся к идее пополнить Государственный совет избираемыми членами, которую он уже высказывал П.Д. Святополк-Мирскому. Принцип равенства при голосовании он исключил, предложил проводить выборы по 4 сословиям (дворянство, духовенство, крестьянство и купечество) и в 12 крупнейших городах. Наряду с избираемой частью сохранялась и назначаемая царем, куда К.Ф. Головин включил губернских предводителей дворянства, верхушку Русской православной церкви, 6 городских голов и двух представителей Финляндского сейма. Предложенная система выборов казалась безопасной для самодержавия: речь не шла о всеобщем избирательном праве, а новые члены Государственного совета представляли бы не население империи, а некоторые сословно-корпоративные организации, в которых преобладали умеренные элементы. Исключение делалось только для крестьянства в надежде на его монархизм. К.Ф. Головин открыто писал, что цель его предложений — «пробудить» от пассивности «консервативные элементы России и вызвать в их среде деятельный отпор крамоле». Наличие в документах Совета министров изложения этой записки свидетельствует, что на нее сразу обратили пристальное внимание⁵⁵. Все базовые идеи публициста были востребованы при подготовке избирательного закона в Государственную думу и реформы Государственного совета в конце 1905 — начале 1906 г.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 40. Л. 496–502.

⁵⁵ Там же. Д. 6. Л. 4–4 об.

Обсуждение записки также показало тревожную тенденцию: рост несогласия среди посетителей «сред». «Из всего числа собравшихся у него только 4 согласились приложить свою руку» к тексту, остальные намеревались представить особые мнения. «Когда же стали перечислять последние, то бедный слепец впал в отчаяние» и решил послать свою записку в правительство без всяких изменений⁵⁶.

К.Ф. Головин, по-видимому, при участии В.И. Гурко, подготовил также собственный вариант учреждения народного представительства (не в виде Земского собора). Он являлся сторонником большого форума из нескольких сотен депутатов. «Некоторое многолюдство собрания нужно потому, что баллотировальное мясо и есть та почва, на которую воздействуют таланты. А то армия из одних генералов раздираема спорами о командовании»⁵⁷. В отличие от правительственного проекта С.Е. Крыжановского он предполагал избирать от каждой губернии по 2–8 депутатов в «смешанной коллегии», где участвовали бы лица «свободных профессий» и ни одно сословие не имело бы абсолютного большинства (у С.Е. Крыжановского эта же идея была спущена на уровень уезда). В целом К.Ф. Головин полагал, что губернская коллегия выборщиков позволит дозировать представительство сословий, не допуская перевеса ни одного из них. У него также видно нежелание полностью отстранять от выборов «либеральные профессии», в частности, через отдельное избрание депутатов от 17 крупнейших городов. Свои соображения публицист оформил в виде записки и предполагал, по одобрении текста в салоне, разослать ее ряду сановников (в том числе А.Г. Булыгину) и Николаю II. По-видимому, именно эта записка обсуждалась в салоне 18 мая⁵⁸. Несомненно, что идеи, в ней изложенные, оказали влияние на разработку положения о Государственной думе.

Реформаторские проекты стали сильным катализатором оформления правых организаций с тенденцией их перерастания в политические партии. К.Ф. Головин и его салон приняли активное участие в этом процессе. Несмотря на неудачу в конце 1904 г., они снова сделали ставку на политическое объединение дворянского сословия в лице губернских предводителей. Однако превратить их неформальные собрания («беседы») в съезд дворянской правый в пик общеземскому съезду «левых» не удалось, так как среди них господствовали слишком «либеральные» взгляды на сотрудничество

⁵⁶ А.А. [Ширинский]-Шихматов — Ф.Д. Самарину 28 апреля 1905 г. (перлюстрация) // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1979. Л. 95.

⁵⁷ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 15 мая 1905 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 17–18.

⁵⁸ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 14 мая 1905 г. // Там же. Л. 14–15.

с земцами-конституционалистами и представления о необходимости глубоких политических реформ⁵⁹. Поэтому среди более «твердых» правых возникла идея созыва съезда единомышленников, состав которого подбирался бы персонально.

Съезд правых, по-видимому, готовился в предвкушении участия дворянства в обещанном совещании Булыгина по разработке предначертаний рескрипта 18 февраля 1905 г. Но когда правые узнали о его составе, они были удивлены и разочарованы: среди малочисленных «общественных деятелей» из их среды оказался призван лишь Ф.Д. Самарин. К.Ф. Головин небезосновательно предположил, что таким образом министерство отклоняло присутствие участников «из дум и земств»⁶⁰. Но насколько нужны были министру подобные критики будущей реформы? Если судить по воспоминаниям С.Е. Крыжановского, то не очень: чиновникам и так приходилось преодолевать довольно сильное влияние справа, нацеленное на то, чтобы минимизировать реформу политической системы. Разумеется, правые это чувствовали.

К.Ф. Головин играл в организации не состоявшегося тогда съезда одну из главных ролей и развил в связи с этим бурную деятельность. В частности, он подбирал от губернских дворянских обществ нужных кандидатов на участие в съезде, не доверяя «либеральничавшим» предводителям. 13 апреля 1905 г. у А.А. Бобринского семеро собравшихся (сам хозяин, А.А. Нарышкин, Н.А. Хвостов, А.П. Струков, А.А. Киреев, Волконский, Н.Н. Врангель) образовали «учредительное бюро партии» правых. Восьмым инициатором пригласили К.Ф. Головина. Трое из них были постоянными посетителями его салона. «Мы отделились от всяких сборищ, куда залезали и Валь, и Штюрмер, и Стишинский», которых подозревали в карьеризме⁶¹. В.И. Гурко, участник этих собраний, рассказал о них более подробно⁶². Созданный «Отечественный союз», хотя и озаботился вербовкой новых членов, но дело шло с трудом: «набирать чиновников не было ни смысла, ни охоты, связи же с широкими кругами населения у лидеров союза почти отсутствовали». В.И. Гурко также с большим скепсисом описал собрания членов союза у А.А. Бобринского для обсуждения вопросов, на которые присутствующие «лишены были возможности сколько-нибудь существенно повлиять». Кроме того, у собравшихся отсутствовало единодушие по ключевым вопросам.

⁵⁹ Лукоянов И.В. Указ. соч. С. 18–20.

⁶⁰ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 7 мая 1905 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 12–13.

⁶¹ Выписка из перлюстрированного письма Н.А. Хвостова С.Д. Квашнину-Самарину 14 апреля 1905 г. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 252.

⁶² Гурко И.В. Указ. соч. С. 450–453.

В частности, К.Ф. Головин полагал: «не суживать надо основы партии, как это делает Нарышкин, а расширять, т.к. бороться нам приходится не вправо, а влево. Даже самые неудобные лично правые элементы могут оказаться пригодными как союзники или, по крайней мере, как балласт». Он считал, что ему удалось перетянуть на свою сторону А.А. Куракина и С.С. Абамелек-Лазарева, и надеялся привлечь «москвичей» — Шереметева и Хомякова⁶³.

В начале мая 1905 г. работа по подготовке съезда правых была в основном завершена (как сообщал сам К.Ф. Головин, оставалось проделать ее в 6 губерниях), подготовлена программная записка, составленная на основе журналов заседаний его салона⁶⁴. Председателем будущего съезда К.Ф. Головин еще в апреле 1905 г. наметил А.А. Бобринского и был очень огорчен, когда тот отказался⁶⁵. Не состоялся тогда и сам форум, его идея в несколько измененном виде (депутатами стали губернские и уездные предводители) была реализована в начале 1906 г.⁶⁶

Неудача съезда отразила лишь трудность консолидации правых, она никак не умалила авторитета салона К.Ф. Головина. Его влияние проявилась в ходе Петергофских совещаний 19–26 июля 1905 г., где присутствовали и посетители «сред». В частности, активно вел себя на заседаниях А.А. Нарышкин, выступивший там несколько раз и прославившийся тем, что при попытке отстоять привилегии дворянства на выборах в будущую Думу он был грубовато приструнен великим князем Владимиром Александровичем⁶⁷. Разумеется, А.А. Нарышкин выступал в Петергофе от своего имени, но его позиция до известной степени отразила и мнения, господствующие в салоне: учреждение Думы не должно менять существующий порядок — неограниченное самодержавие и сословный строй, а депутатов следует рекрутировать прежде всего из преданной, как им казалось, престолу среды — землевладельцев-дворян и крестьян.

Тем не менее, столь выраженный охранительный настрой А.А. Нарышкина разделяли лишь другие «неумеренные» правые. Общество всё более стратифицировалось, распадалось на основе

⁶³ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 7 мая 1905 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 3. Д. 583. Л. 13. Вероятно, это С.Д. Шереметев и Д.А. Хомяков.

⁶⁴ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 2 и 6 мая 1905 г. // Там же. Л. 9, 11.

⁶⁵ К.Ф. Головин — А.А. Бобринскому 2 апреля 1905 г. // Там же. Л. 1.

⁶⁶ Первый съезд губернских и уездных предводителей дворянства 7–11 января 1906 г. // Российское дворянство в революции 1905 года... С. 390–460.

⁶⁷ Протоколы заседаний совещания под личным Его императорского величества председательством для обсуждения предначертаний, указанных в высочайшем рескрипте 18 февраля 1905 года. 19, 21, 23, 25 и 26 июля 1905 года. СПб., 1905. С. 14–17, 79–80, 97–100, 126–129.

политических симпатий и антипатий. К.Ф. Головин занимал взвешенную позицию, допуская, к примеру, объединение умеренных монархистов и либералов. Публицист также опасался упований правых на «чумазое» преобладание в Думе: «русский мужичок <...> имеет оригинальное свойство, что одинаково ненавидит и бар, и интеллигентов, и, вероятно, разочарует и тех, и других и своим желанием прикарманить чужую землишку, и своим полным отсутствием либерализма». По мнению автора, «мужицкое большинство по всей вероятности окажется совершенно не способным к разрешению серьезных вопросов <...>: сперва-то милые пейзажи полакомятся на наш счет, а потом и войдут во вкус, подстрекаемые разными Гиршмайерами и Сукинсынцевыми, каковых в Петербурге непочатый угол». Здесь его правота подтвердилась уже весной 1906 г. А вот предложение К.Ф. Головина объединиться «истинным» либералам (тем, «которые хотят уважения к человеческой личности») и умеренным консерваторам (желающим того же, «с тою прибавкою, что власть царя и незыблемость православия они считают необходимыми»), оказалось трудноосуществимо. «Мы со своей стороны на более или менее исторической сходке 26-го марта у гр. Толя оттолкнули от себя крайнюю правую. Сделайте Вы то же самое с левой». Он справедливо отметил перспективу такой комбинацией: «Рано или поздно, Н.А. Хомяков, Д.Н. Шипов, тульский Львов, московский голова кн. Голицын и т.д. к нам примкнут»⁶⁸. В задуманном виде объединение не осуществилось, но надо признать, что в случае реализации оно стало бы действительно серьезной опорой для государственного строя в России.

Неготовность умеренных сторонников самодержавия к консолидации проявилась и в попытке обсудить записку К.Ф. Головина, предлагавшую идею особого представительства первенствующего сословия в будущей Думе и адресованной очередной «беседе» губернских предводителей дворянства 2 сентября 1905 г. Постановку вопроса поддержали лишь немногочисленные крайне правые предводители (В.Ф. Доррер, А.А. Римский-Корсаков), большинство же заявило о неуместности такой инициативы сразу после принятия положения о выборах — его пришлось бы пересматривать. В результате предводители дипломатично отказались составлять свое мнение по существу записки⁶⁹. Но в принципе К.Ф. Головин был прав: в таком виде избирательный закон не мог привести к появлению собрания

⁶⁸ К.Ф. Головин — Н.Д. Квашнину-Самарину 14 сентября [1905 г.] // ОР РГБ. Ф. 123. Раздел II. Карт. 11. №28. Л. 9–10 об.

⁶⁹ Запись беседы гг. губернских предводителей дворянства, съехавшихся в С.-Петербурге 2-го сентября 1905 года // Российское дворянство в революции 1905 года... С. 367–375.

депутатов как советника царской власти, что несколько наивно декларировалось при создании народного представительства. Позднее, в ноябре 1905 г. его предложение для нижней палаты повторили П.Н. Трубецкой и В.В. Гудович, а для Государственного совета его выдвинул П.Н. Дурново⁷⁰.

В общем, усилия публициста по объединению правых в 1905 г. оказались совершенно безуспешными: их лагерь разваливался, даже не успев собраться. Его попытки учредить правую газету наталкивались на равнодушие. Например, Ф.Д. Самарин, чем-то напоминавший в своем скептицизме К.П. Победоносцева, писал К.Ф. Головину о безнадежности и бессмысленности сплочения дворянства, о том, что консервативную газету некому возглавить, нужна консервативная программа, которой пока нет и т.д.⁷¹ В этих обстоятельствах К.Ф. Головин и его салон вернулись к своему прежнему статусу: небольшой группы единомышленников, предлагающей хорошие идеи, которые опережали представления, доминирующие в их среде, поэтому они не пользовались большой популярностью. Тем не менее, сам хозяин салона приобрел репутацию авторитета в правительственных кругах, к его запискам относились с вниманием. Так, некоторые идеи К.Ф. Головина оказались востребованы правительством С.Ю. Витте в конце 1905 г., когда власть обсуждала расширение круга избирателей в Думу после манифеста 17 октября. Выступая за сохранение трехкуральной системы, он предложил выделить в особую группу избирателей плательщиков квартирного налога, закрепив за ними определенное число выборщиков⁷². К.Ф. Головин также наметил особую рабочую курию, избираемую по специальным фабричным округам, которой он отводил 19 депутатских мандатов в Думе. Идея рабочей курии была немедленно взята на вооружение⁷³, а вот курия плательщиков квартирного налога была учреждена в измененном виде (два съезда городских избирателей) только в результате третьей июньской переворота в 1907 г.

Когда стало ясно, кто победил на первых выборах в Думу, еще до ее созыва, 15 апреля 1906 г. К.Ф. Головин обратился к Николаю II с запиской, в которой еще раз призвал пересмотреть избирательный закон. Публицист отдавал перевес земледельческой и городской куриям как самым «культурным», предвосхитив идеологию акта

⁷⁰ Записка 17 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 2. Д. 16. Л. 217–227.

⁷¹ Ф.Д. Самарин — К.Ф. Головину [первая пол. сентября 1905 г.] // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 156. №7. Л. 1–3.

⁷² Записка К.Ф. Головина «К вопросу о применимости в России всеобщей подачи голосов» 17 ноября 1905 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 41. Л. 30–32.

⁷³ Мемория Совета министров о способах осуществления высочайших пред- указаний, возвещенных в п. 2-м Манифеста 17 октября 1905 г. // Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 76–87.

3 июня 1907 г.⁷⁴ Сделать это он предлагал после летних каникул: распустить Думу и назначить выборы уже по новому избирательному закону на октябрь 1906 г.⁷⁵ Планировавшиеся изменения в ценах были незначительны. К.Ф. Головин предлагал удалить из землевладельческой курии крестьян-собственников, приобретших землю при посредстве Крестьянского банка, а в городской курии вернулся к своей уже высказанной в конце 1905 г. идее допустить для «высшей категории городских обывателей» прямое избрание выборщиков. Власть воспользовалась предложениями публициста, но в 1907 г.

Казалось бы, К.Ф. Головин в 1905 г. получил то, чего ему так не хватало, — влияние его суждений, востребованность со стороны власти. Но настала эпоха реформ П.А. Столыпина. Публицист оказался на стороне оппонентов премьера справа, пытался защищать интересы помещичьего дворянства, охраняя их прерогативы на местах, активно участвовал в деятельности объединенного дворянства, где сгруппировались противники столыпинских реформ. Вероятно, тут сказались его давние представления: при проведении местной реформы в деревне не на кого было опереться из-за малочисленности землевладельцев, поэтому же невозможно было вернуть институт мировых судей. В отличие от идеологов «дворянской фронды» К.Ф. Головин полагал, что помещики уже, а крестьяне еще не могут быть опорой порядка и закона на местах⁷⁶.

Ему по-прежнему не удавалось сплотить умеренных правых. Инициатива публициста объединить избранных членов Государственного совета, «воспользовавшись нейтральностью моего помещения», чтобы «из выборных от дворян и земства образовать консервативное ядро, к которому примкнут со временем, конечно, и представители промышленности», осуществилась с заметным сдвигом вправо (С.С. Гончаров, П.Н. Дурново)⁷⁷. Позднее он составил 10 пунктов, вокруг которых следовало бы собрать защитников самодержавия. В них проступили его давние симпатии к дворянству (контроль его над земством), усилившийся национализм (защита государственного языка, православной церкви и детализированный антисемитизм), а также экономическая поддержка деревенского хозяйства, развитие начального образования⁷⁸. Увы, снова безуспешно: программа по сути

⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 44. Л. 256–257.

⁷⁵ К.Ф. Головин — И.Л. Горемыкину 25 апреля 1906 г. // Там же. Л. 262–263.

⁷⁶ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 28 февраля 1912 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 186. № 16. Л. 45–46.

⁷⁷ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 23 апреля [1906 г.] // Там же. Л. 6–6 об.; *Бороздин А.П.* Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус. М., 2013. С. 204.

⁷⁸ К.Ф. Головин — Ф.Д. Самарину 5 сентября 1907 г. // ОР РГБ. Ф. 265. Карт. 186. №16. Л. 20–23.

противоречила курсу П.А. Столыпина. Последняя известная мне попытка относится к концу 1911 г., когда уже после гибели П.А. Столыпина К.Ф. Головин предложил платформу объединения двух фракций в Думе — правой и националистов, существенно развив свои пункты 1907 г. В ней не было ни одной из задуманных, но не осуществленных премьером реформ, зато содержалось требование сохранить прежнюю власть губернских и уездных предводителей дворянства, а также передать часть ее в руки помещиков на более низком уровне. Отказавшись от своей прежней идеи волостной реформы, К.Ф. Головин предлагал трансформировать программу преобразования местной власти и учредить участковый сход из всех землевладельцев (от 100 десятин), священников и по одному уполномоченному от сельских обществ (понятно, кому в таком собрании принадлежало бы большинство). Сход высказывал бы «пожелания» по поводу школ и местных дорог (т.е. местного хозяйства, которое оказалось бы в руках планируемого властью всесословного волостного земства). Предполагалось также проводить жесткий национальный курс и правительственный анти-семитизм⁷⁹. Такая программа нового провластного большинства в Думе означала, что сотрудничать оно будет с кабинетом без планов реформ, каким и было правительство во главе с В.Н. Коковцовым. Однако столь заметный поворот курса вправо опять не состоялся: правительственное большинство в Думе сформировалось ближе к центру, с участием части октябристов. Николай II вернулся к идее правого блока в обеих палатах только в начале 1917 г., но осуществить его самодержавие не успело.

История политического салона К.Ф. Головина — это по большому счету история того, с каким трудом правая мысль в России трансформировалась в политическое объединение, как трудно ей было нащупать взвешенную линию. Основной проблемой российских правых всегда было отсутствие устойчивой социальной опоры, так как крупная буржуазия находилась в оппозиции к самодержавию, а петербургские чиновники не могли заместить ее. Разумеется, с охранительных позиций невозможно было предложить действенные рецепты спасения государственного порядка, но нельзя отрицать наличия у их сторонников многих здравых идей. Вместе с тем деятельность салона показала также существование сложных механизмов, которые связывали благонамеренное общественное мнение и власть, но в начале XX в. их было уже явно недостаточно, о чем на склоне жизни сожалел К.Ф. Головин.

⁷⁹ Головин К.Ф. Проект программы для объединения правых и националистов 22 октября 1911 г. // РГАДА. Ф. 1412. Оп. 2. Д. 200.

Список литературы

Ананьич Б.В. О тексте манифеста 26 февраля 1903 г. (Из архива В.П. Мещерского) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XV. 1983. С. 156–169.

Антонцева В.А. Аграрная программа К. Ф. Головина в контексте консервативной мысли России рубежа XIX–XX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2005.

Лукоянов И.В. Предыстория объединенного дворянства: «беседы» губернских предводителей в конце 1904 — начале 1906 г. // Российское дворянство в революции 1905 года: «беседы» губернских предводителей. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 11–23.

Солоусов А.С. Общественно-политические и экономические взгляды К.Ф. Головина в 80-е – 90-е гг. XIX в. // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2004. №17. С. 161–167.

Поступила в редакцию
16 мая 2020 г.

В.В. Морозан*

**ИЗ ИСТОРИИ УЧРЕЖДЕНИЯ ОТДЕЛЕНИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО БАНКА В КРЫМУ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.**

V.V. Morozan

**FROM THE HISTORY OF THE ESTABLISHMENT OF OFFICES
OF THE STATE BANK IN THE CRIMEA IN THE SECOND
HALF OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES**

Аннотация. В статье рассматриваются усилия Государственного банка Российской империи по расширению своей филиальной сети в Крыму во второй половине XIX — начале XX в. Первые мероприятия Государственного банка на полуострове были проведены в Севастополе как одном из самых перспективных портовых городов в пореформенные годы. Филиал был там открыт в 1875 г. Далее последовало учреждение отделений банка в Симферополе, Феодосии и Ялте. Автор анализирует политику банка в деле подбора кадров, оказываясь на истории поступления чиновников банка на службу в Севастопольское отделение. Определенное внимание уделено трудностям, которые сопутствовали процессу открытия банковских филиалов. В процессе расширения банковской сети возникали и конкурентные настроения, не позволявшие руководству главного кредитного учреждения страны объективно оценивать необходимость создания того или иного отделения. Желание открыть у себя филиал Государственного банка проявляли разные города Крыма, в частности, безуспешными были усилия городских властей Евпатории. На протяжении длительного времени отделения банка в Крыму испытывали трудности с наймом соответствующих их деятельности помещений. Так, Севастопольское отделение не имело своего здания на протяжении десяти первых лет своей истории, Симферопольское — пяти лет, а Ялтинское было вынуждено нанимать ежегодно новые помещения с 1882 по 1912 г. В статье лишь в общих чертах анализируется операционная деятельность крымских подразделений Государственного банка. Эта сторона их деятельности требует более глубокого и расширенного освещения в отдельной работе. Тем не менее, автор делает вывод, что Государственный банк на полуострове не смог оказать полноценного содействия в развитии края его деловым кругам, которые ощущали недостаток в доступном и

* *Морозан Владимир Васильевич*, доктор исторических наук, профессор кафедры истории народов стран СНГ Санкт-Петербургского государственного университета
Morozan Vladimir Vasilievich, Doctor in History, Professor of the Department of History of the Peoples of the CIS Countries, Institute of History, Saint Petersburg State University
+7-911-970-29-18; v_moga@mail.ru

дешевом кредите. Настоящая статья написана на архивных материалах из фондов Российского государственного исторического архива. Основные содержащаяся в ней сведения публикуются впервые.

Ключевые слова: Государственный банк Российской империи, экономика Крыма, предпринимательство, кредитные операции, векселя.

Abstract. The article examines the efforts of the State Bank of the Russian Empire to expand its branch network in the Crimea in the second half of the nineteenth – early twentieth centuries. The first activities of the State Bank on the peninsula were carried out in Sevastopol as one of the most promising port cities in the post-reform years. A branch was opened there in 1875. This was followed by the establishment of bank branches in Simferopol, Feodosia and Yalta. The author analyzes the bank's recruitment policy with the focus on the history of the bank officials entering the service in the Sevastopol branch. Particular attention is paid to the difficulties that accompanied the process of opening bank branches. In the process of expanding the banking network, spirit of rivalry arose, which prevented the management of the country's main credit institution from objectively assessing the need to create a particular branch. Various cities of the Crimea expressed the wish to open a branch of the State Bank. As for the efforts of the city authorities of Yevpatoria, they failed. For a long time, the branches of the Bank in the Crimea experienced difficulties in renting the premises suitable for their activities. Thus, the Sevastopol branch did not have its own building during the first ten years of its history; the Simferopol branch lacked its own premises for five years, and the Yalta branch had to rent new premises every year from 1882 to 1912. The article gives only general analysis of the operational activities of the Crimean branches of the State Bank. This aspect of their work requires deeper and more extensive coverage in a separate work. Nevertheless, the author was able to conclude that the State Bank on the Peninsula failed to provide full support, as regards the development of the region, to its business circles, which felt a lack of affordable and cheap credit. This article was written using archival materials from the funds of the Russian State Historical Archives. The core information contained in it is published for the first time.

Keywords: State Bank of the Russian Empire, Crimean economy, business, credit transactions, promissory notes.

* * *

История Государственного банка — тема многогранная и далеко не освоенная. Обобщающие работы на эту тему, начиная с сочинений В.Т. Судейкина и И.Ф. Гиндина и заканчивая коллективным трудом под руководством академика Б.В. Ананьича, анализировали общую деятельность Государственного банка, не затрагивая работу его провинциальных учреждений¹. Отдельные его филиалы стали предметом

¹ Судейкин В.Т. Государственный банк: Исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб., 1891; Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960; Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва / Б.В. Ананьич и др. СПб., 2005.

исследования лишь в последние десятилетия². Были опубликованы и работы об отделениях Государственного банка на территории Крыма³, впрочем, эти статьи только отчасти раскрывают многогранную и разнообразную операционную деятельность указанных банковских заведений, носят обзорный характер. Очевидно, данное направление требует дополнительного и более глубокого изучения. В частности, ждут своего рассмотрения такие важные аспекты, как структурная организация отделений, комплектование их кадрового состава и, несомненно, их операционная деятельность, которая совершенно не исследована.

Известно, что первые мероприятия Государственного банка по организации в Крыму сети своих отделений были проведены в Севастополе как одним из самых перспективных портовых городов полуострова в пореформенные годы. Практически единственный не замерзавший в Крыму порт был привлекательным для операторов внутренней и внешней торговли России. На это обращал внимание управляющего Государственным банком Е.И. Ламанского севастопольский городской голова М.И. Кази, описывая коммерческое значение этого города. «Правительство, — писал Кази, — признав за Севастополем важное значение в военном и в коммерческом отношении, решило провести к нему железную дорогу [строительство дороги было закончено 6 января 1875 г.]. Не подлежит сомнению, что Севастополь действительно соединяет в себе все выгоды для самого широкого развития как торгово-промышленной деятельности, так и военно-морских учреждений, а потому предположение о совершенном отделении торговли от военного флота имеет самые верные основания в интересах ничем не стесняемого в будущем удовлетворения нужд каждого из них»⁴. Впрочем, исключительное

² Бугров А.В. Московская контора Государственного банка и экономика Центрального промышленного района, 1860–1914 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2004; Горбик К.А. Деятельность Ростовской конторы Государственного банка по экономическому развитию Области Войска Донского в конце XIX — начале XX в. // Клио. 2017. № 4 (124). С. 90–95; Ишкинина А.А. Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. (1865–1917 гг.). Автореф. дис... канд. ист. наук. Уфа, 2010; Котляров М.А. Операции Екатеринбургского отделения Государственного банка в XIX–XX вв. // Известия Уральского гос. экономического ун-та. 1999. № 2. С. 114–117; Стахнюк А.В. Страницы истории Главного управления Банка России по Оренбургской области // Деньги и кредит. 2009. № 2. С. 37–44.

³ Бугров А.В. Из банковской истории Крыма: неизвестные страницы (1875–1915) // Деньги и кредит. 2017. № 3. С. 72–75; Коломийцева В.А. История финансов Тавриды. Хроника (1783–1917). Симферополь. 2010; Николаев М.Г. Учреждения Государственного банка на Крымской земле (краткая историческая справка) // Деньги и кредит. 2014. № 9. С. 76–78.

⁴ Записка севастопольского городского головы, отставного капитан-лейтенанта Кази о нуждах Севастополя и его коммерческом значении // РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 326. Л. 6.

положение города могло остаться без дальнейшего развития в случае невнимания правительства к его нуждам. Прошло почти 20 лет после Крымской войны, а Севастополь все еще не был восстановлен полностью. Таким образом, писал М.И. Кази, учреждение отделения Государственного банка было жизненно важным делом для города. Примечательно, что слова севастопольского городского головы нашли понимание у Е.И. Ламанского, который 17 февраля 1875 г. писал в ответном послании: «На отношении Ваше... имею честь уведомить Вас, милостивый государь, что находя доводы, на основании которых Вы, от имени города Севастополя, ходатайствуете об открытии в этом городе отделения Государственного банка вполне заслуживающими уважение...»⁵, пообещав в ближайшее время открыть столь необходимое отделение.

Уже 25 февраля 1875 г. Ламанский обратился к министру финансов М.Х. Рейтерну с письмом об удовлетворении ходатайства М.И. Кази. Само отделение начало свою работу 12 августа 1875 г. Впрочем, телеграмма, посланная 13 августа, создавала впечатление, что этот филиал Государственного банка стал действовать 13 августа: «Сего числа, — писал управляющий И.И. Братковский, — отделение открыло свои действия, дебетовало банк за капиталом 50 000 и кредитовало за кассу на ту же сумму. Не знаем ключа телеграфных переводов, нет ли таблиц второго займа». Однако в деле об открытии этого подразделения указана дата 12 августа⁶.

После решения об учреждении в Севастополе отделения начался набор его персонала. Как было принято в Государственном банке, сотрудники вновь образованных филиалов подбирались из числа служащих различных подразделений этого учреждения. Руководство банка избегало формирования штата таких заведений только из числа вновь принятых на службу лиц, предпочитая полагаться на опытных работников банка. При этом принимались на службу в основном те, кто сам писал прошения о переводе в другие города. Комплектование основного штата Севастопольского отделения завершилось к лету 1875 г. По решению Центрального управления в него вошли следующие служащие: управляющим был назначен И.И. Братковский, контролером — Т.Ф. Полозанцев, бухгалтером — Э.В. Юз, старшим помощником контролера — Н.В. Бажанов, кассиром — А.А. Липкин, старшим помощником кассира — В.И. Парашук, младшим помощником кассира — К.И. Воронич.

Из перечисленных лиц о переводе в другое отделение банка просил Иван Ионович Братковский. В своем обращении к Е.И. Ламанскому от 18 мая 1875 г. он писал: «По сведениям, сообщенным газетами,

⁵ Е.И. Ламанский — М.И. Кази. 17 февраля 1875 г. // Там же. Л. 16.

⁶ Копия телеграммы от 13 августа 1875 г. // Там же. Л. 80.

в г. Ставрополе предполагается открыть отделение Государственного банка, и я беру смелость с согласия управляющего Киевской конторой утрудить Ваше Превосходительство покорнейшей просьбой о предоставлении мне должности управляющего Ставропольским отделением»⁷. Однако Ламанский сделал встречное предложение Братковскому, попросив его переехать в Севастополь. Окончив С.-Петербургское коммерческое училище, он с 1862 г. служил в Киевской конторе Государственного банка под руководством Н.Х. Бунге. Перед назначением в Крым он состоял контролером указанного филиала банка. В Севастополь также просился Николай Васильевич Бажанов, служивший старшим помощником контролера в Пермском отделении. Свою просьбу он мотивировал плохим здоровьем жены.

Что касается младшего помощника кассира Кишиневского отделения В.И. Паращука, прослужившего в Бессарабии 8 лет, то он первоначально просил о переводе в другое подразделение банка, рассчитывая на повышение в должности. В своем заявлении он отмечал, что освоил не только профессию кассира, но прекрасно справлялся и с должностью контролера. Впрочем, рассматривая предложение отправиться в Севастополь, Паращук долгое время не колебался. Однако после непродолжительной службы в Крыму написал заявление о переводе в отделение, расположенное ближе к Бессарабии. Уже в конце 1880 — начале 1890-х гг. В.И. Паращук числился чиновником особых поручений в Центральном управлении банка.

Совершенно иные цели преследовал контролер Одесской конторы Государственного банка Трофим Федотович Полозанцев. Лишенный каких-либо источников дохода кроме жалования в банке, он посчитал жизнь в Одессе чрезвычайно дорогостоящей и рассчитывал на назначение в какой-нибудь более отдаленный город, где уровень цен был бы ниже. Имея на попечении больную мать и незамужнюю сестру, он считал, что прожить на 1500 руб. в год в Одессе было крайне сложно, и просил о возможности переехать в какой-либо город на Волге. Однако руководство банка предложило ему службу в Севастополе. В число лиц, вновь поступивших на службу в Государственный банк, входил служащий с опытом счетовода, ранее работавший в кассе прибытия товаров Николаевской железной дороги, бывший купец Климентий Иванович Вронич. Правда, он хотел попасть на службу в С.-Петербург. Получив отказ, он стал просить перевода на должность в Киевскую контору Государственного банка, мотивируя свое желание тем, что его родные проживали в Житомире. Среди вновь принятых на службу в банк был и отставной прапорщик 88-го Петровского пехотного полка Иван Кайзер. Его рекомендовали как младшего помощника контролера.

⁷ Прошение И.И. Братковского. 18 мая 1875 г. // Там же. Л. 27.

Интересна судьба служившего в Инспекции контор Центрального управления, подданного Великобритании Эдуарда Вильямовича Юза. Он, как и И.И. Братковский, сам просил управляющего Государственным банком о переводе в Севастополь. Юз лишь 22 февраля 1872 г. поступил на службу в Государственный банк помощником контролера 3-го разряда. Англичанин получил домашнее образование и некоторое время работал в коммерческих заведениях. В августе 1874 г. он был назначен помощником контролера 1-го разряда. Не менее успешной была его служба и в Севастопольском отделении. Благодаря успешной карьере он решил в 1896 г. принять российское подданство, ожидая, очевидно, нового высокого назначения. 25 ноября 1898 г. Э.В. Юз был определен управляющим Феодосийским отделением, в котором прослужил до своей отставки 28 января 1909 г. в чине губернского секретаря⁸. Его сменил на этом посту статский советник Николай Иустинович Бобрецкий. Примечательно, что из трех детей Юза двое также служили в Государственном банке. В 1909 г. на службу в Центральное управление банка поступила его дочь Маргарита⁹, а в 1911 г. туда же поступил сын Генри¹⁰.

Отметим, что переход Э.В. Юза в Феодосийское отделение пришелся на один из самых неудачных периодов в деятельности севастопольского филиала. Долгое время являясь единственным постоянно действующим отделением в Крыму, Севастопольское отделение могло в полной мере проявить свои возможности. Однако в конце XIX в. его операционная деятельность снизилась. Положение дел особенно ухудшилось с закрытием в 1899 г. коммерческого порта Севастополя, которое повлекло за собой дальнейшее падение интереса предпринимателей к этому учреждению. Если в 1901 г. было выдано 86 подтоварных ссуд, то в 1905 г. всего 35¹¹. В связи с этим в Центральном управлении Государственного банка даже обсуждался вопрос о ликвидации этого филиала, с передачей всех его дел Симферопольскому отделению. Оснований для этого у руководства банка было достаточно. Так, из 214 клиентов Севастопольского отделения по вексельному кредиту в 1895 г. местных предпринимателей было всего 63 человека. Между тем из Симферополя заемщиками таких кредитов был 151 человек. Лишь долгое обсуждение вопроса об открытии в губернской столице отделения спасло севастопольский филиал от закрытия.

⁸ Аттестат о службе Эдуарда Вильямовича Юза // РГИА. Ф. 587. Оп. 27. Д. 15. Л. 6.

⁹ Личное дело М.Э. Юза // РГИА. Ф. 587. Оп. 27. Д. 14.

¹⁰ Там же. Д. 15.

¹¹ Отчет о ревизии Севастопольского отделения Государственного банка, произведенной с 21 по 28 февраля 1906 года ст. инспектором статским советником Г.Г. Лерхе // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1116. Л. 96.

На организационную работу по открытию в 1875 г. отделения в Севастополе Центральное управление выделило 4500 руб. В основном они были потрачены на приобретение части мебели, штемпелей и путевые расходы его служащих. Так, для переезда в Севастополь Братковский и Полозанцев получили по 400 руб. дорожных. Липкин получил 300 руб., Парашук — 200 руб., Бажанов — 200 руб. и Вронич и прапорщик Кайзер — по 150 руб. Еще до открытия операций отделения И. И. Братковский попросил заменить штемпель для клеймения негодных кредитных билетов, а также прислать газеты «Правительственный вестник», «Указатель правительственных распоряжений по Министерству финансов», петербургские и московские «Биржевые ведомости», «Сенатские ведомости» с приложениями, начиная с 1 июля. Вскоре выяснилось, что присланный штемпель оказался с дефектом и пришлось заказать другой. Мебель Братковский заказал в Одессе, когда проезжал через этот город в Севастополь. Прибыв на место, он стал подбирать подходящее здание для размещения отделения. Его выбор остановился на доме супруги контр-адмирала Ивана Иллариновича Савельева, Амалии Ивановны.

Отметим, что вскоре после открытия действий Севастопольского отделения между управляющим И.И. Братковским и младшим помощником кассира К.И. Вроничем возник конфликт. Последний обратился 11 октября 1875 г. к своему начальнику с просьбой о предоставлении отпуска в связи с тяжелой болезнью матери и брата. Затем отправил в С.-Петербург в Центральное управление телеграмму с аналогичной просьбой. Не дождавшись ответа, Вронич оставил службу и уехал в Житомир. Позднее он утверждал, что болели его отец и брат, которые затем скончались. Недовольный поведением своего подчиненного, Братковский отослал в столицу докладную записку, в которой рассказал о данном поступке Вронича и других неблагоприятных фактах. По словам управляющего, Вронич был должен разным лицам большую сумму денег. Его кредиторы осаждали управляющего Севастопольским отделением с требованиями принудить помощника кассира вернуть долги. Оказалось, что после прибытия в Севастополь Вронич выдавал себя за директора отделения. По словам управляющего, он «весьма искусно понаделал долгов в дворянском клубе, у солидных и уважаемых лиц в городе, а также у бедных ремесленников и прислуги до 1500 руб.»¹². В результате управляющий банком Е.И. Ламанский уволил К.И. Вронича.

Вторым постоянно действующим в Крыму филиалом Государственного банка стало Феодосийское отделение, открывшее свои операции 25 января 1895 г.¹³ Однако организационные мероприятия

¹² Докладная записка управляющего Севастопольским отделением от 13 октября 1875 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 326. Л. 92.

¹³ Копия телеграммы управляющего Симферопольским отделением 8 декабря 1915 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 984. Л. 104.

по комплектованию персонала этого подразделения банка и производству кредитных операций продолжались до конца года. В течение первого года своего существования Феодосийское отделение все еще не могло в полной мере развернуть свою деятельность, начав работу при наличии 8 классных чиновников, одного писца и двух счетчиков. В частности, контролером был назначен В.И. Щелков, его помощником С.А. Бордонос, кассиром был определен А.И. Прегер, а его помощником Н.Н. Гартман. В течение года выяснилось, что имевшийся коллектив не мог в полной мере справляться с удовлетворением всех заявок на получение кредитов. А.Н. Дьяконов был вынужден просить об увеличении штата, получив дополнительно одного счетчика и одного писца. «Но этот состав служащих, — писал после этого управляющий отделением, — должен быть признан безусловно недостаточным. Наличные силы эксплуатировались в высокой степени, что уже отражается на своевременном выполнении дела и качестве этого выполнения»¹⁴. Недостаток в кадрах вынуждал руководство филиала начинать производство отдельных операций поэтапно, в разное время. Так, выдачи ссуд крестьянам на покупку машин и сельскохозяйственных орудий стали производиться в мае 1895 г. Первые такие ссуды выдавались на приобретение жатвенных машин. «Постепенно ссуды эти начали увеличиваться, — писал Дьяконов, — и к концу года потребовали напряжение всех сил нашего состава отделения, чтобы иметь возможность удовлетворить прогрессирующие потребности в указанных ссудах...»¹⁵ Предпринимались даже попытки несколько уменьшить наплыв заемщиков, но безуспешно. Этот процесс нарастал несмотря на относительно высокие расходы по покупке машин и орудий. Ссудная ставка в банке составляла 5–6 % годовых. Кроме этого фабриканты и владельцы складов взымали с крестьян плату за всё — за помощь в оформлении кредита, за гербовые марки и даже за бланки заявлений и обязательств, которые поступали к ним из Феодосийского отделения бесплатно. Известны случаи, когда складчики брали за указанные бланки плату до 5 руб. В общей сложности отделение выдало крестьянам за полугодие 300 ссуд на покупку сельскохозяйственных машин и орудий в размере 47 098 руб.

В июле 1895 г. Феодосийское отделение открыло производство подтоварных ссуд под зерновой хлеб, вино и шерсть. Хлебных ссуд было выдано всего 39 на общую сумму 310 415 руб.¹⁶ Очевидно, что желающих было гораздо больше. Однако у отделения был более успешный конкурент в лице филиала Азовско-Донского коммерческого банка. Кроме того, процедура приема в залог товара, которая

¹⁴ Докладная записка управляющего Феодосийским отделением А.Н. Дьяконова // РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 908. Л. 417.

¹⁵ Там же. Л. 414.

¹⁶ Там же.

предполагала присутствие полицейских чинов, а также ряд других бюрократических условий существенно мешали притоку клиентуры. В числе получивших в отделении кредиты были 12 землевладельцев, 14 крестьян и 13 комиссионеров. Под шерсть была выдана всего лишь одна ссуда на 4200 руб. Вино же к залогоу в 1895 г. не представляли¹⁷. Вообще число заемщиков непосредственно под залог товаров в Феодосийском отделении было всегда незначительно. Львиная доля ссуд под зерно, табак, вино и соль производилась под товарные документы, которые принимались к учету по специальным текущим счетам. Так, если в 1900 г. было выдано непосредственно 6 ссуд на 70 218 руб. под залог хлеба, то по специальным текущим счетам было отпущено 27 ссуд на 507 010 руб. Под табак выдавались исключительно средства по специальным текущим счетам (в 1900 г. 1 ссуда на 194 тыс. руб.). Под залог вина ссуды выдавались не регулярно в отличие от кредитов под товарные документы. Последние хотя и выдавались ежегодно, но в небольшом количестве. В 1900 г. лишь один клиент воспользовался специальным текущим счетом под такого рода товарные документы на 60 тыс. руб.¹⁸ Кроме хлеба, табака и вина отделение принимало в залог и соль. Число таких кредитов было невелико, а в отдельные годы, как например в 1900 г., таких ссуд и вовсе не было.

Относительно долго предприниматели рассматривали возможность заимствовать в Феодосийском отделении деньги под векселя. Лишь во второй половине 1895 г. стал заметен их интерес к этой операции. К 1 января 1897 г. число вексельных кредитов составило 149 на общую сумму 1557 тыс. руб. В последующие годы их количество медленно, но все же росло. Только социальные потрясения Первой русской революции остановил этот процесс. Если в 1904 г. такими кредитами пользовались 206 клиентов на 2283 тыс. руб., то к 1 января 1906 г. в Феодосийском отделении оставались открытыми 187 вексельных кредитов на 2033 тыс. руб.¹⁹ В районе деятельности этого филиала банка крайне сложно было определить качество представляемых векселей. У помещиков и торговцев этой части полуострова была распространена практика взаимобмена векселями для учета в кредитных учреждениях. Часто солидные и авторитетные торговцы обменивались друг с другом такими обязательствами. Встречные векселя выписывались на некруглые суммы и неровные сроки с тем, чтобы одни учитывались в одном кредитном учреждении, а вторые в другом. Контролировать такие обязательства было крайне сложно,

¹⁷ Там же. Л. 415 об.

¹⁸ Отчет по ревизии Феодосийского отделения Государственного банка, произведенной с 18-го по 21 февраля 1906 года старшим инспектором, статским советником Г.Г. Лерхе // РГИА. Ф. 587. Оп. 40. Д. 1717. Л. 37 об.

¹⁹ Там же. Л. 34 об.

так как они нарочно назначались к платежу в разные города. Такая практика требовала от служащих Феодосийского отделения осторожности, что, несомненно, сдерживало развитие вексельного кредита. Впрочем, ревизоры обвиняли Учетно-ссудный комитет отделения и его руководство в либеральном отношении к вексельному материалу, требуя ужесточения контроля по этой операции.

Примечательно, что борющийся за право иметь отделение Государственного банка Симферополь был куда менее удачлив, чем Феодосия. Еще 25 января 1872 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор П.Е. Коцебу обратился к министру финансов с предложением учредить в Симферополе отделение банка, считая, что такое заведение могло бы способствовать более динамичному росту числа предприятий в городе. М.Х. Рейтерн согласился с мнением генерал-губернатора. Однако он не мог игнорировать и мнение Правления банка, которое считало, что в этом деле следовало соблюдать последовательность, так как уже существовал утвержденный план развития сети банковских отделений и до его полного выполнения не стоило далее расширять список городов. По сути, просьба П.Е. Коцебу была отклонена до более благоприятного времени. Последующие попытки также не встречали поддержки со стороны Центрального управления Государственного банка. Лишь в 1877–1878 гг. на короткое время в Симферополе появился филиал Государственного банка, когда временно из Севастополя эвакуировали отделение.

В данном вопросе опирались на мнение управляющих Севастопольским отделением. Всякий раз, когда из С.-Петербурга приходило распоряжение о рассмотрении возможности и целесообразности учредить в Симферополе подразделение банка, севастопольское руководство давало отрицательную оценку экономическому положению губернского центра. «Торговля этого города, — писал управляющий отделения С.И. Билибин 16 ноября 1889 г., — по отсутствию в нем фабричной и заводской деятельности и вообще каких либо видов промышленности, представляется исключительно местной, хотя Симферопольский уезд в сельскохозяйственном отношении возможно причислить к числу производительных, но в виду расположения хлебных складочных магазинов по линии Лозово-Севастопольской железной дороги, а также отсутствия в Симферополе хлебного рынка, все таки по отпускной хлебной торговли не имеет никакого отношения к самому городу. Симферополь лишь может быть отмечен как один их складных пунктов по табачной торговле и отчасти как место для сделок и расчетов по фруктовым операциям»²⁰.

²⁰ Докладная записка управляющего Севастопольским отделением С.И. Билибина. 16 ноября 1889 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 984. Л. 16.

Впрочем, невысоко оценивал состояние хозяйства города и управляющий Одесской конторы А.И. Орловский: «Население его составляло около 50 тыс. человек, город имел две паровые мельницы, фабрику глазирования фруктов и несколько оптовых складов сахара иногородних заводов. Торговля мануфактурными, бакалейными и прочими товарами для местного потребления не достигали 100 тыс. руб., а продажа табака, по мнению члена комитета Вучина, немного превышала 100 тыс. руб. В торгово-промышленном отношении Симферополь ближе всего подходит к г. Херсону, при чем последний, по мнению члена учетного комитета Шульца, по размеру оборотов стоит несколько выше»²¹. Таким образом, по мнению управляющего Одесской конторой, открытие отделения в Симферополе могло принести банку одни убытки.

Можно предположить, что отрицательное отношение руководства Севастопольского отделения к возможности появления в Симферополе такого же учреждения было вызвано опасением конкуренции. Оно особенно обострилось с известием о закрытии в Севастополе в 1899 г. коммерческого порта. Учитывая, что круг клиентов этого филиала включал лиц из разных мест полуострова, опасения управляющих севастопольским филиалом были небезосновательными. Очевидно, что при учреждении такого подразделения банка в Симферополе к нему перешла бы значительная часть клиентуры.

Следует отметить, что к концу XIX в. Симферополь являлся не только номинально центральным губернским городом. К этому времени он уже обладал достаточным экономическим потенциалом, развиваясь весьма динамично. Из представленной докладной записки управляющего Севастопольским отделением следовало, что к 1895 г. в Симферополе проживало 49 114 человек (из 60 589 человек во всем уезде). В городе и уезде насчитывались 5092 дворянина, 913 потомственных и личных почетных граждан, 862 купца, 1197 цеховых мастеров. Всего в Симферопольском уезде было 60 фабричных заведений, производивших продукцию на 848 574 руб. в год²². Однако из-за слабого развития кредита сложно было ускорить темпы экономического развития города. В нем осуществляли операции всего два кредитных заведения: Симферопольское общество взаимного кредита и действовавшее с 1891 г. отделение Азовско-Донского коммерческого банка. В отличие от управляющего Севастопольским отделением, глава Феодосийского отделения А.Н. Дьяконов считал крайне полезным учредить филиал банка в Симферополе.

²¹ Докладная записка управляющего Одесской конторой А.И. Орловского. 19 декабря 1889 г. // Там же. Л. 21.

²² Докладная записка управляющего Севастопольским отделением Государственного банка. 21 марта 1895 г. // Там же. Л. 28

Отметим, что данная дискуссия продолжилась и в начале XX в. Руководство филиала в Севастополе по-прежнему уверяло в бесперспективности нового отделения. Так, управляющий Севастопольским отделением А.Е. Гутьер писал в 1901 г.: «Вследствие предложения от 19 октября сего года... имею честь донести, что экономическая жизнь Таврической губернии не предъявляет требований к открытию отделения Государственного банка в г. Симферополе, и мнение мое, изложенное в представлении от 21 августа 1895 года, не изменилось».

Управляющий Феодосийским отделением Э.В. Юз оспаривал доводы своего оппонента, указывая, что само отделение в Севастополе по большей части обслуживало иногородних предпринимателей, нежели своих. Эти факты были хорошо известны Юзу, который долгое время служил в Севастополе. По его словам, из числа 200 лиц, имевших в Севастопольском отделении кредиты на сумму 2500 тыс. руб., лишь 60 купцов были местными, с кредитом не выше 700 тыс. руб. Еще 10 клиентов были жителями Ялты или ее уезда (кредит на 150 тыс. руб.). На предпринимателей из Симферополя, Бахчисарая и Геническа приходились 92 кредита свыше на сумму в 1 млн руб. К ним следовало добавить кредиты купцам Мелитопольского уезда (14 на сумму в 3709 тыс. руб.) и Евпаторийского уезда (24 на 326 тыс. руб.). Очевидно, что Севастопольское отделение работало на районы, более тяготевшие к Симферополю, нежели к отмеченному подразделению. Из представленных кредитов значительная часть относилась к хлебу, соли, шерсти, табаку, которые производились в Симферопольском, Евпаторийском и Мелитопольском уездах. На долю севастопольских купцов приходились ссуды, в основном, под вино. По мнению Э.В. Юза, значительная часть делового мира Симферополя и его уезда не пользовалась кредитом в Севастопольском отделении из-за большого расстояния до него, предпочитая брать более дорогой кредит в местном отделении Азовско-Донского банка, чтобы не терять время на переезд и формальности.

Дискуссия завершилась лишь весной 1915 г., когда Совет Государственного банка все же решил открыть свой филиал в Симферополе. 21 мая этого года министр финансов Петр Львович Барк утвердил это решение, дав возможность начать организационные работы. Последовавшее 10 сентября 1915 г. циркулярное распоряжение за номером 152 гласило. «В непродолжительном времени имеет быть открыто отделение Государственного банка в Симферополе Таврической губернии. Означенное отделение будет производить все разрешенные конторам и отделениям общими правилами и циркулярными распоряжениями банка операции»²³. Реализовать

²³ Сборник циркулярных распоряжений Государственного банка по его конторам и отделениям за 1915 год. Пг., 1916. С. 147.

этот проект поручили вновь назначенному управляющему отделения Л.С. Суворину, который служил до того контролером Либавского отделения банка. Проволочки с обеспечением денежными ресурсами нового филиала несколько задержали открытие его операционной деятельности. Лишь 9 декабря, после принятия всех ценностей, двери отделения в Симферополе открылись для публики.

Важно подчеркнуть, что после учреждения в Севастополе отделения банка в Министерство финансов стали поступать, как и ранее, просьбы об учреждении филиалов банка от других городов Крыма. В частности, такой вопрос был поставлен перед Министерством финансов 3 сентября 1876 г. керчь-еникальским градоначальником, генерал-майором флота Николаем Петровичем Вейсом. Он основывался на решении городской думы Керчи от 27 января 1876 г. Однако просьба не была удовлетворена. 31 декабря 1883 г. последовала повторная просьба приемника и однофамилица Н.П. Вейса, контр-адмирала Николая Карловича Вейса. Впоследствии городские власти Керчи неоднократно обращались с предложением об открытии отделения, но безрезультатно. Так, после очередного обсуждения этого вопроса на заседании Купеческой управы 29 января 1890 г. и его обращения в Государственный банк, Центральное управление поручило руководителю Екатеринодарского отделения банка оценить такую возможность. Из донесения его управляющего А.П. Полевицкого от 25 октября 1890 г. следовало, что Керчь представляла собой портовый город в котором жили около 30 тыс. человек, в основном русские, греки и небольшое количество евреев. Основная часть жителей города состояла из военнотружущих (около 6 тыс. человек). По данным Полевицкого, в Керчи было 5 паровых мельниц, 1 табачная фабрика, 1 мыловаренный и свечной завод и 2 кожевенных завода. Зерновой экспорт их Керчи составлял около 3 млн руб. в год. Торговые обороты города были несравнимо более значительными, чем в Симферополе. Так, соли продавали до 100 тыс. руб., рыбы до 1 млн руб. Важным недостатком этого центра было то, что порт замерзал на 3–6 недель. Этот фактор существенно снижал экономические возможности города²⁴. Впрочем, окончательное решение по этому вопросу было отрицательное. Город наращивал свои экономические возможности, однако руководство банка не считало их достаточными для положительного решения. Между тем в довоенное время Керчь достигла существенных результатов в торгово-промышленной сфере. Так, в 1914 г. в городе действовали 570 торговых предприятий с годовым оборотом в 8400 тыс. руб. Промышленных предприятий было 21

²⁴ А.П. Полевицкий — Ю.Г. Жуковскому, 25 октября 1890 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 956. Л. 9.

с оборотом в 3600 тыс. руб.²⁵ В нем осуществляли свою деятельность отделения Азовско-Донского коммерческого и С.-Петербургского Международного коммерческого банков, Керченский городской общественный банк и Керченское общество взаимного кредита, выдавшие кредиты на общую сумму 6660 тыс. руб. Потребовалось почти два десятилетия для осуществления давнишней мечты керченского купечества об открытии в их родном городе отделения Государственного банка, которое состоялось лишь 3 февраля 1918 г.

Безуспешно боролось за право иметь свое отделение Государственного банка городское управление Евпатории. Ее городская Дума в своем заседании от 17 февраля 1916 г. единогласно постановила уполномочить городского голову С.Э. Дувана немедленно возбудить ходатайство перед министром финансов об открытии в 1916 г. отделения банка. В своем постановлении гласные сетовали, что местные предприниматели обслуживались далеко стоявшим от Евпатории Севастопольским отделением. По их словам, торговцам приходилось нести определенные материальные и временные издержки при получении там кредитов. Особенно сложно было тем, кто брал ссуды под товары, хранившиеся на складах Евпатории. На их осмотр чиновники тратили драгоценное время купцов, которые были вынуждены ждать по нескольку дней их приезда из Севастополя. Открытие Симферопольского отделения Государственного банка могло несколько облегчить положение, однако и при этих условиях далеко не все предприниматели уезда и города могли воспользоваться его услугами²⁶.

Между тем в начале XX в. Евпатория и ее уезд показывали отличные результаты в экономическом развитии и могли дать Государственному банку обширную клиентуру. Значительные площади зерновых культур Евпаторийского уезда (свыше полумиллиона десятин земли) с непосредственно примыкающей к нему части Перекопского уезда, многочисленные соленые промыслы, рыбные заводы и другие предприятия уже в 1916 г. «в состоянии были дать такому отделению достаточно солидную и обильную работу»²⁷. Тем не менее, этими выгодами Государственный банк пренебрег, в то время как частные кредитные учреждения активно пользовались. В Евпатории действовали уже отделения Петроградского Международного коммерческого, Соединенного, Русского для внешней торговли банков, два общества взаимного кредита. В ответ на просьбу городского головы С.Э. Дувана член Совета Государственного банка А.К. Голубев писал, что

²⁵ Докладная записка Отдела местных учреждений Центрального управления Государственного банка. 21 апреля 1917 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 956. Л. 32.

²⁶ Докладная записка евпаторийского городского головы С.Э. Дувана к управляющему Государственным банком. 27 апреля 1916 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 952. Л. 2.

²⁷ Там же.

открытие отделения в Евпатории затруднительно в связи с военными обстоятельствами, которые осложняли формирование личных составов вновь открываемых филиалов и обеспечение их необходимыми помещениями. Банк вынужден открывать такие подразделения постепенно, считаясь с необходимостью равномерно распределять свои учреждения по территории империи. Учитывая, что на территории Таврической губ. уже действовали четыре отделения (Симферопольское, Севастопольское, Феодосийское и Ялтинское) банк отказывался ставить Евпаторию в очередь на учреждение отделения²⁸.

В кредитной деятельности Государственного банка была давнишняя практика отрывать в важных экономических центрах свои временные отделения. Как правило, они действовали в крупных ярмарочных городах во время проведения торгов. В частности, в Верхнеудинске, Ирбите, Ростове, Нижнем Новгороде, Ишиме, Мензелинске и Куяндинске. Однако были и исключения из этого правила. В частности, банк содержал временные отделения в двух курортных городах, Пятигорске и Ялте, где они действовали во время лечебного сезона. Предложение открыть подобное заведение в Ялте первоначально исходило от таврического губернатора, который безуспешно просил об этом Е.И. Ламанского в 1875 г. В 1881 г. это вопрос вновь был вынесен на обсуждение Городской думы Ялты. В своем обращении к Е.И. Ламанскому замещавший место городского головы Ф.Н. Хитрово писал: «Ялтинская Городская дума, в заседании своем от 2 июля 1881 г., единогласно уполномочила меня ходатайствовать перед Ваши Превосходительством об открытии в г. Ялте временного отделения Государственного банка на время сезона с 1 мая по 1 ноября. Принимая во внимание, что подобное разрешение дано уже Вашим Превосходительством г. Пятигорску и рассчитывая на Ваше просвещенное также и к нуждам жителей г. Ялты и, главным образом, приезжих, стекающихся в наш край со всего нашего обширного отечества, которые за отсутствием такого учреждения, как отделение Государственного банка, бывают поставлены в весьма затруднительное положение. Я решаюсь просить Ваше Превосходительство не отказать в разрешении устроить в г. Ялте временное отделение Государственного банка, и в виду приближающегося сезона поспешить открыть его»²⁹. Очевидно, задержка с решением открыть в Ялте отделение возникла из-за смены управляющего банком, так как 31 июля 1881 г. ушел в отставку Е.И. Ламанский. Вновь назначенный управляющий Государственным банком А.В. Цимсен лишь в 1882 г. посчитал возможным открыть временный филиал.

²⁸ Письмо члена Совета Госбанком А. Голубева таврическому губернатору Н.А. Княжевичу. Декабрь 1916 г. // Там же. Л. 11.

²⁹ Ф.Н. Хитрово — Е.И. Ламанскому. 3 июля 1881 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 420. Л. 4.

Предполагалось, что он откроет свои двери для посетителей 16 июля 1882 г. Однако из-за многочисленных организационных трудностей он смог начать свою деятельность лишь 23 июля. Впрочем, по мнению руководства отделения, это «не повредило делу за отсутствием каких-либо до того времени требований со стороны публики». Основной причиной несвоевременного открытия этого филиала стали трудности с подбором подходящего дома. Возникли и проволочки с отсылкой в Ялту из Севастопольского отделения «оборотного капитала». Предписание из С.-Петербурга пришло лишь 19 июля, а деньги были отправлены почтой 20 июля. По их прибытии 22 июля состоялось освящение помещения отделения в присутствии местных властей. На этом мероприятии не присутствовал назначенный на место управляющего Константин Францевич Гильденгаген³⁰. Очевидно, он вообще так и не приступил к выполнению своих обязанностей. Правда, определить, кто из чиновников исполнял должность управляющего, так и не удалось.

Отметим, что организационные мероприятия по открытию ялтинского филиала сопровождалась чередой непредвиденных обстоятельств, от трудностей с подбором квартир до недостатка денег на повседневные нужды. Так, замещавший управляющего Ялтинским отделением жаловался на дороговизну жилья и продуктов питания. По его словам, хотя 1882 г. и оказался не самым дорогим сезоном, как в прежние времена, когда в Ливадию приезжала царская семья, тем не менее, дороговизна была весьма ощутима. В тех случаях, когда в свою крымскую резиденцию приезжал царь и его окружение, спрос заезжей публики на квартиры превосходил все возможности Ялты. Вследствие чего цены на жилье возрастали необыкновенно, так же как и цены на продукты питания. Этот фактор крайне болезненно отражался на материальном положении чиновников временного отделения, командированных из разных городов России на время его работы. Из письма чиновника, замещавшего управляющего Ялтинским отделением, А. В. Цимсену следовало, «что одинокому заезжему человеку, самых скромных требованиях, дневное пропитание обходилось свыше трех рублей. Если же прибавить к этому существующий здесь обычай повышать и без того невероятные цены на все предметы потребления в период с конца июля по 1 августа, затем с 1 августа по 15 и, наконец, с половины августа до конца сезона, то Ваше Превосходительство изволите усмотреть до чего становится невыносимой для тощего кошелька заезжего чиновника дороговизна жизни в Ялте, где приезжий люд немилосердно эксплуатируется местными антрепренерами, весь контингент которых состоит из греков, татар,

³⁰ Коломийцева В.А. История финансов Тавриды. С. 384.

армян и евреев»³¹. Действительно, выданное чиновникам пособие в размере 3-х месячного оклада оказалось недостаточным на покрытие даже самых необходимых расходов. В августе 1882 г. управляющий банком добился разрешения у министра финансов выплатить всем чиновникам временного Ялтинского отделения добавочное трех-месячное жалование.

Особенно затратными оказались первые три недели проживания в Ялте. Во-первых, путь из Москвы в Ялту оказался долгим по причине разрушения железнодорожного полотна после ливней 28 и 29 июня. Только в Туле поезд простоял более 12 часов. Во-вторых, чиновникам пришлось нести непредвиденные расходы на наем квартир. По договоренности управляющего банком А.В. Цимсена и городского головы Ялты барона А.Л. Врангеля, временное отделение должно было получить в безвозмездное пользование дом с помещениями для операционной деятельности и размещения части служащих. Однако при всех усилиях барона Врангеля найти в Ялте такое подходящее казенное здание оказалось невозможно. Не смогло помочь в этом деле и Ялтинское уездное земство, хотя различные предложения от него исходили. В частности, была предложена для отделения местная школа, но только до середины августа. Между тем работа этого филиала должна длиться до 1 ноября. В итоге местные власти потратили на безуспешные поиски три дня.

В таких условиях руководителю отделения пришлось самостоятельно заняться поиском подходящего дома, обратившись к местным коммерсантам. Эти усилия также оказались непростыми и длительными, так как предложенные цены были не только чрезмерно высокими, но и большинство помещений мало подходило для нужд отделения. В своем письме он довольно ярко описывает эти усилия: «Пришлось потерять не мало времени на осмотр указываемых помещений, в большинстве случаев оказавшихся никуда не годными. В таких поисках, весьма утомительных в гористой местности, с воздухом накаленным до 45 гр., посчастливилось, наконец, отыскать сколько-нибудь сносные помещения в домах, расположенных в частях города, удобных для публики и не затруднительных по доступу к ним. Но за такие помещения, за две-три скромные меблированные комнаты, требовали не ниже 1100 руб. наемной платы за время по 1 ноября. Я должен оговориться, что разборчивость при найме помещения здесь дело не последней важности, так как большая часть города раскинута на кручах подошв хребта Яйлы, с трудными утомительными подъемами, и неосмотрительный выбор помещения для отделения банка мог бы вызвать среди публики, людей большей

³¹ Управляющий временным отделением в Ялте — А.В. Цимсену. 4 августа 1882 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 420. Л. 41.

части больных, ропот на неудобства»³². После долгих поисков исполнявший должность управляющего остановился на доме архитектора Г.Ф. Шрейбера, расположенного невысоко и вблизи главной улице вдоль морского побережья. Плата за аренду составила 769 руб. Еще 69 руб. было потрачено на небольшое переустройство некоторых помещений.

Следует добавить, что из 2 тыс. постоянных жителей Ялты подавляющее большинство из тех, кто имел домовладения в городе, сдавали в наем «меблированные квартиры или комнаты приезжей публике». Приток отдохавших начинался в мае и заканчивался в начале октября. По данным руководителя Ялтинского отделения, в 1882 г. таких приезжих было 14 тыс. человек, а в июле–августе в городе одномоментно находилось до 8 тыс. отдыхающих. К ноябрю оставались те, которые нуждались в продолжительном лечении. Ялта практически не обладала промышленными предприятиями, а главными промыслами местного населения было выращивание винограда, фруктов, табака и производство вина. Табак на месте не перерабатывался, а отправлялся в другие города: Керчь, Одессу, Ростов-на-Дону, Симферополь и другие места. При этом в городе не было сколько-нибудь крупных табачных складов. Сырье скупалась комиссионерами из числа караимов. Впрочем, крымский табак не отличался высоким качеством. Лишь в нескольких местах выращивали высокие сорта этого растения, к примеру, в Гурзуфе. Бесперспективным было развитие портовой инфраструктуры в силу отсутствия подходящей гавани и мелководья. Таким образом, Ялта имела блестящее будущее лишь как курортный город. По убеждению чиновника отделения, «несмотря на окружающие местные природные богатства, все силы направлены исключительно на такие незатейливые предприятия, как устройство *chamber granies* [меблированные комнаты] и кухмистерское дело»³³. Низкая платежеспособность местного населения, раздробленность капиталов местных предпринимателей, которые не были способны к консолидации этих средств в крупные суммы, делали слабыми перспективу организации в Ялте сколько-нибудь солидных предприятий.

По мнению чиновника Ялтинского отделения, примером безуспешной попытки объединить усилия по организации кредита могло послужить Ялтинское общество взаимного кредита. Созданное в 1871 г. средствами местных землевладельцев под руководством В. С. Корсакова, к 1882 г. влачило жалкое существование. «Складочный

³² Исполняющий должность управляющего временным отделением в Ялте — А.В. Цимсену. 4 августа 1882 г. // Там же. Л. 46.

³³ Докладная записка исполняющего должность управляющего временным отделением Ялте // РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 420. Л. 57.

капитал участников этого общества и значительный кредит, — писал чиновник, — открытый ему Государственным банком, в короткое время были разобраны по частям и займы до такой степени возвращаются туго, что пустота кассы Общества стала явлением хроническим, приведшим к тому, что более осторожны е вкладчики по мере возможности берут свои вклады обратно»³⁴. Такое положение дел Общества было следствием нецелевого использования полученных ссуд. Практически все заемщики, получив в Обществе кредиты, бросились расширять или строить новые дома, в расчете сдавать их в наем. Эта строительная суета была лишь первой ласточкой будущего строительного бума, который начался во второй половине 1880-х гг. Он продолжился до экономического кризиса начала XX в. Перемены были разительными. «На месте прежних небольших уютных дачек, — писала «Банковая и торговая газета» в 1903 г., — появились 3–4 этажные дома — точно снятые со столичных улиц. Строительная деятельность кипит в Ялте: вся набережная — это Невский проспект Ялты — густо застроенный новыми отелями, высокими зданиями меблированных комнат и ресторанов, отвечающих всем запросам наезжающей в Крым на осенние и весенние сезоны богатой московской публики»³⁵.

Однако в начале 1880-х гг. для руководства Государственного банка отмеченные выше процессы не были столь очевидными. Как в С.-Петербурге, так и в Ялте, чиновники рассматривали возможность учреждения филиала банка как временного заведения, признанного удовлетворять нужды отдыхающих и тех коммерсантов, которые обслуживали эту категорию лиц. «Ни численность постоянного населения Ялты, ни размеры местной торговли... — писал руководитель Ялтинского отделения, — не вызывают в настоящее время особой потребности банковского кредита в лучшем его и прямом назначении поддерживать полезные промыслы и торговлю». Таким образом, открытое в 1882 г. временное отделение сконцентрировало свое внимание на интересах немалочисленной группы, облегчив им возможность переводить необходимые денежные средства или получать ссуды, не прибегая к услугам ростовщиков, которые брали до 60 %.

Впоследствии Государственный банк ежегодно в период с мая по ноябрь содержал в Ялте временное отделение. При этом майские дни открытия банковских операций были различными, хотя в задачу вновь назначаемых управляющих входило принимать первых посетителей в 20-х числах месяца. Так управляющий Ярославским отделением Алексей Дмитриевич Щелков, назначенный в 1883 г.

³⁴ Там же.

³⁵ Банковая и торговая газета. 1903. 8 марта № 10.

главой Ялтинского отделения, должен был начать операции 20 мая. Однако в город он прибыл лишь 18 мая, сразу приступив к подбору помещения для временного филиала. Необходимые денежные ресурсы в размере 100 тыс. руб. из Севастопольского отделения он получил 26 мая. Таким образом, он смог начать банковские операции лишь 27 мая.

Отметим, что в Ялту командировались разными подразделениями банка не самые высоко квалифицированные чиновники. По признанию А.Д. Щелкова, ему потребовалось некоторое время, чтобы обучить некоторых своих подчиненных тем или иным операциям. В этой связи он писал: «... все командированные в состав Ялтинского отделения чиновники, а именно: служащие в Государственном банке г. Кусков контролером, г. Дубравский бухгалтером, г. Париенко кассиром и счетчиком чиновник для письма в кассе Ярославского отделения г. Советов, при отличном поведении, исполняли свои обязанности с должным прилежанием и усердием; хотя в первое время для некоторых, как незнакомых с операциями и вообще с делопроизводством по отчетности, но при моем указании и наставлении, они в скором времени вникли в дела и усвоили себе необходимый для этого навык».³⁶ Учитывая относительно слабые обороты этого филиала, более удачного места для обретения навыков банковского дела было трудно найти. В последующие годы на службу в этом отделении просились многие чиновники банка, пытаясь совместить несуетную службу и возможность поправить здоровье в условиях крымского климата.

Статус временного филиала Ялтинское отделение Государственного банка сохранило до 1911 г. Впрочем, хотя 1 января 1912 г. оно и было преобразовано в постоянно действующее подразделение, его следует рассматривать как курортное отделение, так как оно продолжало обслуживать, главным образом, интересы приезжей публики и ту торговлю, которая с этой публикой была связана. Число отдохнувших год от года возрастало, достигнув в 1911 г. 32 789 человек, в 1912 г. 34 612 человек, а к 15 августа 1913 г. уже 41 784 человека. Значительная доля этих лиц и составляла клиентуру Ялтинского отделения, предпочитая заниматься денежными переводами или брать ссуды под ценные бумаги. Местные деловые круги весьма сдержано отнеслись к переменам в статусе отделения. Так, вексельные операции отделение начало производить лишь в конце 1912 г. В силу экономических особенностей местного района, вряд ли следовало ожидать от Ялты и смежных с ней курортов Алупка, Гурзуф и Алушта достаточного

³⁶ Докладная записка управляющего временным Ялтинским отделением А.Д. Щелкова. 4 ноября 1883 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 30. Д. 420. Л. 127 об.-128.

материала, чтобы заполнить в полной мере вексельный портфель этого филиала. Из отчета ревизора А.А. Петрова, кредиты в этом отделении в 1912 — начале 1913 г. получали в основном табакоряды и торговцы табаком (17 кредитов на 64 тыс. руб.), торговцы бакалейными товарами (12 кредитов на 85 тыс. руб.), подрядчики (11 кредитов на 59,5 тыс. руб.), виноградари и торговцы вином (9 кредитов на 120 тыс. руб.), торговцы строительными материалами (8 кредитов на 79 тыс. руб.) и хлеботорговцы (5 кредитов на 59 тыс. руб.)³⁷.

Неожиданно мало среди клиентов отделения оказалось торговцев фруктами, всего два заемщика на 2 тыс. руб. В то время как эта отрасль местного хозяйства относилась к числу развитых сфер, занимая видное место в экономической жизни района. Причиной тому была позиция руководства Государственного банка, которое считало нежелательным предоставление татарскому населению доступного кредита. Между тем сады и оптовая торговля фруктами находилась как раз в руках татар, а розничная торговля в руках турок. Примечательно, что в отчете ревизора А.А. Петрова была отмечена высокая доля еврейского купечества среди заемщиков отделения. Их было 23 предпринимателя, составивших 21 % от общего числа получателей вексельного кредита³⁸. Впрочем, без этой категории заемщиков ссудные и кредитные операции отделения и вовсе были бы ничтожными. Возможно, по этой причине Петров не стал комментировать этот факт, ограничившись лишь приведением цифр.

Таким образом, перспективы развития Ялтинского отделения, как полноценного кредитного учреждения после приобретения им постоянного статуса были крайне туманными. Отчасти оно повторяло судьбу Ялтинского общественного городского банка, открытого 8 января 1905 г. Это заведение относилось к числу самых мелких банков России. В силу ограниченности местных денежных ресурсов оно так и не смогло нарастить свои капиталы, выдавая ограниченное число мелочных кредитов.

Государственный банк на полуострове не смог оказать его деловым кругам полноценное содействие в развитии края. Осторожность в деле кредитования местного предпринимательства и ограниченность отпущенных на это дело ресурсов не позволили народно-хозяйственному комплексу Крыма обрести надежный источник финансирования. На протяжении всей второй половине XIX — начале XX в. деловые круги полуострова ощущали недостаток в доступном и дешевом кредите.

³⁷ Отчет о ревизии Ялтинского отделения инспектором А. Петровым. 30 сентября 1913 г. // РГИА. Ф. 587. Оп. 33. Д. 1155. Л. 14–15.

³⁸ Там же.

Список литературы

Бугров А.В. Из банковской истории Крыма: неизвестные страницы (1875–1915) // Деньги и кредит. 2017. № 3. С. 72–75.

Бугров А.В. Московская контора Государственного банка и экономика Центрального промышленного района, 1860–1914 гг. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М.: Салон «Оттиск» ООО «1 ТИС», 2004. 24 с.

Горбик К.А. Деятельность Ростовской конторы Государственного банка по экономическому развитию Области Войска Донского в конце XIX — начале XX в. // Клио. 2017. № 4 (124). С. 90–95.

Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861–1892). М.: Госфиниздат, 1960. 415 с.

Ишкинина А.А. Деятельность Уфимского отделения Государственного банка Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. (1865–1917 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Уфа: Редакционно-издательский центр Башкирского гос. ун-та, 2010. 27 с.

Коломийцева В.А. История финансов Тавриды. Хроника (1783–1917). Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. 412 с.

Котляров М.А. Операции Екатеринбургского отделения Государственного банка в XIX–XX вв. // Известия Уральского гос. экономического ун-та. 1999. № 2. С. 114–117.

Кредит и банки в России до начала XX века: Санкт-Петербург и Москва. СПб.: Издательство СПбГУ, 2005. 667 с.

Николаев М.Г. Учреждения Государственного банка на Крымской земле (краткая историческая справка) // Деньги и кредит. 2014. № 9. С. 76–78.

Стахнюк А.В. Страницы истории Главного управления Банка России по Оренбургской области // Деньги и кредит. 2009. № 2. С. 37–44.

Судейкин В.Т. Государственный банк: Исследование его устройства, экономического и финансового значения. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1891. 520 с.

Поступила в редакцию
20 мая 2020 г.

И.К. Богомолов*

АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ СТЭНЛИ УОШБЕРН НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

I.K. Bogomolov

AMERICAN JOURNALIST STANLEY WASHBURN AT THE RUSSIAN FRONT OF THE FIRST WORLD WAR

Аннотация. История фронтовой журналистики в России времен Первой мировой войны лишь в последние годы стала привлекать внимание исследователей. До сих пор мало изучены маршруты военных корреспондентов, их взаимоотношения со Ставкой, командованием фронтов, цензурой. Деятельность американского журналиста Стэнли Уошберна представляет особый интерес. К 1914 г. он уже был опытным и известным журналистом, побывавшим в разных точках планеты. Уже то, что Уошберн был приглашен на работу в «Таймс» и отправлен в трудную командировку на Восточный фронт, говорило о многом. Его журналистский талант сочетался со знанием русской армии, полученным со времен русско-японской войны. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов ратовал за его допуск на фронт для создания положительного образа России и русской армии в США. Хотя Ставка поначалу противилась допуску журналистов, доводы Сазонова вкупе с поражениями в Восточной Пруссии вынудили ее смягчить позицию. На фронте Уошберн выделялся среди других корреспондентов своей дисциплиной и увлеченностью делом. Не имея возможности постоянно посещать передовую, Уошберн сосредоточился на описании фронтовой повседневности, «переживании» человеком войны. Его статьи отличались корректностью и разнообразием сюжетов, на этой основе в 1914–1916 гг. были изданы четыре книги о Русском фронте. Популярность Уошберна на Западе сказывалась на его положении в России: ему предоставили максимальную свободу передвижения по фронту, ему охотно давали интервью сановники и командующие фронтами, дважды его удостоивал аудиенции Николай II. Уошберн часто высказывал свои идеи по развитию военной пропаганды на фронте и по улучшению образа союзников в русском обществе. Вступление США в войну в 1917 г. и коренная ломка общественного строя в России побудили

* *Богомолов Игорь Константинович*, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра россиеведения, Институт научной информации по общественным наукам РАН

Bogomolov Igor' Konstantinovich, PhD Candidate of History, Research Fellow, Center of Russian studies, Institute for Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences

+7-499-124-28-83; boga_igor@mail.ru

Уошберна резко изменить область интересов, оставить журналистскую профессию и покинуть Россию навсегда.

Ключевые слова: Стэнли Уошберн, военный корреспондент, Русский фронт, Первая мировая война, Ставка, военная цензура, С.Д. Сазонов, лорд Нортклифф.

Abstract. The history of front-line journalism in Russia during the First World War has only recently begun to attract the attention of researchers. Until now, the routes of war correspondents, their relationship with the Stavka, the front commanders, and censorship have been little studied. The work of American journalist Stanley Washburn is of particular interest. By 1914, he was already an experienced and established journalist who had visited various parts of the world. The fact that Washburn had been hired by “The Times” and sent on a difficult tour of duty on the Eastern front spoke volumes. His journalistic talent was combined with knowledge of the Russian army, gained from the time of the Russo-Japanese war. Foreign Minister S.D. Sazonov advocated his admission to the front in order to create a positive image of Russia and the Russian army in the United States. Although the Stavka initially resisted admitting journalists, Sazonov’s arguments, coupled with the defeats in East Prussia, forced to soften its position. At the front, Washburn stood out from other correspondents for his discipline and enthusiasm. Not being able to visit the front line constantly, Washburn focused on describing the everyday life of the front, the human “experience” of war. His articles were distinguished by their correctness and variety of subjects, and four books about the Russian front were published on this basis in 1914– 1916. Washburn’s popularity in the West affected his position in Russia: he was given maximum freedom of movement along the front, was willingly given interview by dignitaries and front commanders, and was twice granted an audience by Nicholas II. Washburn often expressed his ideas regarding developing military propaganda at the front and improving the image of the allies in Russian society. The entry of the United States into the war in 1917 and the radical breakdown of the social system in Russia prompted Washburn to change dramatically the field of his interests, leave the journalistic profession and leave Russia forever.

Keyword: Stanley Washburn, war correspondent, Russian front, World War I, Stavka, military censorship, S.D. Sazonov, Lord Northcliffe.

* * *

Стэнли Уошберн (1878–1950) — один из самых известных американских военных журналистов XX в. К началу Первой мировой войны он успел поработать в разных частях света, от Японии до Канады, побывал на двух войнах. Особые воспоминания Уошберна связаны с Россией. В 1904 г. в качестве корреспондента газеты «Чикаго Дейли ньюз» он побывал на Русско-японской войне, а в 1914 г. отправился на Русский фронт. С русской армией в 1914–1916 гг. Уошберн провел 26 месяцев, описав увиденное в четырех книгах. Несмотря на это, в отечественной историографии имя Стэнли Уошберна встречается нечасто. Последняя научная статья о нем вышла на русском языке

больше двадцати лет назад. Автор, С.В. Листиков, основное внимание уделяет работе Уошберна во время революции 1917 г. и Гражданской войны, а о периоде 1914–1916 гг. упоминает лишь в одном абзаце¹. Современные исследователи американской журналистики отмечают новаторские подходы Уошберна, его профессионализм и смекалку в нелегких условиях Восточного фронта².

В данной статье предпринята попытка более полно осветить работу Стэнли Уошберна в России в годы Первой мировой войны. Основное внимание будет обращено на 1914–1916 гг. — время, когда Уошберн тесно взаимодействовал со Ставкой, командованием фронтов, Министерством иностранных дел России, знакомился с фронтовой повседневностью русской армии. В исследовании задействованы документы из фонда 134 («Архив “Война”») Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и фонда 2003 (Ставка Верховного главнокомандующего) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

В своей работе на фронтах Первой мировой войны журналисты сталкивались с самыми разными трудностями, а подчас и с непреодолимыми препятствиями. Одной из главных причин был постоянный нажим со стороны правительства, цензуры, военного командования. Он, в свою очередь, был обусловлен усилением влияния прессы на общественные настроения, ростом читательской аудитории. К началу XX в. курс на усиление контроля над корреспондентами взяли все европейские государства. Свообразным рубежом можно считать русско-японскую войну 1904–1905 гг., а действия японского командования стали наглядным примером. Формально не запрещая журналистам приезжать в свою страну, японцы всячески препятствовали их поездкам на фронт. Те, кто все же был допущен, столкнулись с длинным перечнем ограничений и запретов. Многие корреспонденты (включая писателя Джека Лондона) были разочарованы и уехали из Японии, так и не увидев театра военных действий³. Среди редких исключений — итальянский корреспондент Луиджи Базини, которого японское командование ценило за квалифицированные военные обзоры, внимание к деталям и, главное, положительные отзывы о японской армии⁴.

¹ Листиков С.В. Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. 1997. М., 1997. С. 177–189.

² Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln, 2017.

³ Sweeney M.S. “Delays and Vexations”: Jack London and the Russo-Japanese War // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1998. Vol. 75. N 3. P. 550.

⁴ McLaughlin G. The War Correspondent. London, 2002. P. 56.

Большинство военных (не только японских) относилось к журналистам с подозрением и неприязнью, которые своими корнями уходили еще в войны XIX в. Так, британские военные не забыли «вредную» деятельность журналистов-соотечественников во время англо-бурской войны и англо-зулусской войны 1879 г. Неудивительно, что военный министр лорд Г. Китченер в начале мировой войны не допускал представителей печати в расположение британской армии⁵. Официальную аккредитацию английские корреспонденты получили только в марте 1915 г. Непосредственной причиной этой уступки послужили неудачи британских войск в битве при Нев-Шапель, скудное освещение которой вызвало недовольство в английском обществе и усилило дебаты о значимости фронтовых корреспондентов⁶.

В России отношение к журналистам в армии прошло схожий путь. После 1905 г. в военных кругах был популярен взгляд на печать как на деструктивную силу, которая не только «мешается под ногами», но и выдает противнику военные секреты⁷. Под влиянием этих настроений после русско-японской войны последовательно ужесточались правила работы журналистов. Согласно «Положению о военных корреспондентах» (1912 г.) на фронт допускались двадцать журналистов (по десять русских и иностранных), их маршрут передвижения по фронту должен был заранее согласовываться, за отклонение полагались штрафы и отстранение от работы⁸. Однако общественный интерес к начавшейся мировой войне был столь велик, что многие редакции старались любыми путями получить допуск на фронт для их корреспондентов.

Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич поначалу был непреклонен. Подобно Китченеру, он не скрывал своего недоверия к журналистам, считал их только помехой и обузой для командования. Изменить свое отношение его вынудила обстановка на фронте. Поражения русской армии в Восточной Пруссии в августе 1914 г. произвели ошеломляющее впечатление в России. Успокаивающие сообщения Ставки только усиливали подозрения и страх перед германским наступлением. Общество в целом слишком мало знало о положении на фронте, о быте армии, ее героях и подвигах. В итоге в конце августа 1914 г. Ставка с явной неохотой согласилась допустить по пять представителей русской и иностранной печати. Пребывание корреспондентов на фронте было изначально обстав-

⁵ Ibid. P. 57.

⁶ Ibid. P. 59, 60.

⁷ Куропаткин А.Н. Русско-японская война: итоги войны. СПб., 2002. С. 10.

⁸ Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 30.

лено множеством условий и ограничений⁹. Все корреспонденции (включая частные письма) должны были проходить строгую предварительную цензуру. За дисциплинарные нарушения (например, за отклонение от намеченного маршрута) полагались наказания — от денежных штрафов до тюремного заключения¹⁰. Отбор зарубежных кандидатур был особенно трудной задачей: следовало выбрать тех, кто устраивал и Петроград, и Ставку, и союзников.

Двумя неделями ранее, в середине августа 1914 г., Стэнли Уошберн прибыл в Лондон в составе группы американских корреспондентов. Их первоначальной целью был Западный фронт, который рассматривался как главный, близкий и более понятный журналистам и американской читающей публике. Всё изменила короткая встреча Уошберна с Альфредом Хармсвортом, виконтом Нортклиффом. К тому моменту Нортклифф владел ведущими газетами страны — «Таймс» и «Дэйли мэйл»¹¹. Он был заинтересован в «своем» талантливом журналисте на Востоке, который, к тому же, известен в Америке. Уошберна долго уговаривать не пришлось. Он поехал в Россию в статусе «специального» корреспондента, фактически не ограниченного в средствах. Статус корреспондента «Таймс» потребовал смены имиджа: привычное старое пальто и фетровую шляпу Уошберн должен был поменять на пошитый на заказ костюм, шелковую шляпу и трость. Поставленные задачи явно выходили за рамки корреспондентской работы. В своем напутствии Нортклифф прямо заявил Уошберну: «если ты поймешь, что можешь сделать что-либо в дипломатической или военной сфере, или через политическую интригу, которую я считаю твоим любимым времяпрепровождением, ты должен забыть “Таймс” и служить “Делу”, которое для меня важнее, чем эксклюзивные депеши»¹². Под «делом» Нортклифф, очевидно, понимал борьбу союзников с Германией, в чем формально нейтральный американский журналист мог сослужить хорошую службу.

Уже в августе 1914 г. Уошберн прибыл в Петроград, где познакомился со многими российскими и союзническими журналистами. Здесь статус корреспондента «Таймс» поначалу мало чем помогал: Ставка в первый месяц войны отклоняла все просьбы допустить журналистов на фронт. Не подействовали и личные просьбы министра С.Д. Сазонова, в том числе и по поводу Уошберна. Некоторые уступки Ставка начала делать в конце первого месяца войны. По поручению Сазонова представитель МИД в Ставке князь Н.А. Кудашев на первой

⁹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 23.

¹⁰ Блохин В.Ф. Указ. соч. С. 30.

¹¹ *Thompson J.L. Fleet Street Colossus: The Rise and Fall of Northcliffe, 1896–1922 // Parliamentary History. 2006. Vol. 25. Part 1. P. 115.*

¹² *Dubbs C. Op. cit. P. 82.*

же встрече с начальником Штаба Верховного главнокомандующего генералом Н.Н. Янушкевичем просил за Уошберна и других американских журналистов. Ответ Янушкевича был двояким. С одной стороны, он вновь повторил что «вопрос о допущении в армию уже разрешен в отрицательном смысле». С другой стороны, журналисты могли быть допущены в определенное Ставкой время и на заранее оговоренные участки фронта. От каждой союзной России державы мог быть допущен только один журналист, причем имелось в виду не гражданство, а принадлежность к союзной прессе. В этом смысле Янушкевич был не против Уошберна, «тем более что этот журналист окажется распространителем сведений в выгодном для нас освещении и в Америке». Но Уошберн должен был быть единственным представителем английской печати, чтобы не нарушать баланс и «не вызвать соответствующего требования со стороны французов»¹³.

Назначение Уошберна наталкивалось и на противодействие Лондона, где не были в восторге от идеи, что американец будет представлять английскую печать, и подбирали свою кандидатуру. Стоит отметить, что на Русский фронт намеревались ехать несколько британских журналистов. Один из них, ирландец Френсис Маккалла, уже в августе 1914 г. появился в Петрограде. Маккалла не уступал Уошберну в послужном списке. К неполным тридцати годам он успел поработать журналистом в Токио и на Цейлоне, а в 1903 г. впервые попал в тогда еще русский Порт-Артур. Во время русско-японской войны Маккалла побывал в японском плену вместе с русскими солдатами, а в августе 1905 г. присутствовал на Портсмутской конференции. Его воспоминания о русско-японской войне¹⁴ встретили положительные отзывы в России¹⁵ и даже были частично переведены на русский язык¹⁶. Когда началась Первая мировая война, Маккалла не задумываясь отправился в Россию, чтобы присоединиться к русской армии. Редакция лондонской газеты «Дейли ньюз» поддержала своего корреспондента рекомендацией, в которой отмечен профессионализм Маккаллы, его храбрость, «кротость» и (явно не случайно) сочувствие сербам¹⁷. Правда, редакция умолчала о политических взглядах Маккаллы: до мировой войны он неоднократно критиковал крупных производителей оружия и лоббирующие их интересы правительства¹⁸. В личном письме Сазонову Маккалла доказывал,

¹³ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 72, 72 об.

¹⁴ *McCullagh F. With the Cossacks. London, 1906.*

¹⁵ Русское государство. 1906. 4 мая.

¹⁶ *Маккулах Ф. Среди казаков // Русская старина. 1915. № 1. С. 203–208.*

¹⁷ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 6, 7.

¹⁸ *Horgan J. "The Great War Correspondent": Francis McCullagh, 1874–1956 // Irish Historical Studies. 2009. Vol. 36. N 144. P. 549.*

что именно «радикальные» корреспонденты могут помочь русскому правительству в освещении военных действий и улучшении образа русской армии за границей. Немцы, полагал Маккалла, «навверняка поднимут крик о “русских зверствах”»¹⁹ и был в этом прав: германская пропаганда активно распространяла в нейтральной печати сообщения о военных преступлениях русских войск в Восточной Пруссии²⁰.

Эдуард Грей, министр иностранных дел Великобритании, также призывал Петроград скорее допустить журналистов на фронт, чтобы противостоять германской пропаганде²¹. Но это вовсе не означало согласия на кандидатуру Маккаллы. В России Лондону нужен был надежный и нейтральный журналист, имеющий связи в русских военных и политических кругах. Под эти условия почти идеально подходил историк Бернард Пэрс, который хоть и не считал себя профессиональным корреспондентом²², но хорошо знал Россию, был лично знаком со многими высшими сановниками и членами Думы²³. Пэрс согласился, хотя и считал Маккаллу более подходящей кандидатурой²⁴. Назначение Пэрса означало, что больше ни один представитель английской прессы не мог попасть на фронт. Глава Дипломатической канцелярии МИД барон М.Ф. Шиллинг 4 сентября 1914 г.²⁵ подтвердил Н.А. Кудашеву, что Пэрс назначен, и вопрос об Уошберне «отпадает», так как американец «не может заменить английского корреспондента»²⁶.

Однако Сазонов не был согласен с таким решением. По его мнению, нахождение Уошберна на Русском фронте было важно с точки зрения пропаганды и репрезентации России за рубежом, особенно в США. 6 сентября 1914 г. он писал Кудашеву, что немцы прикладывают серьезные усилия, чтобы привлечь на свою сторону американское общественное мнение. Это могло иметь опасные последствия для Антанты: США потенциально были важнейшим кредитором и поставщиком вооружений, а настроения американской прессы могли повлиять на решения Вашингтона. Ввиду того, что России, «очевидно, придется обратиться»²⁷ к содействию американского денежного рын-

¹⁹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 8.

²⁰ *Watson A.* “Unheard-of Brutality”: Russian Atrocities against Civilians in East Prussia, 1914–1915 // *Journal of Modern History*. 2014. Vol. 84. № 4. P. 789.

²¹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 14, 14 об.

²² Там же. Л. 59.

²³ *Hughes M.* Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // *Slavonic and East European Review*. 2000. Vol. 78. N 3. P. 515.

²⁴ *Pares B.* *My Russian Memoirs*. London, 1931. P. 276.

²⁵ Здесь и далее в тексте даты указаны по старому стилю.

²⁶ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 75.

²⁷ Перед словом «обратиться» Сазонов зачеркнул слово «вскоре».

ка», Сазонов просил Кудашева вновь вернуться к вопросу об Уошберне. Министр напомнил, что Пэрс являлся скорее представителем английского правительства, а не печати, поэтому можно отступить от «чисто формальной точки зрения, ввиду крайней важности для нас этого вопроса»²⁸. Доводы Сазонова, очевидно, показались в Ставке убедительными. 10 сентября он передал великому князю Николаю Николаевичу свою «искреннюю признательность» за одобрение кандидатуры Уошберна²⁹. В тот же день в телеграмме послу в Вашингтоне Г.П. Бахметеву Сазонов сообщил, что Уошберн допущен на фронт «во внимание к проявленному в Америке сочувствию к России» и просил посла подчеркнуть этот «знак особого расположения к Америке»³⁰.

Тем не менее, Ставка не торопилась претворять свои решения в жизнь. Формально допущенные на фронт, журналисты не имели права ехать туда без особого распоряжения. На эту медлительность сетовал корреспондент «Таймс» в Петрограде Роберт Вильтон в письме военному министру В.А. Сухомлинову от 19 сентября 1914 г. Подобно Сазонову, Вильтон считал «крайне желательным» присутствие американского журналиста на фронте. По его словам, в американском обществе востребованы «живые корреспонденции» с Русского фронта, которые «нельзя писать в Петрограде». На этом фоне Вильтон считал странным, что Стэнли Уошберн оставался в Петрограде уже пятую неделю, а фотограф английской газеты «Дейли миррор» Джордж Мьюз не имел права фотографировать даже собственный гостиничный номер и вынужден был посылать в Англию старые, купленные в магазине снимки³¹. Правда, Уошберн в российской столице не терял времени даром. Пока шли согласования, он внимательно изучал карты военных действий, ознакомился с местностью, путями сообщения русской армии в Польше и Галиции³².

После длительных согласований корреспондентам было разрешено приехать в Ставку 26 сентября 1914 г. Помимо Уошберна и Пэрса в состав группы входили еще три зарубежных журналиста: Людовик Нодо (Франция), Какасаки Оба (Япония) и фотограф Джордж Мьюз. Командование не исключало и расширения «квоты». Так, генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов недоумевал, почему Роберт Вильтон, ходатайствовавший за Уошберна и Мьюза, сам не стремится своими глазами увидеть фронт³³. Несколько смягчил свою позицию и вели-

²⁸ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 77, 77 об.

²⁹ Там же. Л. 79.

³⁰ Там же. Л. 81.

³¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 12, 12 об, 13.

³² *Dubbs C.* Op. cit. P. 83.

³³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 19 об.

кий князь Николай Николаевич. Еще недавно наотрез отказывавшийся видеть журналистов на фронте, он теперь лично принимал их, уверял, что «очень рад» видеть и «высоко ценит» значение печати во время войны³⁴. В своих статьях Уошберн также упоминал эту встречу в Ставке. Николай Николаевич произвел на него впечатление человека «робкого и застенчивого», ведущего скромный образ жизни и практически ничем (кроме роста) не выделяющегося среди остальных штабных офицеров³⁵. К этой характеристике следует подходить осторожно: Уошберн публиковал эти заметки в разгар войны, когда в союзной прессе утверждались пропагандистские образы «простых» и «близких к солдату» военачальников и монархов. В России, к примеру, печать и пропаганда пытались развивать героический образ короля Альберта I³⁶.

По поручению великого князя корреспондентам были предоставлены «наиболее возможные удобства» при следовании вдоль фронта. Командование армий должно было всячески содействовать группе журналистов и допускать их в районы военных действий³⁷. Накануне отъезда все корреспонденты подписали обязательство строго соблюдать правила и «подчиняться всем требованиям, которые сверх того могут быть предъявлены»³⁸. Маршрут поездки был заранее согласован и включал несколько основных прифронтовых городов: Ровно, Броды, Львов, Рава-Русская, Сокаль, Владимир-Волынский, Ковель. По прибытии во Львов маршрут несколько расширился, были включены Галич, Городок, Кельцы, Козеницы³⁹. Журналисты были под бдительным присмотром специально прикомандированного к ним полковника П.Л. Ассановича, который сообщал буквально о каждом шаге группы⁴⁰.

Формально Ассанович был единственной цензурной преградой для корреспондентов: при наличии отметки о просмотре Ассановичем все их материалы должны были беспрепятственно попадать на страницы печати⁴¹. Однако даже столь конкретное указание из Ставки не помешало местным военным цензорам часто вмешиваться в процесс. Зорко следили за отправленными материалами и в самой Ставке: любые «неправильные» толкования и суждения журналистов

³⁴ Там же. Л. 35.

³⁵ Washburn S. Field Notes from the Russian front. London, 1915. P. 45.

³⁶ См., например: Русские ведомости. 1914. 14 октября; Новое время. 1914. 15 ноября.

³⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 56, 76.

³⁸ Там же. Л. 25.

³⁹ Там же. Л. 37, 41.

⁴⁰ Там же. Л. 46.

⁴¹ Там же. Л. 42.

ставились на вид Ассановичу⁴². К тому же самой строгой цензурой для них был сам формат заранее спланированных и ограниченных по времени поездок. Практически сразу недовольство выразил Б. Пэрс, считавший, что этот формат не позволит ему полноценно работать. Еще в пути он попросил Янушкевича и Сазонова перевести его на работу в Красный Крест⁴³. Таким путем Пэрс пытался законно остаться на фронте, и это ему удалось: из России он уехал уже когда Красная Армия была близка к победе в Гражданской войне.

Уошберн тоже не был в восторге от формата организованных поездок. Больше всего ему не нравилось то, что журналистов не допускают на передовую, показывая по большей части оставленные окопы. В городах группа посещала в основном лазареты. Уошберн предположил, что командование таким образом хотело показать журналистам самые неприглядные стороны войны и при этом не дать им увидеть стратегические объекты. Впоследствии он писал: «Когда эта великая война закончится, журналисты из этой группы определенно смогут назвать себя экспертами по госпиталям и раненым солдатам»⁴⁴. В центр повествования он поставил вопросы, казавшиеся на первый взгляд второстепенными: солдатский быт, повседневность в прифронтовых районах, женщины и их работа в лазаретах, настроения пленных австрийцев и немцев, религия на войне. Уошберн считал, что «если человек не знает, о чем думает простой солдат, на что он надеется и чего он боится, он ничего не знает об армии». Поэтому он старался проводить больше интервью, зачастую — на ходу, при этом совершенно не зная русского языка. Несмотря на трудности, ему удавалось находить новые сюжеты и регулярно давать материал в газеты⁴⁵. Пэрсу Уошберн очень нравился за его простоту, честность и увлеченность своим делом⁴⁶. Ассанович в отчете также отмечал, что во время поездки Уошберн «выделялся из всех прочих корреспондентов своей полной корректностью и бесприкословным подчинением всем правилам и указаниям»⁴⁷.

Первая поездка корреспондентов продолжалась месяц, до 26 октября 1914 г., после чего большая их часть вернулась в Петроград. Уошберн не намерен был задерживаться в российской столице и практически сразу начал хлопотать о возвращении на фронт. Посред-

⁴² Там же. Л. 69, 74.

⁴³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1442. Л. 62, 63, 64, 65, 66, 67; АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 59, 60, 61, 62.

⁴⁴ *Washburn S. Field Notes from the Russian Front. P. 69–70.*

⁴⁵ *Dubbs C. Op. cit. P. 83, 84.*

⁴⁶ *Pares B. Op. cit. P. 277.*

⁴⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 52.

ником вновь выступил Сазонов. 30 октября он просил Кудашева переговорить с высшими чинами Ставки по поводу допуска Уошберна. Прошение было составлено в максимально осторожных выражениях, Сазонов зачеркнул просьбу о «личном осмотре» Уошберном фронта и заверение, что тот не будет «злоупотреблять» своим положением. Доводы были те же, что и ранее: присутствие американского журналиста весьма важно для положительного образа России и русской армии в США⁴⁸. Ассанович также писал Янушкевичу, что Уошберн желает вновь попасть на фронт. Поездка, отмечал Ассанович, Уошберну понравилась, но в следующий раз он бы предпочел меньшую группу журналистов, и лучше, если будут только иностранные корреспонденты⁴⁹. Генерал Янушкевич прямо не отказал, пообещав допустить Уошберна, «как только это будет возможно, т.е. когда более определенно обозначатся новое направление и группировка армий, нашей и германской»⁵⁰.

Ожидая решения о новой поездке на фронт, Уошберн активно работал для английской печати. Его статьи затрагивали не только военные, но и политические и экономические вопросы войны. Свои идеи он не стеснялся обсуждать и давать советы высшим сановникам, вплоть до министров. Гранки своих статей Уошберн иногда присылал Сазонову, советуясь по поводу уместности той или иной темы в текущий момент. Так, в письме за 14 сентября 1914 г. Уошберн доказывал важность темы русско-английской торговли после войны⁵¹. Письмом Сазонову за 28 ноября 1914 г. Уошберн дополнил вырезками своих статей об австро-германских противоречиях. Не отрицая, что часть изложенного в них — слухи, Уошберн делал акцент на важности повторения этой темы в американской прессе: одна телеграмма «создает день, два или, возможно, неделю комментариев», но затем другие события выталкивают тему из общественного сознания. «Очень полезно» хотя бы раз в неделю посылать дополнительные материалы, которые возобновят обсуждение этой темы и повысят общественный интерес к ней. Уошберн доказывал, что «постоянное и тактичное повторение с разных сторон здравой идеи» постепенно формирует общественное мнение⁵².

Уже в начале ноября 1914 г. Уошберн вернулся в Польшу. Позже и другие корреспонденты, застрявшие в Петрограде после первой поездки, «начали тихо ускользать» в Варшаву⁵³. Местный отель

⁴⁸ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 83, 83 об.

⁴⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 52 об.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 84.

⁵¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 54.

⁵² АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 23. Л. 85.

⁵³ Washburn S. Field Notes from the Russian Front. P. 228.

Бристоль, в котором жили журналисты в первую поездку, вновь стал местом встреч и обсуждения новостей. Фронт был так близко к Варшаве, что значительную часть информации можно было получить, не выходя из отеля. Тем не менее, Уошберн старался найти лазейки, чтобы добраться до передовых позиций. 1 ноября он отправил статью из Варшавы, на следующий день побывал в прифронтовом Радоме, а 3 ноября — в только что взятом русскими войсками г. Кельцы. В начале января 1915 г. он вместе со знакомым военным врачом побывал в полевом лазарете рядом с передовой.

В это же время в Ставке решили привлечь Уошберна и Мьюза к официальным объездам фронта группой военных агентов — представителей союзных России держав. Уошберн был привлечен в тех же пропагандистских целях: показать американской публике силу и организованность русской армии. Произвести нужный эффект в целом удалось. Уошберн в превосходных тонах описывал состояние укрепленных позиций на р. Бзуре, лестно отзывался о прифронтовых дорогах и об организации власти на завоеванных территориях Австро-Венгрии. Главным же предметом его восхищения была сама русская армия, ее моральная устойчивость и ясное понимание правоты своего дела. Уошберн неоднократно отмечал, что русская армия образца 1914 г. заметно превосходит армию 1904–1905 гг. и имеет гораздо больший потенциал. Основываясь на этих наблюдениях, он предполагал, что к апрелю 1915 г. русская армия будет достаточно сильна, чтобы нанести сильный удар по противнику⁵⁴.

Положительные отзывы Уошберна можно было бы объяснить его особым положением. Как корреспондент «Таймс», он получал немалое жалование, позволявшее оплачивать текущие расходы, в частности — покупать топливо и запчасти для служебного автомобиля⁵⁵. В Ставке и в Петрограде на Уошберна смотрели как на «дорогого гостя», всячески его поддерживая и стараясь показать ему только лучшие стороны фронтового быта. Достаточно сказать, что объезды фронта Уошберн чаще всего совершал на автомобиле, нередко — в компании генералов и будучи единственным журналистом. Тем не менее, похвалы в адрес русской армии не означали ее идеализацию, как и вообще идеализацию войны. Напротив, в своих фронтовых заметках Уошберн стремился показать оборотную, неприглядную сторону войны, все те ужасы, что неизбежно ее сопровождают. В одной из статей он коротко упомянул о патриотическом подъеме в странах Европы в августе 1914 г., а затем подробно описал увиденные им в Польше прифронтовые картины: сожженные деревни, убитый скот на

⁵⁴ Ibid. P. 290.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 41, 41 об.

обочинах, непролазная грязь, разграбленные усадьбы, изуродованные тела раненых и смертельно уставшие врачи. Если бы Уошберн писал для русской печати, скорее всего, его статьи были бы сильно урезаны, так как военным цензорам запрещалось пропускать сведения, «могущие угнетающе действовать на читателей»⁵⁶. Симпатии Уошберна не были на стороне германской армии, но он признавал ее силу и скептически относился к рассказам о массовых «немецких зверствах», так как прямых доказательств зачастую не было⁵⁷. Уошберн старался оставаться нейтральным, что сказывалось на оценках даже коллег-журналистов. Так, он искренне удивлялся, что русские журналисты «радовались как дети», разъезжая по завоеванному Львову и «смотря на “наши” общественные здания, “наши” станции и “наши” парки»⁵⁸.

Статьи Уошберна и фотографии Мьюза стали основой книги «Полевые заметки на Русском фронте», изданной в начале 1915 г. в Лондоне. Книга, по мнению «Таймс», сделала Уошберна «известным среди британских читателей» и укрепила его авторитет как писателя и корреспондента⁵⁹. Схожего мнения была и Ставка. В апреле 1915 г. Уошберну было выдано удостоверение для «облегчения в пределах возможности» его работы на фронте. В этом же документе Уошберн был рекомендован как «публицист нейтрального государства, неоднократно показывавший свой беспристрастный взгляд, расположенность к нам и полную корректность в соблюдении предписанных правил»⁶⁰. Уошберн вновь отправился на Юго-Западный фронт. Специальный пропуск позволял ему относительно свободно перемещаться по всему фронту и давал весомые преимущества перед коллегами. Так, Уошберн раньше многих русских корреспондентов попал в Перемышль и подробно описал его состояние, настроения населения и пленных австрийцев⁶¹. Статьи Уошберна о низком моральном духе пленных австрийцев очень понравились великому князю Николаю Николаевичу. Именно после этого Уошберн получил репутацию «приближенного» к Ставке журналиста, что влияло на отношение к нему командующих фронтами⁶². Отметим, что неизменным спутником Уошберна оставался фотограф Мьюз.

В течение мая–июня 1915 г. Уошберн проехал значительную часть Польши, все чаще ставя на корреспонденциях неопределенный адрес: «западнее Варшавы» или «где-то в Польше». В июне–июле он

⁵⁶ РГВИА. Ф. 13839. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁵⁷ *Washburn S. Field Notes from the Russian Front. P. 174.*

⁵⁸ *Ibid. P. 66.*

⁵⁹ *The Times. 1915. 4 марта.*

⁶⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1 Д. 1443. Л. 1.

⁶¹ *Dubbs C. Op. cit. P. 86.*

⁶² *Ibid. P. 87.*

вновь приехал на Галицийский фронт. Посетив Тарнополь, Броды, Холм, Уошберн стал свидетелем «великого отступления» русской армии. Пользуясь связями в командовании, он оставался в Варшаве и передавал телеграммы в «Таймс» даже когда немецкая артиллерия начала обстреливать город⁶³. В своих корреспонденциях Уошберн не раз подчеркивал, что само по себе это отступление, даже с оставлением Варшавы, не является катастрофой: Германия понесет гораздо большие потери и все равно будет ближе к поражению, чем ее противники. Не сомневался он и в стойкости русского солдата, который, конечно, расстроен отступлением, но не сломлен⁶⁴. Уошберн был уверен, что «выносливость, характер и ресурсы» позволят союзникам победить, и нет «ничего более неразумного, чем судить о ситуации по положению булавок, перемещаемых вперед и назад по карте Европы»⁶⁵. Нортклифф считал взгляд Уошберна на положение России даже излишне оптимистичным⁶⁶.

Больше беспокойства у Уошберна вызывало распространение слухов об отступлении в самой России. Высказать свои тревоги ему удалось в высочайшем присутствии: летом 1915 г. он был приглашен на обед в Ставке в присутствии Николая II. После обеда Уошберн воспользовался случаем, чтобы рассказать императору о важности общественного мнения и внимания к нему правительства. «Вы всегда пишите и говорите об общественном мнении, — сказал царь, — но у нас в России нет общественного мнения». Уошберн заметил, что «разница между развитием общественного мнения и его игнорированием — это разница между эволюцией и революцией». Николай II ничего на это не ответил и, уходя, поблагодарил Уошберна за всё, что тот сделал для России и для него лично⁶⁷.

Разговор с царем оказал явное влияние на положение Уошберна. Допуск на фронт он теперь получал гораздо легче, перемещался по нему гораздо свободнее, а генералы обещали всяческую поддержку. Так, в конце июня 1915 г. Уошберн встретился с генералом Н.И. Ивановым и посетовал, что для создания положительного образа русской армии в английской и американской печати делается недостаточно. Иванов, «слегка улыбнувшись», ответил Уошберну, что тот «может делать всё что угодно», посещать любые полки, передовые линии, брать интервью у солдат и офицеров. К Уошберну был даже представлен личный переводчик для более свободного общения⁶⁸. Те же предпочтения в своей

⁶³ Ibid. P. 97.

⁶⁴ Washburn S. The Russian Campaign. April to August 1915. London, 1915. P. 230.

⁶⁵ Ibid. P. 348.

⁶⁶ Dubbs C. Op. cit. P. 100.

⁶⁷ Ibid. P. 98.

⁶⁸ Washburn S. The Russian Campaign. P. 223.

армии журналисту предоставил генерал А.А. Брусилов⁶⁹. Результатом были большие и подробные статьи, снабженные фотографиями Мьюза и составившие вторую часть «Полевых заметок» — «Русская кампания, апрель–август 1915 г.» В рекламе этой книги «Таймс» отмечала, что Уошберн «по-прежнему смотрит на будущее России с оптимизмом»⁷⁰.

Для американской публики Уошберн издал отдельную версию воспоминаний о «великом отступлении», дополненную наблюдениями за фронтом осенью 1915 — весной 1916 г.⁷¹ Главный вывод Уошберна — германское поражение в войне стало еще ближе. Большая, казалось бы, победа немцев — взятие Варшавы — не сыграла отведенной ей роли и не вынудила Россию подписать сепаратный мир. Разница в ресурсах, людских и материальных, чувствуется все сильнее, и будущий контрудар России неизбежен. «Победа в поражении» — так Уошберн охарактеризовал итоги кампании 1915 г. для России.

Наступление германских войск вглубь Российской империи Уошберн рассматривал как очередную фатальную ошибку очередной «непобедимой армии», идущей на Москву. Этот сюжет он предполагал обыграть и в русской пропаганде. В сентябре 1915 г. Уошберн прислал С.Д. Сазонову черновик листовок, в которых приводятся аналогии с вторжением Наполеона в Россию в 1812 г. Иллюстрациями служили картины В.В. Верещагина со сценами отступления остатков наполеоновской армии. Так, в подписи под картиной «Ночной привал Великой армии» подчеркивается сходство ситуаций: французам обещали мир после взятия Москвы, как теперь немцам — после взятия Варшавы, уже до «первого снега». Однако война продолжается, и Уошберн намекает немецким солдатам, что их ожидает та же незавидная судьба, что и наполеоновских солдат⁷². Сазонов заинтересовался проектом и переслал черновики генералу М.В. Алексееву, подчеркнув, что автор — Стэнли Уошберн, «полезная деятельность которого неоднократно была оценена как военным ведомством, так и министерством иностранных дел»⁷³.

Проектом Уошберна заинтересовались и в Ставке. В своем докладе полковник П.А. Базаров перечислил основные предложения Уошберна в области пропаганды. Во-первых, чрезвычайно важно, чтобы нижние чины получали изложенные понятным языком новости о ходе войны. Освещение положения на Западном фронте не менее важно, так как «в войсках держится твердое убеждение, что союзни-

⁶⁹ Ibid. P. 294.

⁷⁰ The Times. 1915. 30 ноября.

⁷¹ Washburn S. Victory in Defeat. The Agony of Warsaw and the Russian Retreat. New York, 1916.

⁷² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 35, 36, 37, 38.

⁷³ Там же. Л. 33.

ки наши отказались от активной борьбы с немцами». В связи с этим нужны конкретные факты (желательно с фотографиями) отправки союзниками оружия и боеприпасов в Россию. Эти сообщения необходимо регулярно зачитывать войскам вслух. Во-вторых, большую роль играет грамотная репрезентация вождей армии, а в случае с Россией — императора Николая II. Для этого необходимо печатать и раздавать в окопах «тысячи» его портретов и фотографий. В-третьих, важно распространять среди вражеских войск сведения об их поражениях. Чтобы сообщения выглядели достоверно, необходимо «указывать не округленные, а возможно точные цифры потерь» с указанием частей войск. Листовки Уошберн даже предлагал печатать на красной и синей бумаге, чтобы они были видны немецким и австрийским солдатам на снегу. Большую роль Уошберн отводил иллюстративным материалам: фотографиям пленных, орудий, знамен и других трофеев, взятых русскими войсками. Кроме того, Уошберн просил для себя новое удостоверение, дополненное правом пользоваться телеграфом Ставки, бензином и запчастями для своего автомобиля. Себе в помощники Уошберн просил допустить в Россию переводчика Фреда М. Грэя, так как сам он «владеет только английским и плохо немецким языками». Наконец, в удостоверении Уошберн просил именовать его как майора американской армии⁷⁴. 2 октября 1915 г. удостоверение для Уошберна, Мьюза и Фреда Грэя было выдано⁷⁵.

В течение осени 1915 г. Уошберн оставался в России, телеграфируя с разных участков фронта. Общий тон его сообщений по-прежнему был оптимистичным. Из Риги он сообщал читателям «Таймс», что город вне опасности и подступы к Петрограду надежно защищены⁷⁶. Через Уошберна Ставка и МИД нередко пересылали официальные сообщения, объясняющие положение на фронте и внешнеполитическую линию России⁷⁷. С другой стороны, большое внимание Уошберн уделял социально-экономическим проблемам России, например беженству⁷⁸. В декабре 1915 г. Уошберн на несколько месяцев вернулся в США, чтобы немного отдохнуть и восстановить здоровье, подорванное во время длительных разъездов по фронтам. Здесь он продолжал писать статьи о России и Русском фронте и параллельно с этим вел активную общественную жизнь: читал лекции, посещал Теодора Рузвельта, госсекретаря США Роберта Лансинга, а также русское посольство в Вашингтоне⁷⁹.

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 39, 39 об, 40, 40 об, 57.

⁷⁵ Там же. Л. 42.

⁷⁶ The Times. 1915. 14 сентября.

⁷⁷ The Times. 1915. 25 октября; 1916. 29 мая.

⁷⁸ The Times. 1915. 18 октября.

⁷⁹ *Dubbs C. Op. cit.* P. 100.

Для «Таймс» Уошберн написал за это время всего одну статью, вызвавшую, однако, серьезный резонанс в Англии. В статье он сетовал, что в Англии уделяют недостаточно внимания настроениям в российском обществе. Между тем «великое отступление» продемонстрировало, как быстро может вернуться подозрение к «коварному Альбиону», якобы бросившему своего восточного союзника. Хотя Германия держала на Западном фронте две трети своих сил, представление, что союзники ведут войну «до последней капли русской крови», распространилось и в окопах, и в петроградском высшем свете. Уошберн призывал наглядно продемонстрировать русским, что британский союзник «работает день и ночь» не только для себя, но и для России⁸⁰. В «Таймс» появились отклики на эту статью, и не все с Уошберном согласились. Лондонский корреспондент «Нового времени» Г.С. Веселитский-Божидарович уверял, что «все сознательные русские патриоты выступают за союз с Англией как за неременное условие будущего развития России»⁸¹. Другой читатель «Таймс» признавал правоту Уошберна, подчеркивая, что русский народ «не предвзят и не циничен, а только плохо информирован и очень доверчив»⁸².

В апреле 1916 г. Уошберн отправляется на Западный фронт. После шестнадцати месяцев в России для него это был совершенно новый опыт, словно «новый мир». Прежде всего, это касалось настроя на войну и причин, по которым люди жертвуют жизнью. Во Франции Уошберн посетил союзные штабы, побывал в крепости Верден. Ему было интересно соотносить военную повседневность на Западном и Восточном фронтах. Здесь он увидел «интеллектуальных, высокообразованных людей», четко понимающих причины и цели войны. В России же, по его мнению, настроение меланхоличное, люди (прежде всего крестьяне) видят в войне рок, которому следует покориться и стойко переносить выпавшие испытания⁸³.

На Западном фронте Уошберн пробыл до начала мая 1916 г., и в том же месяце вновь отправился в Россию. Посредником в переговорах со Ставкой, как и прежде, выступил МИД. В этот раз Уошберн запросил допуск на фронт не только для себя, но для своего секретаря, американского журналиста Л.С. Киркланда. Генерал-квартирмейстер Ставки М.С. Пустовойтенко попросил разъяснений от князя Н.А. Кудашева о целях и сроках поездки, а также мнение о них русского посла в Вашингтоне. Кудашев ответил, что журналистов, оказавших «выдающиеся услуги и доказавших на деле свое

⁸⁰ The Times. 1915. 23 декабря.

⁸¹ The Times. 1915. 30 декабря.

⁸² The Times. 1915. 28 декабря.

⁸³ The Times. 1916. 25 апреля.

благоприятное отношение», следует поставить в «особые условия при посещении фронта». Он отметил Уошберна и просил удовлетворить его просьбу насчет Киркленда⁸⁴. В начале июня Уошберну и Киркленду было разрешено посетить Северный фронт с 20 июня 1916 г. в течение двух недель; как и ранее, Уошберна сопровождал фотограф Джордж Мьюз⁸⁵.

Несмотря на выданное разрешение, Уошберн вместо Северного фронта сразу отправился южнее, где в это время развивалось русское наступление. Первая его статья пришла из штаба Юго-Западного фронта. В этой поездке Уошберн еще активнее перемещался по фронту, почти каждый день приезжая на новые позиции и регулярно посылая статьи в «Таймс». Он редко проводил на одном месте более двух дней, посетив за неделю Луцк, Ровно, Ковель и другие прифронтовые города⁸⁶. Уошберн много бывал на передовой, лучше познакомился с бытом фронтовиков. Гораздо больше внимания он стал уделять фортификации, современным методам войны, повседневности войск в окопах⁸⁷. В ходе «Брусиловского прорыва» Уошберн встречался с крупнейшими военачальниками — генералами А.А. Брусиловым, А.М. Калединым, К.В. Сахаровым⁸⁸. Для популяризации Брусилова в английском и американском обществе Уошберн сделал немало: генерал упоминается почти в каждой статье, а само русское наступление нередко описывалось как схватка «Брусилов против Гинденбурга»⁸⁹. По его словам, Брусилов — «человек с высоким интеллектом, который одинаково хорош как в атаке, так и в обороне»⁹⁰.

Главным наблюдением Уошберна была перемена в русской армии. Он восхитился способностью России подняться после тяжелых поражений лета 1915 г. У немцев преимущество в технике и боеприпасах, но «к сожалению для них», победа достигается не только оружием, но и отвагой, и талантом военачальников. Всего этого, писал Уошберн, было у русской армии в достатке⁹¹. Недоставало по-прежнему оружия и боеприпасов, хотя и здесь ситуация начала выправляться⁹². Немало хвалебных отзывов Уошберн оставил и об австро-германских армиях, признавая их упорство и высокий боевой дух войск⁹³. И если

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 3, 10.

⁸⁵ Там же. Л. 7, 8.

⁸⁶ The Times. 1916. 26 июня; 29 июня.

⁸⁷ The Times. 1916. 17 июля; 18 июля.

⁸⁸ The Times. 1916. 20 июня; 1 августа.

⁸⁹ The Times. 1916. 14 августа.

⁹⁰ The Times. 1916. 18 июля.

⁹¹ The Times. 1916. 29 июня; 4 июля.

⁹² The Times. 1916. 26 июня.

⁹³ The Times. 1916. 20 июля; 8 июля.

Австро-Венгрия «близка к коллапсу», то Германия вполне может продержаться еще два года, хотя и обречена на поражение»⁹⁴. Увиденное и записанное летом 1916 г. легло в основу книги «Русское наступление», вышедшей в 1917 г.⁹⁵ «Брусиловский прорыв» стал, по мнению Уошберна, логическим продолжением кампании 1915 г.: укрепившаяся русская армия нанесла мощный удар, показав, что силы германского блока уже на исходе.

Хотя Уошберн старался быть объективным и признавал боевые качества австро-германских войск, его симпатии и общие оценки были явно на стороне России и ее союзников. В этом смысле для Ставки Уошберн был ценным журналистом, доверие генералов к нему росло. Одновременно и противники России рассматривали его как известный и авторитетный источник информации о русской армии. Характерная ситуация произошла в июле 1916 г., когда в немецкой прессе было напечатано сообщение якобы от Уошберна об «ужасных потерях» русских войск в боях под Стоходом⁹⁶. Генерал Пустовойтенко распорядился в случае подтверждения подлинности телеграммы выслать с фронта всех корреспондентов «Таймс». За Уошберна вступился начальник штаба Юго-Западного фронта генерал В.Н. Клембовский, отметивший, что сообщение немецкой печати — компиляция с изрядной долей вымысла⁹⁷. Сам Уошберн назвал немецкую телеграмму «бесовестной фабрикацией, имевшей целью со стороны германцев ввести в заблуждение свои войска»⁹⁸. Опровержение было дано в «Таймс», где Уошберн напечатал свой оригинал и немецкую «подделку»⁹⁹. Он также призвал русское правительство использовать этот факт в пропагандистских целях: инцидент должен стать «прекрасной историей, показывающей, какими методами пользуются немцы»¹⁰⁰.

На Юго-Западном фронте Уошберн оставался вплоть до середины сентября 1916 г., когда наступление русских войск в Галиции окончательно остановилось. В начале октября 1916 г. он уже телеграфировал в Лондон из главной квартиры румынской армии. Перспективы румынского наступления Уошберн оценивал весьма осторожно, считая, что румыны не смогут долго наступать в Трансильвании без поддержки России¹⁰¹. Уошберн несколько раз встречался с румын-

⁹⁴ The Times. 1916. 9 августа.

⁹⁵ Washburn S. The Russian Advance. New York, 1917.

⁹⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 18.

⁹⁷ Там же. Л. 19, 20.

⁹⁸ Там же. Л. 17 об.

⁹⁹ The Times. 1916. 27 июля.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1443. Л. 24.

¹⁰¹ The Times. 1916. 12 октября.

ским королем Фердинандом¹⁰². Однако в середине октября австро-германо-болгарские войска начали мощное контрнаступление, закончившееся в начале декабря 1916 г. взятием Бухареста. Еще за месяц до этого Уошберн уехал из Румынии и вернулся на Юго-Западный фронт. Здесь он продолжал оптимистично смотреть на перспективы русской армии в следующем году. Генералы были рады поддерживать его настроение. Так, Брусиллов в ноябре 1916 г. в интервью заявил Уошберну: «Война уже выиграна. Вопрос теперь лишь в том, как долго наши враги готовы ее продолжать»¹⁰³.

В конце ноября 1916 г. Уошберн побывал в Киеве, где во второй и в последний раз встретился с Николаем II. Царь выглядел «осунувшимся и измотанным», они коротко обсудили недавнюю победу В. Вильсона на президентских выборах. Николай II был удивлен предвыборным заявлением Вильсона о строгом нейтралитете США, признав, что «не понимает» американской политики. Уошберн, который относился к Вильсону все более критично, разделял эту досаду¹⁰⁴. Возвращаясь на фронт он не торопился и отправился в Петроград, где постоянно встречался с различными чиновниками и военными. Плотный график отрицательно сказывался на здоровье Уошберна, он вынужден был отойти от активной деятельности и в начале 1917 г. вернуться в США.

После Февральской революции и вступления США в войну образ жизни Уошберна радикально изменился. В апреле 1917 г. он становится военным советником госсекретаря Роберта Лансинга¹⁰⁵. Среди американского истеблишмента Уошберн пропагандировал идею всемерной поддержки демократической России и Временного правительства. В мае 1917 г. он возвращается в Россию в качестве советника дипломатической миссии сенатора Элиу Рута¹⁰⁶. Видя углубление революционного кризиса в России, Уошберн призывал к активизации союзной пропаганды, уравнивая ее по размаху с пропагандой германской¹⁰⁷. Октябрьский переворот он воспринял враждебно, как торжество «германских агентов» большевиков. В 1919 г., на фоне кризиса антибольшевистских сил, Уошберн с досадой писал о «предательстве» России — страны, которая в годы мировой войны несколько раз спасла своих союзников от неминуемого поражения¹⁰⁸.

¹⁰² The Times. 1916. 13 октября.

¹⁰³ The Times. 1916. 10 ноября.

¹⁰⁴ Dubbs C. Op. cit. P. 102.

¹⁰⁵ The Times. 1951. 9 февраля.

¹⁰⁶ Листиков С.В. Указ. соч. С. 182.

¹⁰⁷ Там же. С. 183.

¹⁰⁸ Там же. С. 186.

В 1918 г. Уошберн навсегда покинул Россию и перебрался на Западный фронт, где служил в разведке американской армии. С окончанием мировой войны он уже не вернулся к активной журналистской деятельности, лишь изредка напоминая о себе в прессе. Последовательный противник большевистской власти, Уошберн выступал против международного признания Советской России. Он назвал «кощунством» сам факт дипломатических отношений с правительством, «сохранение власти которого зависит от гонений на Церковь и уничтожения свободы, и чья общепризнанная цель, по словам его лидеров, заключается в увековечении классовой борьбы во всем мире». Выгоду, полученную от торговли с СССР, Уошберн назвал «тридцатью сребренниками», полученными за предательство памяти погибших в годы мировой войны¹⁰⁹. Оставшуюся часть жизни Уошберн посвятил развитию угольной промышленности в г. Уилтон, штат Северная Дакота¹¹⁰.

Карьера Стэнли Уошберна как военного журналиста была яркой и во многом уникальной. Усиление контроля над прессой в военное время было общей чертой всех государств в начале XX в. Американский журналист и писатель Ричард Хардинг Дэвис не без оснований назвал это время концом «золотого века» военных корреспондентов¹¹¹. Уошберну, как и другим журналистам, пришлось мириться с запретами посещать фронт, с подробными, даже мелочными правилами, заранее очерченными маршрутами, жесткой цензурой. Тем не менее, Уошберн сумел совместить, казалось бы, несовместимые вещи: строго подчиняться правилам и находить в них лазейки, чтобы дать новый и неповторимый материал о далеком Русском фронте. Опытный журналист, Уошберн умело лавировал между Ставкой и Петроградом, используя внешние обстоятельства и свой статус корреспондента из нейтральной страны. Всё это позволило ему со временем занять особое место в ряду иностранных журналистов. Уже в 1915 г. Уошберн без особых ограничений перемещался по фронту на личном автомобиле, был вхож в высокие кабинеты в Ставке и в Петрограде, на общение с ним находили время высшие сановники и генералы. По сути, это был новый тип корреспондента, который не только передает увиденное, но и активно участвует в происходящих событиях. Революция 1917 г. и вступление США в Первую мировую войну прервали эти тесные отношения, открыв новую главу в жизни Стэнли Уошберна.

¹⁰⁹ The Times. 1923. 15 мая.

¹¹⁰ The Times. 1951. 9 февраля.

¹¹¹ McLaughlin G. Op. cit. P. 55.

Список литературы

Блохин В.Ф. Военные корреспонденты Минского военного округа в годы Первой мировой войны: к истории вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 3. С. 28–33.

Листиков С.В. Россия в первой мировой войне глазами американского журналиста Стэнли Уошберна, 1917–1919 гг. // Американский ежегодник. 1997. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 177–189.

Dubbs C. American Journalists in the Great War: Rewriting the Rules of Reporting. Lincoln: University of Nebraska Press, 2017. 312 p.

Horgan J. “The Great War Correspondent”: Francis McCullagh, 1874–1956 // Irish Historical Studies. 2009. Vol. 36. N 144. P. 542–563.

Hughes M. Russian Studies and the Promotion of Anglo-Russian Friendship, 1907–14 // Slavonic and East European Review. 2000. Vol. 78. N 3. P. 510–535.

McLaughlin G. The War Correspondent. London: Pluto Press, 2002. 232 p.

Sweeney M.S. “Delays and Vexations”: Jack London and the Russo-Japanese War // Journalism & Mass Communication Quarterly. 1998. Vol. 75. N 3. P. 548–559.

Thompson J.L. Fleet Street Colossus: The Rise and Fall of Northcliffe, 1896–1922 // Parliamentary History. 2006. Vol. 25. Part 1. P. 115–138.

Watson A. “Unheard-of Brutality”: Russian Atrocities against Civilians in East Prussia, 1914–1915 // Journal of Modern History. 2014. Vol. 84. N 4. P. 780–825.

Поступила в редакцию
20 июня 2020 г.

Г.Ф. Матвеев, Е.Ю. Матвеева*

**ЛОКАРНСКИЙ ПОВОРОТ 1925 г.
ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ГАЗЕТНЫХ
КОММЕНТАТОРОВ И ПОЛИТИКОВ**

G.F. Matveev, E.Yu. Matveeva

**1925 LOCARNO TURN THROUGH THE EYES OF SOVIET
NEWSPAPER COMMENTATORS AND POLITICIANS**

Аннотация. Одной из важных международных тем, обсуждавшихся в 1925 г. на страницах советских официозов — газет «Правда» и «Известия» — был проект Рейнского гарантийного пакта и возможные последствия его реализации для СССР. Во вступлении Германии в Лигу наций Москва видела угрозу для своих достаточно доверительных отношений с Берлином, сложившихся после заключения Рапалльского договора в 1922 г., опасность усиления международной изоляции и укрепления лагеря враждебных СССР держав во главе с Великобританией. Германия оставалась в центре внимания советских комментаторов локарнского процесса вплоть до октября 1925 г. В это же время велись советско-германские переговоры о заключении торгового договора, облегчавшие контакты на официальном уровне. Но печать позволяла влиять на германское общественное мнение, к которому власти Веймарской республики не могли не прислушиваться. Кроме того, в газетах озвучивались возможные варианты советской политики в случае, если державы Антанты не дадут согласия не привлекать Германию к участию в активной или пассивной форме в возможной агрессии против третьей стороны (читай СССР), как это было предусмотрено Статутом Лиги наций. Один из таких вариантов — сближение СССР с Польшей и предоставление гарантий нерушимости всех ее границ, в том числе с Германией, — неоднократно был предметом изучения историков,

* *Матвеев Геннадий Филиппович*, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Matveev Gennady Filippovich, Doctor in History, Professor, Head, Department of the History of the Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7 (495) 939-76-50; gformatveev@yandex.ru

Матвеева Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, зав. сектором научно-библиографической информации по общественным наукам ИНИОН РАН

Matveeva Elena Yurievna, PhD Candidate in History, Leading Research Fellow, Head, Sector for Scientific and Bibliographic Information on Social Sciences, INION RAS

len.mat2009@yandex.ru

прежде всего советских и польских. В настоящее время их мнение достаточно единодушно: СССР не собирался гарантировать польские границы, а Польша не думала так далеко заходить в сближении с ним. Но в «Известиях» был озвучен и другой вариант, реализованный уже в 1930-е гг.: сближение с Францией на антианглийской (а тем самым и антигерманской) основе. Сопоставление газетных комментариев с выступлениями официальных лиц (в частности Г.В. Чичерина и И.В. Сталина) показывает, что по основным моментам восприятия локарнского процесса расхождений между ними не было. Советские официозы за 1925 г. можно считать хорошо информированными и точно излагавшими взгляды руководства СССР на поворот в международных отношениях, происходивший в Европе.

Ключевые слова: советская пресса, Рейнский гарантийный пакт, Лига наций, Рапалльский договор 1922 г., Антанта, Веймарская республика, Г.В. Чичерин.

Abstract. One of the important international topics discussed in 1925 on the pages of the Soviet establishment newspapers, the Pravda and the Izvestia, was the draft of the Rhineland Pact and the possible consequences of its implementation for the USSR. From the Soviet perspective the Germany's entry into the League of Nations posed a threat to the USSR's rather trusting relationship with Berlin, which had developed after the conclusion of the Rapallo Treaty in 1922, and Moscow saw the danger of increasing international isolation and the strengthening of the camp of the powers hostile to the USSR, led by Great Britain. Germany remained the focus of Soviet commentators on the Locarno trial until October 1925. At the same time, Soviet-German negotiations to conclude a trade agreement were under way, facilitating contacts at official level. However, the press made it possible to influence German public opinion, which the authorities of the Weimar Republic could not but listen to. In addition, the newspapers named possible options for Soviet policy if the Entente powers disagreed not to involve Germany in an active or passive participation in a possible aggression against a third party (viz. the USSR), as provided for by the Statute of the League of Nations. One of these options – the rapprochement of the USSR and Poland, and the provision of guarantees of the inviolability of all Polish frontiers, including with Germany, – has repeatedly been a research topic for historians, primarily Soviet and Polish ones. At present, their opinion is quite unanimous: the USSR was not going to guarantee the Polish borders, and Poland did not intend to go so far in rapprochement with the USSR. However, the Izvestia voiced another option, which was realized already in the 1930s: rapprochement with France on an anti-British (and thus anti-German) basis. Comparison of newspaper comments with the speeches of officials (in particular, G.V. Chicherin and I.V. Stalin) shows that there were no differences between them on the main points of perception of the Locarno process. The Soviet establishment newspapers in 1925 can be considered well-informed and accurately expounding the views of the USSR leadership on the turn in the international relations which was taking place in Europe.

Keywords: Soviet press, Rhineland Pact, League of Nations, Rapallo Treaty of 1922, Entente, Weimar Republic, G.V. Chicherin.

Соглашения вчерашних победителей — держав Антанты с поверженной Германией в Локарно в октябре 1925 г. оказали существенное влияние на развитие международных отношений в Европе в ближайшее десятилетие, вплоть до отказа от них Гитлера в 1936 г. То, что продолжать дальше политику Версаля в отношении Германии в том виде, как она была сформулирована в 1919 г., невозможно, стало очевидным после фактического провала франко-бельгийской попытки заставить Германию платить репарации путем оккупации Рурского региона (1923). Последовавшие за этим шаги — план Дауэса («план банкиров») и согласие Парижа и Брюсселя вывести свои войска из Рура взамен за гарантии их границ с Германией — создали условия для расширения участия Веймарской республики в европейской политической жизни. Такой поворот не мог быть незамеченным в СССР, для которого Германия после Рапалло была единственным, не считая Литвы, политическим партнером в Европе.

Реакция СССР на поворот Европы к Локарно как самостоятельная тема в современной российской историографии специально не рассматривалась, хотя ее неизбежно касаются авторы работ об отношениях Советского Союза с Францией, Англией, Германией и Польшей в 1925 г.¹ На сегодняшний день в научный оборот введен большой массив документов из фондов центральных государственных архивов РФ о действиях советского руководства в 1925 г., особенно на германском направлении.

Нам показалось интересным взглянуть на проблему на основании источника, который по своей природе имеет публичный характер, но при этом выполняет и свойственные дипломатии неявные функции. В XX в. дипломатия помимо традиционных инструментов (посольства, эмиссары, закрытая переписка) широко использовала средства массовой информации (СМИ). В 1925 г. это была главным

¹ См., например: *Артиюков О.В.* Советско-германские отношения в 1925–1933 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Бабенко О.В.* Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М., 2007; *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг. Незвестные документы. М., 1992; *Кантор Ю.З.* Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921–1939 гг.: Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. СПб., 2006; *Макаренко П.В.* Московский торговый договор 1925 г. и германская политика лавирования между Востоком и Западом // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. Воронеж, 2012. № 13 (132). Вып. 23; *Мезга Н.Н.* В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель, 2010; *Он же.* Польско-советские отношения 1921–1926 годов. Новый этап противостояния. Гомель, 2019; *Морозов С.В.* К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412; *Офицеров Д.В.* Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. 2003. История. Вып. 4, и др.

образом периодическая печать. Внешнеполитические ведомства видели в прессе и средство информирования зарубежных партнеров, и инструмент формирования в нужном направлении как собственного, так и мирового общественного мнения. За рубежом СССР в то время мог задействовать также коммунистические партии с их собственной прессой и парламентскими фракциями, занимавшиеся распространением «правды о Стране Советов».

Не был исключением в понимании роли прессы и Народный комиссариат по иностранным делам СССР (НКВД). Подтверждением этого служит свидетельство его многолетнего руководителя Г.В. Чичерина. В служебной записке на имя В.В. Куйбышева, которого нарком видел своим приемником в НКВД, он писал: «До 1928 года всё, что в “Известиях” и “Правде” имело какое-либо отношение к внешней политике, присылалось мне в гранках или читалось мне по телефону, я выбрасывал или изменял»².

Учитывая это признание Чичерина, интересно посмотреть, как комментаторы советских официозов «Известия» (орган ВЦИК СССР) и «Правда» (орган ЦК РКП(б)), а также публиковавшиеся в этих газетах политики комментировали процесс разработки гарантийного договора и его ожидаемые последствия. Нас интересовали редакционные статьи, как их называли в СССР, «передовицы», авторские аналитические материалы, а также выступления советских партийных и государственных руководителей на различных форумах. Передовицы всегда помещались на первой странице, слева, аналитические материалы чаще всего занимали подвал второй страницы, но в «Правде» иногда их помещали на первой странице.

В начале 1925 г. «Известия» и «Правда» привычно разоблачали английские планы создания единого антисоветского фронта в Европе, не вдаваясь при этом в углубленный анализ проблемы, а просто излагая содержание иностранной прессы и высказывания различных зарубежных политиков. Второй сквозной темой был Женевский протокол 1924 г., который для вступления в силу нуждался в ратификации Англией. В потоке более или менее полных пересказов выступлений зарубежных политиков (например, французского премьера Э. Эррио и германского канцлера Г. Лютера) и газетных статей по этой проблеме, было напечатано и несколько аналитических материалов, подготовленных признанным в СССР экспертом-международником Карлом Радеком (Каролом Собельсоном). Не останавливаясь на представлении этого хорошо известного деятеля, напомним, что в конце 1925 г. он из-за своей близости с Львом Троцким подвергся опале и был освобожден со всех занимаемых до этого постов.

² «Диктатура Языкочешущих над Работающими». Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. Документы русской истории. 1995. № 6. С. 106.

В «Известиях» К. Радеку была предоставлена возможность вести воскресную рубрику «Международное обозрение». Первый материал в таком формате, напечатанный 8 февраля, примерно наполовину был посвящен судьбе Женевского протокола. Разбирая выступление Э. Эррио во французском Национальном собрании 29 января 1925 г., Радек назвал сенсационной ту его часть, которая касалась Германии: будучи внешне направленной против Германии, речь Эррио «на деле заострена в сторону Англии», так как Лондон не хочет ратифицировать Женевский протокол и брать на себя обязательство оказывать Франции военную помощь в случае ее конфликта с Германией. Причинами Радек считал нежелание британских доминионов «спасать Англию на континенте Европы в то время, когда все силы могут понадобиться на Дальнем Востоке против Японии», а также требование Парижем английских гарантий не только для восточных границ Франции и Бельгии, но и для Польши. Поскольку Польша имеет границы и на западе, и на востоке, ни одно правительство Англии не может сейчас взять на себя обязательства и над Рейном, и над Одером, и над Березиной, заключать военный союз и против Германии, и против СССР: «Это означало бы завязнуть в европейских делах, а Англия, в первую очередь, держава азиатская. Это г. Эррио великолепно понимает, и поэтому смысл его речи таков: если вы, господа, не дадите мне этих гарантий, то я принужден взять Германию за горло на Рейне»³, — заключил свои рассуждения Радек.

Убеждение в том, что Англия не ратифицирует Женевский протокол, Радек развил и углубил в «Известиях» от 24 февраля. Подробно разобрав статьи во влиятельной британской прессе консервативного и либерального направлений, он констатировал, что «непринятие никаких обязательств имеет для Англии то преимущество, что она может решать вопрос независимо от конкретного характера международного положения... Английская империя будет пытаться принимать обязательства в европейских делах в минимальных размерах. Это факт, с которым придется считаться в Восточной Европе всем тем, кто рассчитывал на безусловную английскую поддержку»⁴.

3 марта Г.В. Чичерин в докладе о внешней политике на III сессии ВЦИК СССР в Тбилиси подробно охарактеризовал отношения с важными для СССР странами и регионами мира. Англию он назвал ведущей мировой державой, но слабеющей, о чем свидетельствует изменение ее отношений как метрополии с доминионами: «В настоящее время эти доминионы не терпят, чтобы политика делалась без них... и вот они мешают втягивать Британскую империю в те вопросы,

³ Радек К. Международный обзор // Известия. № 32. 08.02.1925.

⁴ Радек К. Международный обзор // Известия. № 45. 24.02.1925.

которые их не интересуют». Общность подходов Радека и Чичерина к оценке причин ослабления Англии как метрополии очевидна.

Характеризуя Францию, Чичерин отметил ее сильную финансовую зависимость от Англии, ангажированность в версальскую систему и непоследовательность, из-за чего в ее политике заметны зигзаги и колебания. Фактически, Чичерин считал Францию ограниченно самостоятельной во внешней политике, и эту свою позицию он не изменит до конца 1925 г.

Говоря о Германии, нарком отметил ее старания занять равноправное положение с державами Антанты. Но он не видел в этом опасности для СССР, поскольку «каковы бы ни были отношения Германии с западными державами, в конечном счете, германские политические деятели всегда будут считать необходимым обеспечить свой тыл с Востока. Можно быть уверенным, что какие бы колебания ни переживала германская политика..., в конечном счете Германия все-таки не порвет с нами, не ликвидирует ту политику дружественных отношений, которая установилась между нею и нами в течение нескольких последних лет». Свою уверенность он объяснял, в частности, близорукостью Антанты, особенно Франции, даже в ущерб собственным интересам не желающей пересмотреть Версальский договор и признать равноправие Германии⁵.

Доклад Г. Чичерина четко ранжировал Англию, Францию и Германию как главных адресатов советской внешней политики: Англия как держава по интересам более азиатская, чем европейская — главный противник, Франция — несамостоятельна и прямой угрозы не представляет, Германия — хотя и своеобразный, но союзник. О проекте гарантийного пакта в докладе нет даже намека.

Нет о нем упоминания и в обстоятельной статье К. Радека в «Правде» от 7 марта. Разобрав более подробно, чем в «Известиях», причины провала Женевского протокола, Радек весьма пессимистически оценил перспективы какого-то договорного обеспечения условий для мира в Европе, поскольку «все договоры имеют значение "rebus sic stantibus"... Вся заковыка состоит в том, что международные отношения находятся еще в состоянии настолько текучем, что не поддаются еще кристаллизации в систему всеобъемлющих договоров»⁶.

И подтверждение этой «текучести» международных отношений, пока еще в виде информации самого общего характера, находилось в том же номере «Правды». Это был пересказ сообщений западных газет о том, что Г. Штресман предложил Франции заключить гарантийный договор, но проект не совсем устраивает Францию из-

⁵ III сессия ВЦИК в Тифлисе. Международное положение СССР // Известия. № 54. 06.03.1925.

⁶ Радек К. Пиллюли от землетрясения // Правда. № 55. 07.03.1925.

за границ Польши, которым Германия не хотела бы обеспечивать гарантии, аналогичные своим западным границам⁷.

На следующий день информации стало больше, появилась тема парижских переговоров О. Чемберлена. Поскольку официально об их содержании не сообщалось, информацию черпали из анонимных источников. Тем не менее, круг спорных проблем был очерчен достаточно точно: необходимость введения военных статей, распространение гарантий на все границы Германии и ее безоговорочное вступление в Лигу наций⁸. Тут же сообщалось об обеспокоенности в Польше, вызванной германским проектом⁹.

Польской теме в тот же день была посвящена специальная статья К. Радека в «Правде». В ответ на некие сигналы о готовности польской стороны улучшить свои отношения с СССР, Радек предлагал не торопиться со встречными шагами, пока Польша, которая «обременена военным союзом с Румынией, обременена попытками создания военного союза с балтийскими государствами», не «передумает, что есть нежизненного в ее отношениях с СССР, что требует изменения»¹⁰.

Не обошли вниманием польскую проблематику и «Известия», напечатавшие 11 марта достаточно язвительную редакционную статью в связи с критическими высказываниями польского министра иностранных дел А. Скшиньского по поводу английской позиции по гарантийному пакту¹¹.

Середину марта 1925 г. можно считать поворотным моментом в становлении позиции официозов по гарантийному пакту. До этого никто из них не пытался, во-первых, серьезно анализировать хитросплетения интересов и противоречий европейских держав, актуализировавших проблему европейской безопасности, во-вторых, оценить, как проблема гарантийного пакта затрагивает СССР.

Восполнить этот пробел 15 марта попытался К. Радек в «Известиях». Исходным пунктом своего анализа он избрал фактический провал Женевского протокола по вине Великобритании, не желающей брать на себя всю полноту ответственности за поддержание мира на континенте. Вместо этого, по неявной инициативе Лондона, Берлин предложил свой план гарантийного договора, который должен не допустить заключения французо-английского военного договора.

Англия поддерживает этот план, потому что положение ее дел ухудшается, она должна центр своих стремлений перенести за пре-

⁷ Планы империалистов о «равновесии» // Правда. № 55. 07.03.1925.

⁸ Переговоры о гарантийном договоре // Известия. № 56. 08.03.1925.

⁹ Тревога в Польше // Там же.

¹⁰ Радек К. О границах Польши // Правда. № 56. 08.03.1925.

¹¹ Слово за г. Чемберленом // Известия. № 58. 11. 03.1925.

дела Европы. Поскольку Франция не имеет никаких гарантий своих границ, она боится восстановления Германии и мешают этому восстановлению разного рода авантюрами. Гарантийный пакт успокоил бы Францию и одновременно дал Германии передышку, позволил бы ей укрепиться. Тогда Англия имела бы в Европе государство, на которое могла бы опереться. Она теперь сознательно идет на притупление отношений с Францией в Европе, дабы связать Францию и освободить свои силы для Востока.

Германию этот план делает равноправным участником соглашения о гарантиях границы Франции. «Выдвигая Германию с этим проектом, Англия облегчает себе, во-первых, переговоры с Францией. На вопрос Франции, “как же мы можем покинуть Польшу?”, она может ответить: “вы не оставляете Польшу совсем, Германия обещает на нее не нападать”. А что Германия при этом сохраняет право путем арбитража добиваться изменения ее границ, это есть законное право Берлина. Ведь Версальский договор и так разрешает всякому своему члену добиваться при своем посредстве изменения международных договоров. Это есть совершенно невинная немецкая резервация прав. Внушая Германии эту инициативу, Англия выступает перед ней в качестве ее благодетеля. “Во-первых, — говорит Англия Германии, — мы, англичане, помогли вам, немцам, перейти из состояния объекта политики в состояние субъекта. Не против вас гарантируются границы Франции, а вы сами их гарантируете. Во-вторых, мы помогли вам публично заявить, что границы на Востоке должны подлежать в будущем пересмотру; вы получаете важную точку опоры против Польши, самой постановкой вопроса о польской границе вы уже выигрываете».

Что касается Польши, то у нее, полагал Радек, несмотря на активность А. Скиншинского, нет шансов торпедировать план Германии, но совершенно очевидно, что до того момента, когда Германия всерьез займется ревизией своей границы с Польшей, может пройти немало времени.

Радек предостерегал, что развитие вопроса о гарантиях границ европейских держав имеет серьезное значение и для СССР. «Всякое окаймление европейских границ, как бы преходяще оно ни было, может затронуть и СССР. Политика СССР не развивается в пустом пространстве... Все возможности, вытекающие из этого, требуют внимательного отношения к себе. Они еще окончательно не созрели, ибо нет еще определенных или определившихся отношений. СССР может эти вопросы продумать с большим спокойствием, чем какая-то любая другая держава. Мы имеем обеспеченный тыл по части сочувствующих нам. Вся наша восточная граница является границей или дружественных нам народов, или народов, не могущих в ближайший

период истории с нами воевать. Все попытки создания нам врага на юге обанкротились и, надеемся, обанкротятся»¹².

Логика рассуждений Радека была следующей: в Европе идет радикальная перемена в расстановке сил, которая пока что прямо не затрагивает Советский Союз, а посему не требует от него никаких поспешных действий. СССР имеет время для спокойного приспособления к этим новым условиям. Характерно, что в статье уже не звучала та твердая уверенность в надежности Германии как партнера Советского Союза, которая прозвучала из уст Чичерина в начале месяца.

Вполне ожидаемым можно считать обращение К. Радека в следующем «Международном обозрении» к анализу внешней политики Германии, главное содержание которой он несколько коряво определил как «новые поиски за новой ориентацией». По его мнению, зависимость от англо-американского капитала толкает Германию на сближение с Англией и США, поставившими задачу умиротворения Европы как условия восстановления капитализма. Из этой идеи родилось предложение Штреземана о договоре пяти держав, гарантирующем восточную границу Франции.

Но попытка Германии обойти молчанием вопрос о границах Польши не удалась. Из-за решительного сопротивления Польши Франция вряд ли согласится на германское предложение. Невелики шансы и того, что путем вхождения в Лигу наций и с помощью гарантийного пакта Германии удастся досрочно освободить рейнские области.

Вместе с тем, полагал Радек, проект договора показал, что националистические элементы в правительстве Германии не только не думают о сопротивлении державам-победительницам, но стремятся включиться во фронт этих держав для того чтобы совместно с ними открыть путем решительного нажима защищаемый государственной монополией на внешнюю торговлю советский рынок, без которого Германия не может встать на ноги. Таким образом, сдвиг на Запад имеет следствием по существу обернуться своим острием против Востока.

Поэтому СССР, «не меняя своей дружбы с германским народом, стремясь к усилению экономических отношений с ним, не беря на себя ответственности, которая не является абсолютной необходимостью, должен учитывать внутренний смысл теперешних происшествий в германской внешней политике и быть подготовленным на всякий случай... наша политика должна найти гарантии мира на наших границах и обеспечить себя на случай переходной стабилизации в Центральной Европе, которая может направиться против СССР... Внешняя политика каждого государства зависит не только от его внутренней классовой структуры, но и от направления политики других держав. Быть может, этот последний фактор, что касается

¹² Радек К. Международное обозрение // Известия. № 61. 15.03.1925.

Германии, приведет к международным последствиям, которые требуют с нашей стороны учета без всяких сантиментов»¹³.

После мартовского всплеска внимания советских официозов к гарантийному пакту наступил двухмесячный перерыв, когда о нем вспоминали редко и лишь в связи с московскими переговорами о советско-германском торговом договоре. Так, Г.В. Чичерин, выступая 13 мая с докладом на III Всесоюзном съезде Советов, посетовал на «текучесть и неясность» отношений с Францией и особенно с Германией, правительство которой «чрезвычайно ясно обнаруживает свое нежелание прекратить те дружественные отношения с нами, которые создались и развились за последние годы. Но с другой стороны, если будет проведена в жизнь та политика гарантийного договора с западными державами, которую, по инициативе Англии, предложило германское правительство, если произойдет вступление в Лигу наций, то, вопреки желанию германского правительства, силою вещей оно окажется в таком положении, которое вряд ли сделает возможным продолжение, по крайней мере в той же степени, как раньше, создавшихся между нами отношений»¹⁴. Фактически, Чичерин, хотя и в более мягкой форме, поскольку он был официальным лицом, повторил жесткое предостережение Германии, сделанное Радеком в конце марта.

Позиция СССР не осталась без ответа германской стороны. Г. Штреземан, выступая в рейхстаге, счел необходимым объяснить со своим восточным партнером. Об отношениях с СССР он сказал: «Вследствие центрального положения, занимаемого Германией в Европе, положение дел на Востоке непосредственно более затрагивает ее, чем англо-саксонские и романские страны. Как раньше, так и сейчас стратегический центр тяжести лежит безусловно в России, которая в германских отношениях с Востоком всегда должны играть роль решающего фактора... Я не сомневаюсь, что советское правительство уяснит себе необходимость нынешнего положения вещей, вытекающих из тех крупно-политических вопросов, которые Германии надлежит урегулировать с другими державами. При разрешении всех этих вопросов постоянной задачей германской политики будет стремление уравновесить свои интересы на Востоке и на Западе, причем это "уравновешение" интересов не требует и никогда не примет такой формы, которая могла бы сделать невозможным или хотя бы неблагоприятно отразиться на плодотворном развитии русско-германских отношений». Штреземан также заверил, что скоро будет подписан германо-советский торговый договор¹⁵.

¹³ Радек К. Международное обозрение // Известия. № 66. 22. 03.1925.

¹⁴ III Всесоюзный Съезд Советов. Речь наркома по иностранным делам. тов. Г.В. Чичерина // Известия. № 110. 16.05.1925.

¹⁵ Центр тяжести — в России. Штреземан об отношениях с СССР // Правда. № 113. 20.05.1925.

Выдержанная в дружественных тонах речь Штреземана не успокоила, однако, советскую сторону. Публичным ответом на нее стало «Международное обозрение» К. Радека, выдержанное, как и предыдущее, в жестких тонах. Радек начал с предостережения Германии, что хотя «доклад экспертов (так он предпочитал называть план Дауэса) в известном смысле улучшил положение Германии, вырывая репарационный вопрос из рук Франции и интернационализируя германский репарационный долг... Но английские и американские банки не ставили своей подписи на документах, касающихся... безопасности Франции. Поэтому американские банки представляют плохую защиту для Германии, если Франции захочется по этим вопросам дать бой Германии», и Германия не вправе себя чувствовать полностью защищенной от новых выпадов Франции.

Германии обязательно нужно сохранить хорошие отношения с Советским Союзом, о чем ее предупредил Г.В. Чичерин на Съезде Советов СССР. Беспочвенны ее надежды на то, что, подписав гарантийный договор и вступив в Лигу наций, она сможет сохранить прежний характер отношений с СССР, и даже сможет, как пишут некоторые немецкие газеты, в этом случае оказывать ему «приятельские услуги». Радек не сомневался, что немецкая дипломатия, вошедшая в Лигу наций, «была бы предметом нажима, а не нажимала бы сама на Антанту». Вошедшая в Лигу наций Германия чувствовала бы необходимость доказать, как она хороша и «цивилизована».

В подтверждение своих слов Радек с известной долей язвительности предлагал присмотреться к роли Германии при переговорах о гарантийном пакте: «Подумайте только! Германия спустя 7 лет после окончания войны предлагает еще раз признать грабительский Версальский мир и границы Франции, т.е. отторжение Эльзаса и Лотарингии... и вместо того, чтобы развернуть на основе этого акта, громкое политическое наступление, германская дипломатия ожидает, когда г. Бриан соизволит дать ей ответ. Кто после этого поверит в германскую волю к политическому нажиму на Антанту...? В вопросе о гарантийном договоре она оказалась игрушкой в руках антантовской дипломатии»¹⁶.

Итак, в течение марта–мая 1925 г. определился главный объект внимания и тревоги советских официозов в связи с проектом гарантийного пакта — Германия. Англия и Франция рассматривались лишь как державы, соперничающие друг с другом за лидерство на континенте. О Бельгии вообще вспоминали крайне редко.

Другим сюжетом, серьезно интересовавшим «Известия» и «Правду», было определение направления сдвигов, происходивших в расстановке сил на европейской внешнеполитической сцене в связи

¹⁶ Радек К. Международное обозрение // Известия № 117. 24. 05.1925.

с идеей гарантийного пакта. Этот сюжет появился уже в марте, когда стало известно о предложенном Штреземаном проекте гарантийного договора.

Вновь к нему вернулись в начале июня, незадолго до появления ответа Франции на германское предложение от 6 февраля. В статье некоего Юрьевского в «Известиях» было отмечено, что на Лондонской конференции 1924 г. удалось найти реальные пути урегулирования финансовых долгов времен войны. Иная картина — в политической области, где наблюдаются «признаки выравнивания новых фронтов». Такими признаками Юрьевский назвал программы германской и итальянской внешней политики, изложенные Штреземаном и Муссолини. По его мнению, «они показывают, что в Средней Европе за последнее время создались новые руководящие центры международной политики, переставшие ограничиваться лишь одними перепевами мотивов, раздающихся из Лондона и Парижа»¹⁷.

Тема меняющейся расстановки сил в Европе была продолжена «Известиями» спустя неделю. На этот раз в центре внимания были Франция и Англия. Главной мыслью статьи была потеря Францией места лидера на континенте. Лишившись из-за плана Дауэса возможности давления на Германию и упустив возможность взаимодействовать с СССР на Востоке против Англии, Франции осталось только опираться на Англию. Но английский правительство строит свою систему континентальной политики на сближении с Германией. «Этот план вбивается в центр Европы, причем Англия ставит себе целью, с одной стороны, таким путем изолировать СССР, а с другой, — изолировать Францию и порвать связи между нею и ее военными союзниками на Востоке Европы. Англия становится опять континентальной державой, а могущество Франции сводится на нет».

По утверждению «Известий», британский посол в Берлине лорд Э. д'Обернон внушил Германии идею предложить Франции план гарантийного договора, который резко повышал значение Англии в европейской политике. Политика Англии, заключающаяся в том, чтобы привлечь на свою сторону Германию и оторвать ее от СССР, решительно шла вразрез с прежней французской милитаристической политикой. Соглашение пяти держав при оставлении открытым вопроса о восточных границах Германии фактически уничтожает роль военных конвенций между Францией и ее союзниками на Востоке Европы¹⁸.

Итак, «Известия» четко определили советское видение новой расстановки сил в случае заключения гарантийного договора. Франция уступит свое место европейского лидера Великобритании, а та

¹⁷ Юрьевский. Европейский мир // Известия. № 126. 05.06.1925.

¹⁸ Со ступеньки на ступеньку // Известия. № 130. 11. 06.1925.

после этого будет опираться в своей европейской политике на Германию. Весьма важным в статье было упоминание о возможности советско-французского взаимодействия против Англии на Востоке, чтобы помешать ей достичь двух целей: стать гегемоном в Европе и оторвать Германию от СССР¹⁹.

Новый всплеск интереса к гарантийному договору был связан с французским ответом на февральскую ноту Г. Штреземана. «Известия» констатировали, что расчеты германских сторонников гарантийного договора на то, что взамен за подчинение Берлина «английским политическим видам» Лондон постарается ослабить французское давление на Германию и создать для нее более приемлемое положение в мировом концерте, не оправдались. Выяснилось, что в решительных случаях Англия будет всецело поддерживать Францию против Германии. Германия нужна Англии для балансирования на европейском континенте, а также как плацдарм для грядущих выступлений против Советского Союза.

В статье содержалось достаточно грозное предупреждение, что «ориентируясь на Запад, вступая в Лигу наций, подчиняясь видам британской дипломатии, Германия только рискует испортить свои отношения с Советским Союзом, но выиграть не может ничего. ... Мы неоднократно предупреждали Германию относительно возможных последствий ее вступления в Лигу наций и не скрывали от нее нашего отношения к этому рискованному шагу. Мы и сейчас остаемся на той же позиции. ... Разумеется, германское правительство может поступать так, как оно считает целесообразным. Но оно должно знать, что если оно сделает этот шаг, то Советскому Союзу придется позаботиться о защите своих интересов на ином пути, помимо укрепления и расширения политических и экономических связей с Германией»²⁰.

¹⁹ Эта идея еще не раз прозвучит со страниц «Известий» и «Правды», ею, скорее всего, был продиктован визит Г.В. Чичерина в Варшаву в конце сентября 1925 г., относительно мотивов которого у историков до сих пор нет единого мнения. Мы не согласны с тем, что этим визитом Чичерин якобы хотел напугать Германию угрозой советско-польского сближения. Вот что писали о целях визита «Известия» 1 октября 1925 г.: «... советское правительство ... отвечает на гарантийный договор не угрозами, не бражанием оружием, а усилением политики укрепления связи между СССР и остальными странами, а в первую очередь нашими соседями. Мы надеемся, что этой политикой удастся достигнуть цели не только по отношению к Польше, не только к ближайшим нашим соседям, но и ко всем державам, заинтересованным в том, чтобы зажили раны войны. И это наиболее верный путь к тому, чтобы заставить английский империализм отказаться от игры континентальными народами, направляя их один против другого во имя интереса английской империи. Англия сама не будет воевать в Европе. Если она не найдет послушных исполнителей своей воли, то она вообще не будет воевать». (Варшава и Москва // Известия. № 224. 01.10.1925). Несомненно, что такой державой, заинтересованной в заживлении ран войны и не соседствующей с СССР, была только Франция. Отношения с Италией были давно улажены, с Германией СССР связывал Рапальский договор, других держав из этой категории просто не оставалось.

²⁰ Поучительный урок // Известия. № 131. 12. 06.1925.

В принципе, в этой статье было только одно новшество по сравнению с предшествующими комментариями: Германии грозит превращение в плацдарм для грядущих выступлений против СССР. На это положение отныне и будет делаться один из акцентов при перечислении негативных последствий договора для Германии.

21 июня «Известия» в редакционной статье о разногласиях между союзными державами по поводу гарантийного пакта, задались вопросом: «... вся эта стратегия, все эти маневры и контрманевры, все эти явные и тайные переговоры и переторжки — направлены ли они или к миру или к новой войне? Ставят ли они целью укрепить стабилизацию Европы или, наоборот, готовят только условия новой мировой бойни, более ужасной, чем предыдущая?». И сами же ответили: «война неизбежна»²¹.

Свое понимание сути французского ответа представила и «Правда»: основное содержание англо-французских обменов мнением «заключается в том, что Германия делается вассалом и сателлитом Англии и что Англия при ее помощи припирает Францию к стене и лишает ... ее прежней роли обладателя военной гегемонии на материке... Германия становится опорой Англии для обоснования ее континентального могущества и для обуздания Франции». Следовательно, гарантийный договор является очередным этапом процесса развития антагонизмов капиталистического мира и предвестником будущих столкновений Англии с Францией.

Если «Известия» упирали на опасность отрыва Германии от СССР, то «Правда» представила эту же проблему иначе: «Эта комбинация направлена против СССР, в котором консервативное правительство Англии усматривает своего мирового врага, и против Франции, в которой оно усматривает наиболее близкую и непосредственную опасность». Такую формулировку вполне можно трактовать как приглашение Франции к сотрудничеству с СССР в борьбе с претензиями Англии на гегемонию на континенте²².

На фоне передовиц, писавшихся по горячим следам событий, более аналитичной выглядит серия из четырех статей в «Правде» авторства известного деятеля польского рабочего движения, сотрудника НКВД, публициста Павла Лапинского (Левинсона). По форме публикация вполне могла претендовать на публицистическую фундаментальность, но в содержательном отношении ее выделяли только два момента. Во-первых, открыто выраженное убеждение, что английская политика строится с учетом дальнейшего укрепления хозяйственного и международно-политического положения Германии и на всякий случай стремится направить ее возможную

²¹ К миру или к войне // Известия. № 139. 21.06.1925.

²² Перед новыми бурями // Правда. № 138. 20.06.1925.

экспансию в будущем против Польши и, может быть, против России. Но в ближайшее время Англия не желает войны Германии с Польшей, как и войны с СССР. Во-вторых, указание на то, что Франции в «борьбе с британской гегемонией приходится укреплять и расширять свои точки опоры на Востоке Европы, и, стало быть, в частности стремиться к улучшению польско-советских отношений». В связи с этим Лапинский отметил, что в Польше франкофильские национальные демократы «всё сознательнее отстаивают программу улучшения польско-советских отношений». То есть вновь, как и в предшествующих статьях, Франции намекали, что СССР не прочь с ней сотрудничать в деле противодействия гегемонистским устремлениям Англии²³.

О возможности советско-французского взаимодействия в будущем было прямо сказано в передовице «Правды» от 27 июня: «Английское МИД стремится разделить Германию и СССР, и привязать Германию к себе, в то же время доводя до конца политику ослабления Франции и ставя себе целью обессиление этого возможного в будущем союзника СССР». Это было весьма неожиданное для советского официоза заявление, если учесть, что еще совсем недавно Франция и Польша рассматривались в СССР как главные враги²⁴.

После июньского оживления интереса советских официозов к гарантийному пакту и условиям вступления Германии в Лигу наций наступил длившийся до начала октября период, когда эти темы затрагивались от случая к случаю. Так, в июле таким поводом стал ответ Берлина на гарантийную ноту Парижа. На этот раз советские официозы ограничились или простым изложением содержания ноты Г. Штреземана²⁵, или ее сравнением с позицией Франции без показа содержащихся в ней тайных или явных угроз для СССР²⁶. В этом же духе были выдержаны статьи в газетах и в августе. Разве что К. Радек не преминул попенять Берлину на беспочвенность его надежд на то, что Англия и Франция в случае вступления Германии в Лигу наций позволят ей и дальше «сидеть на двух стульях, сохраняя хорошие отношения с СССР и одновременно улучшая свои отношения с союзниками». В том, что Германия решила вступить в Лигу, советские официозы уже не сомневались²⁷.

В начале сентября в «Известиях» и «Правде» появились признаки смены отношения к Польше. Если в предшествующие месяцы

²³ Лапинский П. Гарантийный договор и международное положение // Правда. № 140. 23.06.1925; № 141. 24.06.1925; № 142. 25.06.1925; № 143. 26.06.1925.

²⁴ Плохо прикрытые щели // Правда. № 144. 27.06.1925.

²⁵ Ответ Германии на гарантийную ноту Франции // Правда. № 166. 23.07.1925.

²⁶ Торг продолжается // Известия. № 166. 23.07.1925.

²⁷ Слово за Германией // Известия. № 183. 13.08.1925; Радек К. Французская ответная нота Германии и англо-французские переговоры о долгах // Правда. № 196. 29.08.1925.

информация о западной соседке СССР сводилась к сообщениям о судебных процессах над коммунистами С. Ланьцуцким, Н. Ботвиным, В. Гибнером, В. Кневским, Г. Рутковским, убийстве А. Вечоркевича и В. Багиньского, экономическом кризисе и т.д., то теперь с удовлетворением было отмечено наметившееся в польском общественном мнении, особенно среди национальных демократов, желание развивать экономическое и даже политическое взаимодействие с СССР. При этом ссылались на статью известного публициста эндееции А. Новачиньского в «Газете Варшавской»²⁸.

Редакционная статья в «Известиях» «На верном пути» была даже не приглашением, а зазыванием Польши к сотрудничеству с СССР. В обоснование приводились географические, исторические и экономические аргументы, а также текущие интересы двух стран: «Сближение диктуется современными событиями. Англия пытается склонить Польшу к присоединению к ее антисоветским планам и не прочь удовлетворить германские территориальные аппетиты за счет Польши. Франция слабеет, она не в состоянии обеспечить прочных гарантий польской безопасности... Вступление Германии в Лигу наций может оставить открытым применение 19 статьи Статута Лиги наций о возможности пересмотра границ, статья 15 оставляет возможность развязывания военных действий в случае неудачи арбитража.

Для укрепления международных позиций Польше необходимо проводить мирную и дружественную политику по отношению к СССР. Тем более что и Франция отказывается от однозначно враждебной политики на советском направлении».

Эта статья еще раз подтверждает уже отмеченное ранее наблюдение, что как только в официозах говорили о возможности сближения СССР с Польшей, то обязательно упоминалась и Франция, а когда говорили о сближении с Францией, то неизменно называлась Польша.

Вряд ли эти дружелюбные апелляции к Польши были каким-то сигналом Германии. Москва имела прямые контакты с Берлином и арсенал весомых аргументов для его убеждения не отдаляться от СССР и поскорее подписать торговый договор. Видимо, советское давление на Берлин с этой целью было так сильно, что не названный по фамилии высокопоставленный немецкий дипломат 19 сентября на брифинге в МИД Германии заявил, что линии Рапалло ничего не грозит, и даже упрекнул СССР, что «он страдает манией преследования» по отношению к Лиге наций²⁹. Это дежурное мероприятие МИД

²⁸ За польско-советское сближение // Известия. № 205. 09.09.1925; На верном пути // Известия. № 206. 10.09.1925.

²⁹ Германия перед новой конференцией о гарантийном договоре. Беседа с германским дипломатом // Известия. № 216. 22.09.1925.

так взволновало «Известия», что спустя два дня в газете появилась редакционная статья на эту тему. Газета не разделила оптимизм дипломата, что линии Рапалло ничто не грозит, что гарантийный договор не касается СССР, что Германию не будет обязывать статья 16, что обе стороны сохранят жизненно важные для них экономические связи. Тон статьи был чрезвычайно резким. Завершалась она словами: «Рапалльская линия и ее продолжение могут быть доказаны не словами и фразами, а лишь фактами. Торговый договор, над которым обе делегации работают почти год, и должен явиться таким фактом.

На чаше весов советско-германских отношений этот факт будет весить значительно больше, нежели все декларативные заявления, имеющие целью успокоить СССР в неизменности внешнеполитической линии Германии»³⁰.

Это был явный сигнал Берлину, что Москва настаивает на незамедлительном подписании торгового договора как гарантии того, что Германия не займет однозначно проантантовскую позицию.

В конце сентября на первый план вышла тема советско-польских отношений, что было связано с кратковременным визитом в Варшаву Г.В. Чичерина по пути в Центральную Европу³¹. Протокол приема был соблюден с полным учетом ранга наркома³². Но информационное сопровождение визита советскими официозами, начиная с его подготовки, было весьма невыразительным. В основном звучали заверения в безусловной готовности СССР к сотрудничеству с Польшей в сфере экономики³³, но не более того³⁴. О политических целях визита прямо

³⁰ Германия и СССР // Известия. № 218. 24.09.1935.

³¹ Визит Г.В. Чичерина в Варшаву не раз анализировался историками. Из последних работ наиболее полно учитывают труды предшественников монографии О.В. Бабенко («Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.») и Н.Н. Мезги («Польско-советские отношения 1921–1926 годов... С.190–197»).

³² Заместитель советского полпреда в Варшаве Г.З. Беседовский охарактеризовал встречу так: «Встреча тов. Чичерина и отношения к нему официальных польских кругов за несколько дней пребывания его в Варшаве ничем не отличались от обстановки встречи министров иностранных дел дружественных и союзных государств». (Сдвиг в польско-советских отношениях // Правда. № 227. 04.10.1925).

³³ «Поменьше политической фантастики, побольше экономического реализма, — вот что сегодня диктуется Польше ее собственным общественным мнением и вот что мы, заинтересованные в мирном строительстве.., готовы всячески приветствовать». (Реальная политика сближения // Известия. № 223. 30.09.1925).

³⁴ Радек К. Международное обозрение // Известия. № 221. 27. 09. 1925; Реальная политика сближения // Известия. № 223. 30.09.1925; Польша ищет сближения с СССР // Там же; Тов. Чичерин в Польше Известия. № 224. 01.10.1925; Варшава и Москва // № 224. 01.10.1925; Тов. Чичерин о международном положении // Известия. № 227. 04.10. 1925; Отклики в Польше на поездку тов. Чичерина // Правда. № 228. 06.10.1925; Сдвиг в польско-советских отношениях // Правда. № 227. 04.10.1925.

ничего не писали, хотя польская сторона их не скрывала³⁵. Официозы открещивались и от интерпретации визита как средства советского давления на Германию, но не отрицали его антианглийских целей: «Прием, подготовленный т. Чичерину в Варшаве, не является какой-либо демонстрацией против Германии, а служит только тому же делу мира, для которого германское правительство приносит даже такую тяжелую жертву, как вторичный отказ от Эльзас-Лотарингии... Советско-польское сближение является проявлением политики мира, вносит мирную поправку к политике Англии, стремящейся к изоляции СССР...»³⁶.

А вот из политических целей посещения Берлина на рубеже сентября–октября сам нарком не делал секрета. На встречах с журналистами он говорил об антисоветской политике Англии и ее попытках оторвать Германию от СССР³⁷, не скрывал и несогласия СССР со вступлением Германии в Лигу наций. Чичерин в одном из интервью предупредил Германию, что она «попала бы в чрезвычайно опасную ловушку, если бы согласилась на вступление в Лигу наций на основании уверения, что ст. 16 будет пересмотрена в будущем»³⁸.

Тема вступления Германии в Лигу наций вновь приобрела остроту в октябре в связи с началом конференции пяти держав в Локарно. Именно тогда «Известия» использовали необычный для советской прессы того времени аргумент против участия Германии в конференции: Европа нуждается в восстановлении равновесия сил, «уничтоженного безусловной победой Антанты». Элементом этого равновесия могла бы стать сильная самостоятельная Германия, но, добровольно примкнув к фронту победителей в надежде добиться известного усиления, она становится «не элементом создания нового равновесия, а элементом, позволяющим только на время оттянуть момент краха версальского соотношения сил»³⁹. То есть, вступление в Лигу наций — это проигрыш Европы в целом, а не только ошибочный шаг Германии.

³⁵ Так, польский посол в Швеции А. Высоцкий прокомментировал визит следующим образом: «...установление дружественных отношений между СССР и Польшей, задача которых отразить враждебную политику Англии...». (Отклики в Польше на поездку тов. Чичерина // Правда. № 228. 06.10.1925).

³⁶ Варшава и Москва // № 224. 01.10.1925. См. также: Варшава – Москва – Берлин // Правда. № 227. 04.10.1925.

³⁷ Тов. Чичерин о международном положении. Беседа тов. Чичерина с германским журналистом // Известия. № 227. 04.10.1925; Беседы Чичерина с иностранными журналистами // Известия. № 228. 06.10.1925.

³⁸ Заявление т. Чичерина корреспонденту «Дейли Геральд» // Известия. № 227. 04.10.1925.

³⁹ Конференция в Локарно // Известия. № 228. 06.10.1925.

В условиях системного раскола континента, при ставке СССР на игру на противоречиях в противостоящем лагере, такой универсальный взгляд не мог удержаться в арсенале советской внешнеполитической аналитики. Это хорошо видно по последующим публикациям в официозах. Так, двумя днями позже «Правда» в статье о конференции в Локарно уже просто рассуждала о потере Германией внешнеполитической свободы при вступлении в Лигу наций (такой аргумент встречался и летом), а не об утрате континентом шанса обрести равновесие сил⁴⁰. Немного другими словами сожаление по поводу утраты Германией внешнеполитической самостоятельности в случае вступления в Лигу выразил К. Радек. При этом он задался неожиданным, ранее не встречавшимся в советской прессе вопросом: Германия, соглашаясь войти в Лигу наций, намерена всерьез отказаться от защиты своих прав с оружием в руках или же она делает это только для выигрыша времени?

Но главным в статье Радека была угроза Германии в случае принятия ею 16 и 17 статей Устава: «Тогда станет ясным, что Германия перешла на сторону руководящих капиталистических держав, что она примкнула к фронту держав-победительниц... Подобное решение германского правительства не означало бы, понятно, разрыва с СССР. Ведь враждебная СССР Англия тоже не разрывает с СССР. Но это означало бы, что СССР в своих расчетах должен считать Германию своим врагом и принимать все необходимые соответственные контрмеры». Если же Германия не примет 16 и 17 параграфы, проблемы в советско-германских отношениях всё равно сохранятся, но останется «возможность исправления сделанной ошибки, попыток постепенного исправления германо-советских отношений. Атмосфера полного недоверия и полной вражды этим еще не создается»⁴¹.

Преодолеть напряженность в советско-германских отношениях не смогло и подписание 12 октября 1925 г. в Москве двустороннего торгового договора. Хотя, по свидетельству «Известий», «германское правительство придало акту заключения новых экономических договоров намеренно демонстративный характер», это не скрыло от советской стороны того, что «если Рапалло был демонстрацией против Антанты, то Московский договор является демонстрацией для Москвы»⁴².

«Известия» напомнили Берлину, что тесное экономическое сотрудничество с Советским Союзом важно для самой Германии. Запад с момента Версаля неохотно допускает германские товары на свои рынки, и гарантийный договор ситуации не изменит. Хуже

⁴⁰ Локарно // Правда. № 230. 08.10.1925.

⁴¹ Радек К. Параграфы 16-й и 17-й // Правда. № 234. 13.10.1925.

⁴² В духе Рапалло // Известия. № 235. 14.10.1925.

того, «неприкрытая враждебная СССР тенденция гарантийного пакта в той части, которая втягивает Германию в орбиту английской политики, неизбежно потрясет основы народно-хозяйственной деятельности Германии на Востоке». И далее вновь следовало достаточно жесткое предостережение Германии: «...договор между СССР и Германией не может быть рассматриваем, как противовес гарантийному пакту, с одной стороны, и вступлению Германии в Лигу наций, — с другой...

Английская политика втягивания Германии в орбиту своих целей вряд ли будет способствовать усилению той политической базы, при отсутствии которой подписанный вчера договор не может развить всех заложенных в нем народно-хозяйственных возможностей»⁴³. Подобные предостережения были высказаны «Известиями» и на следующий день⁴⁴.

Сразу же после завершения конференции в Локарно и еще до публикации ее решений советские официозы выступили со своими комментариями. Позиция «Известий» была однозначной: Англия провела в жизнь свою точку зрения по всем вопросам, в том числе привязала Германию к себе и создала напряженные отношения между ней и СССР⁴⁵. Спустя три дня «Известия» дополнили свою оценку констатацией: «Локарно показало, что возникает новая группировка международных сил»⁴⁶.

Негативно оценила соглашения в целом и их последствия для советско-германских отношений и «Правда»: «Локарно означает добровольную капитуляцию Германии перед Англией... Локарно означает не формальное уничтожение Рапалло, но путь, на котором вряд ли возможно будет продолжить политику Рапалло...

С точки зрения мировой политики Локарно означает в первую очередь подчинение Германии Англии не только по отношению к СССР, но и по отношению к Ближнему и Дальнему Востоку и по отношению к Франции. Англия будет регулятором франко-германских отношений, ... она будет зорко следить, чтобы не допустить франко-германского сближения, которое могло бы стать началом континентального блока против Англии. В этом смысле Локарно

⁴³ Договор между СССР и Германией // Известия. № 234. 13.10.1925.

⁴⁴ В духе Рапалло // Известия. № 235. 14.10.1925.

⁴⁵ Английская победа // Известия. № 239. 18.10.1925.

⁴⁶ Локарнские договоры // Известия. № 241. 21.10.1925. Как известно, в СССР придавали исключительно важное значение четкости и определенности формулировок. Скорее всего, на тот момент единой точки зрения относительно стадии процесса изменения расстановки сил на международной арене не было. Так, 22 октября К. Радек написал, что «гарантийный пакт — это сдвиг в сторону нового соотношения сил, в котором руководящую роль играют США и Англия». (Радек К. Гарантийный пакт. От Версаля до Локарно // Известия. № 242. 22.10.1925).

означает начало полной ликвидации французской гегемонии в буржуазной Европе. С какой стороны не подойти к оценке Локарно, оно является крупной победой Англии, прикрытой знаменем пацифизма, но богатой семенами будущих конфликтов»⁴⁷.

Завершилось это третье по счету обращение советских официозов к различным аспектам локарнского процесса передовицей в «Правде» 24 октября. Не вдаваясь в детали и аргументы, газета констатировала: «...острие Локарнского договора направлено против СССР... Отцом гарантийного договора является Англия, выступающая самым враждебным образом против СССР. Главная забота Англии состоит в том, чтобы не допустить германо-советского сближения. Достаточно знать это, чтобы понять, что, выступая в роли защитника германских границ, Англия не может не проводить враждебной СССР политики, не может не пытаться подчинить своему влиянию Германию, не может не потребовать противосоветского поворота в германской политике взамен своего покровительства... Германия была слабой в качестве друга, но она не сделалась бы сильной только от того, что, следуя английскому примеру, стала бы скалить зубы на СССР. За враждебную политику против СССР она расплачивалась бы иначе, чем Англия, и не только на территории СССР, но и на всем Востоке, без рынков которого не может быть и речи о восстановлении германской промышленности»⁴⁸. Важно, что в этой оценке нет прямых упреков в адрес Германии, хотя еще совсем недавно советские официозы ее не очень щадили. А это могло означать только одно: СССР принял произошедшее в Локарно переформатирование европейской политической сцены как реальность и приступил к развитию отношений с Германией в новых условиях.

В ноябре — начале декабря 1925 г. «Известия» и «Правда» еще несколько раз посвящали Локарно свои передовицы, в том числе и в связи с окончательным подписанием пакета локарнских соглашений в Лондоне 1 декабря⁴⁹. Но каких-то новых аргументов против Локарно больше не появилось, да и градус эмоций по сравнению с концом июня и началом октября существенно понизился.

Официальная советская оценка Локарно была публично сформулирована в политическом отчете ЦК РКП(б) XIV съезду партии

⁴⁷ От Рапалло до Локарно // Правда. № 239. 18.10.1925.

⁴⁸ Попытки ненужного утешения // Правда. № 244. 24.10.1925.

⁴⁹ Локарно и дело мира // Известия № 256. 11.11.1925; Локарно и СССР // Известия. № 262. 17.11.1925; Интервью, данное замнаркоминдел тов. Литвиновым представителям иностранной прессы 23 ноября // Известия. № 268. 24.11.1925; Гарантийный договор подписан // Правда. № 275. 02.12.1925; После Локарно // Известия. № 276. 03.12.1925.

18 декабря. Докладчик И.В. Сталин не отошел от оценок официозов, подтвердив тем самым косвенно, что газетные комментарии локарнского процесса не были личными мнениями их авторов. Он подчеркнул, что Локарно «является лишь продолжением Версаля, и оно может иметь своей целью лишь сохранение “статус-кво”... в силу которого Германия есть побежденная страна, а Антанта — победительница. Конференцией в Локарно этот порядок закрепляется юридически».

Сталин выразил твердую уверенность, что «растущая и идущая вперед» Германия никогда не смирится со своим угнетенным положением, что Версальский договор и Локарно «разделят судьбу старого франко-прусского договора, отторгнувшего... Эльзас-Лотарингию от Франции». Он несколько раз связывал Локарно с вероятностью войны в Европе: «если план Дауэса чреват революцией в Германии, то Локарно чревато новой войной в Европе», «мы думаем, что Локарно есть план расстановки сил для новой войны, а не для мира».

Единственным неожиданным моментом в интерпретации Сталиным Локарно было то, что перечень возникших после войны европейских «узлов противоречий» он ограничил исключительно Польшей, назвав «потерю Германией Силезии, Данцигского коридора и Данцига, потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной ее части, потерю Литвой Вильны и пр.». Из этого можно сделать несколько выводов. Во-первых, СССР не намеревался продолжать заигрывать с Польшей, по крайней мере, в ближайшей перспективе, поэтому Польша была представлена как страна, поживившаяся в ходе «кромсания» Европы. Во-вторых, в числе жертв этого «кромсания» кроме советских Украины и Белоруссии были названы также Литва, но, прежде всего, Германия. Не случайно же Сталин скептически высказался по поводу планов английских консерваторов относительно использования Германии в будущем: «Английские консерваторы думают и “статус-кво” сохранить против Германии и использовать Германию против Советского Союза. Не слишком ли многого они захотели?». Более глубокой проработки эти сюжеты в докладе ЦК РКП(б) не получили.

Таким образом, советские официозы «Известия» и «Правда» достаточно адекватно отразили эволюцию советской внешней политики в отношении локарнского процесса. Начав с жесткой критики идеи гарантийного договора и вступления Германии в Лигу наций из-за опасения потерять союзницу, они в конце года отказались от резкой критики в ее адрес, поскольку Москва взяла курс на скорейшее заключение нового политического договора с Берлином. Что касается Локарнских соглашений, то отношение к ним как к инструменту английского доминирования в Европе осталось негативным.

Список литературы

Артюков О.В. Советско-германские отношения в 1925–1933 гг. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИРИ РАН, 2001. 37 с.

Ахтамзян А.А. Военное сотрудничество СССР и Германии в 1920–1933 гг. По новым документам // Новая и новейшая история. 1990. № 5. С. 3–24.

Бабенко О.В. Польско-советские отношения в 1924–1928 гг.: от противостояния к сотрудничеству. М.: ИНИОН РАН, МГУ, 2007. 224 с.

Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С. Фашистский меч ковался в СССР. Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество 1922–1933 гг. Незвестные документы. М.: Советская Россия, 1992. 183 с.

Кантор Ю.З. Военно-политические отношения Советской России и Германии 1921–1939 гг. Автореферат дисс. ... доктора ист. наук. СПб.: ИРИ РАН, 2006. 21 с.

Макаренко П.В. Московский торговый договор 1925 г. и германская политика лавирования между Востоком и Западом // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 141–145.

Мезга Н.Н. В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов. Гомель: ГДУ имени Ф. Скорины, 2010. 196 с.

Мезга Н.Н. Польско-советские отношения 1921–1926 годов. Новый этап противостояния. Гомель: ГДУ имени Ф. Скорины, 2019. 229 с.

Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 84–88.

Офицеров Д.В. Локарнская асимметрия европейской безопасности и положение Польши // Вестник Пермского университета. 2003. История. Вып. 4. С. 33–39.

Поступила в редакцию
18 декабря 2019 г.

Е.А. Суслопарова*

МОЛОДЕЖНОЕ ЛЕЙБОРИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

E.A. Susloparova

LABOUR YOUTH MOVEMENT IN GREAT BRITAIN BETWEEN THE WORLD WARS

Аннотация. Статья посвящена формированию и развитию молодежного лейбористского движения в рамках лейбористской партии Великобритании. После осуществления избирательных реформ 1918 г. и 1928 г., предоставивших всеобщее избирательное право молодым британцам, как мужчинам, так и женщинам, борьба за эту категорию электората обрела особую актуальность. Автор останавливается на основных событиях, связанных с зарождением молодежного лейбористского движения в первой половине 1920-х гг., рассматривает дискуссию, развернувшуюся на ежегодной партийной конференции 1924 г., и связанную с одобрением специальной схемы создания молодежных лейбористских секций. С самого начала наибольшие сомнения активистов были связаны с тем, что штаб-квартира партии пыталась в основном сконцентрировать деятельность молодых людей на спортивных, развлекательных мероприятиях и по возможности не допускать их до непосредственного участия в обсуждении политики партии. В статье рассматривается положительная динамика роста молодежных секций в 1920-е гг., начало проведения ежегодных конференций Лиги молодежи лейбористской партии. В то же время автор отмечает, что на рубеже 1920–1930-х гг. наметилось некоторое замедление роста секций. В 1933 г. партия принимает важное решение о налаживании более масштабной административной и пропагандистской работы в сфере молодежного строительства. Мероприятия оказались успешными. Это проявилось как в количественном росте секций, так и в том, что в 1930-е гг. партия начала практиковать новые формы работы с юным электоратом, такие как организация специальных школ для пропагандистов, «дней молодежи» и «молодежных недель». Обратной стороной активизации молодежных секций

* *Суслопарова Елена Алексеевна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Susloparova Elena Alekseevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-32-88; susloparovaelena@rambler.ru

стали их заметная эволюция влево и попытки наладить сотрудничество с компартией в рамках борьбы за создание Единого антифашистского фронта в конце 1930-х гг. Это привело к тому, что лейбористская партия была вынуждена наложить запрет на созыв ежегодной молодежной конференции в 1937 г. и в 1939 г., а также временно распустить руководящие органы молодежного движения.

Ключевые слова: партийно-политическая система Великобритании, лейбористская партия, рабочее движение Великобритании, молодежное движение, антифашистское движение в межвоенной Европе, Лига молодежи лейбористской партии

Abstract. The article covers the formation and development of the labour youth movement within the framework of the British Labour Party. After the electoral reforms of 1918 and 1928, when young Britons, both men and women, were given the right to vote, the struggle for this category of the electorate gained particular relevance. The author of the article examines the key milestones associated with the birth of the labour youth movement in the first half of the 1920s, as well as the discussion that unfolded at the annual party conference in 1924 regarding the approval of a special scheme for the creation of labour youth sections. From the very beginning, the activists' greatest doubts were caused by the fact that the party leaders tried to focus the activities of young people on sports and entertainment, and, if possible, prevent them from directly participating in the discussion of the party policy. The article analyzes the positive dynamics of the growth of youth sections in the 1920s, and discusses the launch of the annual conferences of the Labour League of Youth. At the same time, the author notes that at the turn of the 1920s — 1930s there was a slight slowdown in the growth of the sections. In 1933, the party made an important decision to organize a larger-scale administrative and propaganda work in the area of building youth support. The efforts proved to be successful. This was manifested both in the quantitative growth of the sections, and in the fact that in the 1930s the party began to practice new forms of work with young electorate, such as organizing special schools for propagandists, “youth days” and “youth weeks”. The downside of the activation of youth sections was their noticeable leftward drift and the attempts to establish cooperation with the Communist Party in the framework of the struggle for the creation of the United Anti-Fascist Front in the late 1930s. As a result, the Labour Party had to impose a ban on the convening of the annual youth conference in 1937 and 1939, as well as to temporarily dissolve the governing bodies of the youth movement.

Keywords: party system in the UK, Labour Party, labour movement in the UK, youth movement, Anti-Fascist movement in Europe between the Wars, Labour League of Youth.

* * *

Молодежное движение играет чрезвычайно важную роль в функционировании современной партийной системы в различных странах. Наличие в рядах той или иной политической структуры полных энтузиазма молодых активистов придает ей динамичность,

дополнительную энергетику, а также позволяет надеяться на долговечность ее истории, некую перспективу, связанную с постепенным вовлечением молодых людей во «взрослую» политику.

Британские партии, имея глубокие корни, традиционно уделяли внимание молодежному движению, воспитывали юных активистов и тем самым обеспечивали своевременную смену поколений. Еще в XIX в. Великобритания явила миру классический образец двухпартийной системы, когда у власти поочередно сменяли друг друга консерваторы и либералы. Основные этапы их «партстроительства» также пришлось на позапрошое столетие.

Лейбористская партия, возникнув в 1900 г. и до 1906 г. имея название Комитет рабочего представительства, фактически была вынуждена отчаянно «догонять» соперников в деле выстраивания партийной машины в первой трети XX в. Лишь с 1918 г. по новому Уставу в партии было введено, наряду с коллективным членством (по которому в нее входили профсоюзы и некоторые социалистические организации), индивидуальное. Оно позволило быстро создать разветвленную сеть местных организаций в избирательных округах с целью борьбы за электорат. В результате в 1924 г. лейбористы впервые сформировали собственное правительство, навсегда вытеснив либералов из двухпартийной политической системы. Однако, несмотря на то что в то время страна уже была в значительной мере покрыта сетью лейбористских организаций, до 1924 г. официального молодежного движения в рамках лейбористской партии не существовало.

Избирательная реформа 1918 г., предоставившая право голоса всему мужскому населению с 21 года, а также женщинам с 30 лет, превратила вопрос борьбы за голоса молодых людей в проблему первостепенной важности. В 1928 г. эта реформа была доведена до своего логического конца, распространив избирательное право на женщин с 21 года наравне с мужчинами.

В британской историографии имеется немало работ, посвященных ранней лейбористской истории. Среди специалистов, затрагивавших сюжеты 1920-х — 1930-х гг., можно выделить таких авторов, как Дж. Коул, Ф. Уильямс, Р. Маккибин, Б. Пимлотт, Э. Торп, Д. Ховелл, М. Уорли¹. Однако проблема молодежного строительства в указанный период не являлась объектом их пристального изучения. В 2007 г. была подготовлена очень широкая по своему хронологическому

¹ *Cole G.D.H.* A History of the Labour Party from 1914. New York, 1969; *Williams F.* Fifty Years' March. The Rise of the Labour Party. London, 1949; *McKibbin R.* The Evolution of the Labour Party 1910–1924. Oxford, 1983; *Pimlott B.* Labour and the Left in the 1930s. London, 1986; *Thorpe A.* A History of the British Labour Party. Basingstoke, 2001; *Howell D.* Macdonald's Party. Labour Identities and Crisis, 1922–1931. Oxford, 2002; *Worley M.* Labour inside the Gate. A History of the British Labour Party between the Wars. London; New York, 2008.

охвату докторская диссертация М. Вебба, основанная на многочисленных интервью автора с участниками событий и посвященная проблемам молодежных лейбористских организаций на протяжении практически всего XX столетия, в которой автор в частности уделяет внимание и ранней истории².

Что касается отечественной научной литературы, то эти сюжеты пока что не удостаивались в ней какого-либо изучения. В данной статье предполагается впервые рассмотреть процесс создания молодежной лейбористской организации в период между двумя мировыми войнами. Внимание будет сосредоточено на особенностях этого явления, сложностях, с которыми довелось столкнуться активистам, на партийных спорах и дискуссиях, а также уроках, которые лейбористы извлекли для себя на будущие десятилетия в плане развития юношеского движения. Наличие в распоряжении историка материалов многочисленных партийных конференций, подробных отчетов лейбористского исполкома, прессы позволяет исследовать этот весьма актуальный и во многом поучительный для современной политической жизни вопрос.

Истоки молодежного лейбористского движения восходят к началу 1920-х гг. Однако первая Молодежная лейбористская лига не была частью партийной «машины», и результаты ее деятельности оставляли желать лучшего. В 1923 г. партия образовала специальный подкомитет для решения данной проблемы³. Итогом стала разработка схемы создания молодежного лейбористского движения, которая была представлена на ежегодной партийной конференции осенью 1924 г.

В целом лейбористы решили взять за основу модель, опробованную до этого на примере женского движения. В 1918 г. Женская лейбористская лига, существовавшая до этого как независимая структура, была поглощена партийной «машиной», став ее неотъемлемым компонентом. Такая же судьба теперь ожидала Молодежную лейбористскую лигу, пока что не оправдывавшую своего предназначения.

Согласно схеме, подготовленной подкомитетом, было предусмотрено создание юношеских партийных секций, привязанных к местным «взрослым» лейбористским отделениям по всей стране. Более того, в комитет, возглавлявший каждую юношескую секцию, для «надзора» должны были в обязательном порядке входить два

² *Webb M.* The Rise and Fall of the Labour League of Youth. A thesis submitted to the University of Huddersfield in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Huddersfield, 2007. — URL: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/761/1/michellewebbfinalthesis.pdf>

³ Labour Magazine. 1929. Vol. VII. N 10. P. 442; Report of the 23rd Annual Conference of the Labour Party. London, 1923. P. 65.

«взрослых» лейбориста — секретарь местного отделения партии и член женской организации. В обмен на это два делегата молодежной секции старше 16 лет имели возможность представлять интересы своих сверстников в местном отделении партии. Однако они не имели права голоса, оно было предоставлено им только в 1931 г. с 18 лет. Всего же членами лейбористских молодежных секций могли быть юноши и девушки с 14 до 21 года. Взнос составлял символическую сумму — 6 пенсов в год⁴.

Местные секции обязаны были проводить спортивные, музыкальные мероприятия, заниматься всевозможной просветительской работой, а также предвыборной агитацией. В дальнейшем молодые люди должны были влиться в ряды местной «взрослой» лейбористской организации и обрести соответствующее право голоса.

На ежегодной партийной конференции, проходившей в октябре 1924 г., в период нахождения у власти первого лейбористского кабинета Р. Макдональда, схема была подвергнута тщательному обсуждению и даже критике. Во-первых, некоторые активисты полагали, что молодых членов фактически насильственно попытались отстранить от политики, сконцентрировав их деятельность на организации досуга, спортивных соревнований и т.п. Во-вторых, определенное недовольство вызвало то, что верхний возрастной рубеж членства был ограничен 21 годом. В-третьих, некоторые делегаты конференции уже тогда высказались за то, что секциям необходима бóльшая автономия⁵.

Тем не менее, схема была официально одобрена в 1924 г. Вспоминая эти события на страницах прессы, А. Пикок, активист молодежного движения, стоявший у его истоков, философски отмечал впоследствии, что «половина каравая была лучше, чем ничего»⁶. В целом в лейбористской политике в отношении молодежного движения с самого начала можно было выделить несколько характерных черт, среди них — явное желание избежать излишней политизированности юношеских секций, а также стремление держать новую структуру под контролем.

Далее начался рутинный процесс превращения уже существовавших в избирательных округах секций лиги в новые молодежные секции лейбористской партии. К осени 1925 г. их было уже около 150, к осени 1926 г. — свыше 200⁷.

⁴ Report of the 24-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1924. P. 23–24; Report of the 36-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1936. P. 72.

⁵ Report of the 24-th Annual Conference of the Labour Party. P. 117–118.

⁶ Labour Magazine. 1929. Vol. VII. N 10. P. 443.

⁷ Report of the 25-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1925. P. 35; Report of the 26-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1926. P. 10.

Однако высказанное еще в 1924 г. пожелание поднять возрастной рубеж пребывания в молодежной структуре выше 21 года не давало покоя активистам. В партийной печати, например в издании «Лейбор вумен», утверждалось, что во многих секциях именно молодые энтузиасты от 21 до 25 лет являются опорой движения. В итоге в 1926 г. исполком партии пошел на уступку и принял решение поднять возрастной рубеж до 25 лет, при условии одновременного вступления этих молодых людей непосредственно во взрослую организацию⁸.

Тем не менее, со временем даже эта уступка перестала удовлетворять быстро выходявших из «юного» возраста активистов. В результате в 1933 г. был поставлен вопрос о том, чтобы еще выше поднять верхнюю возрастную планку — до 30 лет. Проблема состояла в том, что самым ценным пропагандистам молодежного движения к тому времени перевалило за 25. Эта инициатива была отвергнута. Ее противники не отказали себе в удовольствии поиздеваться на ежегодной партийной конференции 1933 г. над «утратившими ощущение юности» деятелями «среднего возраста»⁹.

Наряду с этим молодые лейбористы с самого начала без особого энтузиазма отнеслись к названию «юношеская секция» и настаивали на его изменении, что также находило отражение на страницах печати¹⁰. В результате в 1926 г. юношеские секции сменили название на Лигу молодежи лейбористской партии.

По образцу ежегодных конференций представительниц женского движения молодежные активисты также желали созыва подобного централизованного мероприятия. Однако в силу финансовых сложностей середины 1920-х гг. (связанных с поражением всеобщей стачки 1926 г. и принятием антипрофсоюзного законодательства 1927 г., ударившего по финансовым позициям партии) первая ежегодная национальная конференция Лиги молодежи состоялась лишь в январе 1929 г. Она прошла в Лондоне под председательством одного из ведущих молодых активистов тех лет М. Хэкетта. От «взрослых» на конференции присутствовали известные лейбористы — авторитетный представитель лондонской партийной организации Г. Моррисон, бывший главный редактор «Дейли геральд», опытный пропагандист Дж. Лэнсбери, а также руководитель женского движения М. Филлипс¹¹.

⁸ Labour Woman. 1926. Vol. XIV. N 7. P. 111; Report of the 26-th Annual Conference of the Labour Party. P. 10.

⁹ Report of the 33-rd Annual Conference of the Labour Party. London, 1933. P. 216–217.

¹⁰ Labour Magazine. 1929. Vol. VII. N 10. P. 443; Labour Woman. 1926. Vol. XIV. N 7. P. 111.

¹¹ Daily Herald. 1929.14.I.

В том же году был создан специальный национальный консультативный комитет для связи молодежного направления с лейбористским исполкомом и координации действий. Его секретарем стал Р.Т. Уиндл, представлявший штаб-квартиру и являвшийся одновременно помощником национального агента лейбористской партии.

В январе 1930 г. в столице Великобритании состоялась вторая ежегодная конференция Лиги молодежи, также с участием «взрослых» партийных активистов, в начале 1931 г. прошла третья, на этот раз в Бирмингеме¹². Количество делегатов первых конференций варьировалось в пределах 130–160 человек. Эти мероприятия продолжались всего один день, и в прессе высказывалось мнение, что для полноценного общения и обмена мнениями между молодыми людьми времени катастрофически не хватает¹³.

Последующие конференции проходили чаще всего в Лондоне, а также в ряде других крупных городов. Как правило, они занимали уже два дня и собирали примерно 200–260 делегатов. В 1935 г. было принято решение перенести дальнейшие, ставшие уже традиционными ежегодные мероприятия с января на Пасху, поскольку в праздничные дни можно было собрать больше участников.

По мере роста молодежного движения его сходство с женским лейбористским «партстроительством» становилось все более заметным. Так, например, в тех районах, где женские организации были наиболее массовыми, партия традиционно практиковала образование специальных федераций и региональных женских консультативных советов. В 1930 г. в отчете лейбористского исполкома впервые была представлена информация о появлении подобных молодежных федераций и консультативных комитетов в Лондоне, Бирмингеме, Лидсе, Манчестере и некоторых других городах¹⁴.

Следуя курсу партийной штаб-квартиры, не поощрявшей излишней политизированности молодежного движения, активисты секций по-прежнему занимались хоровым пением, организовывали самодеятельные оркестры, танцевальные, а также спортивные мероприятия, в том числе занятия теннисом, велосипедным спортом, футболом. Молодые лейбористки коллективно обучались вязанию, шитью, домоводству¹⁵.

В то же время лейбористская партия постепенно осознала, что ее молодежь, будущие пропагандисты, должны обладать не только

¹² Report of the 30-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1930. P. 28; Report of the 31-st Annual Conference of the Labour Party. London, 1931. P. 13.

¹³ Labour Magazine. 1930. V. VIII. N 10. P. 448.

¹⁴ Report of the 30-th Annual Conference of the Labour Party. P. 28.

¹⁵ Labour Magazine. 1930. V. VIII. N 10. P. 447.

навыками домоводства и спортивными достижениями, но и уметь подать себя аудитории, вести дискуссию, подобно юным консерваторам или либералам, оттачивавшим свое мастерство в дискуссионных клубах. В начале 1930-х гг. лейбористы начали уделять внимание этой проблеме и создали специальные молодежные «дискуссионные команды», которые должны были помочь юным лейбористам на местах освоить искусство полемики¹⁶.

Со временем молодежное лейбористское движение обзавелось печатными органами. С 1930 г. началось издание Бюллетеня Лиги молодежи, в 1932 г. был налажен выпуск издания «Нью кларион», на страницах которого также уделялось внимание молодежному движению. С 1933 г. последнее фактически заменило Бюллетень. С 1933 г. был дан старт периодическому изданию для молодежи «Нью нейшн»¹⁷.

В целом первая волна молодежного движения, инициированная с 1924 г., держалась во многом на энтузиазме «первопроходцев». Однако постепенно все более отчетливо начали давать о себе знать проблемы и признаки недовольства в рядах юных активистов. Формально молодые люди, достигшие 16 лет, имели право быть членами партийной организации для «взрослых», принимать участие в ее мероприятиях и даже быть избранными на партийные должности. Тем не менее, активист движения А. Пикок отмечал в 1930 г., что эти права молодежи довольно часто игнорировались, избрание ее представителей на какой-либо пост во «взрослой» структуре было большой редкостью. Он был с этим категорически не согласен, заявляя, что юные лейбористы должны стать неотъемлемым компонентом партийной «машины» и принимать самое деятельное участие в ее функционировании¹⁸.

На этом фоне после первоначального скачка 1925–1926 гг. заметной положительной динамики в плане роста количества секций Лиги молодежи в конце 1920-х — начале 1930-х гг. также не наблюдалось. К тому же некоторые молодежные секции просто «числились на бумаге», но реально не функционировали.

Размышляя на тему «застоя» в рядах молодежной лейбористской структуры, А. Пикок отмечал в 1932 г. в одной из своих публикаций, что лейбористы в эти годы фактически позволили Лиге «расти самой», не оказывая ей должной организационной и финансовой под-

¹⁶ Report of the 31-st Annual Conference of the Labour Party. P. 13.

¹⁷ Report of the 30-th Annual Conference of the Labour Party. P. 28; Report of the 32-rd Annual Conference of the Labour Party. London, 1932. P. 31; Report of the 33-rd Annual Conference of the Labour Party. P. 34, 52; Report of the 34-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1934. P. 28.

¹⁸ Labour Magazine. 1930. V. VIII. N 10. P. 447.

держки. Энтузиазм «первопроходцев» к тому времени уже несколько угас. Давая советы, как бороться за молодежь, автор, на правах «ветерана» движения, заявлял, что, во-первых, Лигу ни в коем случае не следует рассматривать как «детский сад», юным активистом необходимо предоставить возможность обсуждать политические вопросы, направление развития партии. Во-вторых, А. Пикок призывал коллег к еще большему упорству в их нелегкой работе. В-третьих, он подчеркивал, что с молодежью необходимо разговаривать современным языком. Воспоминания о социалистах XIX в. ничего не значат для нынешнего молодого поколения, отмечал автор¹⁹.

В конечном счете, в начале 1930-х гг. недовольство политикой лейбористской партии в отношении молодежи начали высказывать даже самые лояльные активисты Лиги, такие, например, как упоминавшийся выше М. Хэкетт, председательствовавший еще на первой юношеской конференции 1929 г. На ежегодных съездах лейбористской партии 1929–1930 гг. он неизменно выступал на стороне штаб-квартиры и исполкома на фоне критических замечаний других молодых пропагандистов. Однако в ходе работы партийной конференции осенью 1932 г. он впервые на подобном форуме открыто и жестко заявил, что Лиге катастрофически не хватает молодых активистов. «Партия консерваторов утверждает, что у нее 600 тысяч молодых людей, мы же были бы очень рады, если бы у нас имелось хотя бы 12 тысяч, на которых мы могли бы рассчитывать... Что-то должно быть в корне неверно, — предостерег Хэкетт, — если мы не можем привлечь более 12 тысяч человек в то время, как другие имеют [в своем распоряжении] сотни тысяч...»²⁰. Следует отметить, что общее число членов лейбористской партии (включая коллективное членство) в то время составляло около 2 млн человек²¹.

Начиная с 1933 г. вопрос борьбы партии за молодых сторонников обрел новую остроту. Британские лейбористы прекрасно видели, что происходило на континенте, и многие из них с самого начала осознавали фашистскую угрозу, организовывая массовые мероприятия протеста против нацистской диктатуры. В этой связи очередная ежегодная партийная конференция, проходившая в октябре 1933 г., стала площадкой для оживленного обсуждения как германской опасности, так и дальнейших перспектив укрепления на этом фоне Лиги молодежи. Гитлер добился власти в Германии, т.к. смог воодушевить молодежь, говорилось на мероприятии²².

¹⁹ Labour Magazine. 1932. V. X. N 9. P. 416–417.

²⁰ Report of the 32-nd Annual Conference of the Labour Party. P. 167.

²¹ Ibid. P. 58.

²² Report of the 33-rd Annual Conference of the Labour Party. P. 148.

Наряду с этим «взрослые» делегаты были вынуждены наконец признать, что Лиге в последнее время уделялось недостаточно внимания. Это же наш родной «ребенок», «самое ценное, что есть у социалистического движения», — в сердцах восклицал один из выступавших. На конференции в целом были сказаны справедливые слова о том, что рассчитывать в молодежном строительстве лишь на энтузиазм и воодушевление юных членов в корне неверно. Лейбористская партия, имевшая к тому времени за плечами два собственных правительственных кабинета Р. Макдональда (1924 г. и 1929–1931 гг.), давно превратилась, на взгляд ораторов, из партии «искателей приключений» в нечто обыденное и лишенное романтического ореола²³.

На протяжении 1932–1933 гг. молодые активисты также неоднократно высказывали пожелания назначить наконец опытного оплачиваемого администратора, освобожденного от каких-либо иных обязанностей и полностью занятого работой по организации и совершенствованию Лиги, как это традиционно делалось в рамках «взрослой» партийной «машины», а также в рядах профсоюзов²⁴.

В результате в 1933 г. лейбористский исполком принял наконец принципиально значимое решение о налаживании более четкой, масштабной и последовательной пропагандистской работы из центра. В Лондоне для координации этого процесса был назначен администратор М. Вебб, к которому должны были сходиться все нити молодежной структуры по аналогии с секретарем или главным национальным агентом в штаб-квартире самой лейбористской партии. Заместителем М. Вебба стал старый секретарь консультативного комитета, образованного еще в 1929 г. для связи молодежного движения с лейбористской партией, упоминавшийся ранее Р.Т. Уиндл²⁵.

М. Вебб развернул, без преувеличения, кипучую деятельность на новом посту. В результате в последующие два года ситуация на «молодежном фронте» кардинально улучшилась. Еще летом 1933 г. М. Вебб опубликовал в партийной прессе программную статью, где говорилось о необходимости проведения масштабной пропагандистской молодежной кампании. По мнению нового лейбористского администратора, в ходе этих мероприятий следовало в первую очередь воодушевить молодых людей социалистическими идеалами, а не просто предлагать им сухой перечень предложений по реорганизации социально-экономической сферы²⁶.

²³ Ibid. P. 147–148.

²⁴ См., например: Labour Magazine. 1933. V. XI. N 10. P. 472.

²⁵ Report of the 33-rd Annual Conference of the Labour Party. P. 34; Report of the 34-th Annual Conference of the Labour Party. P. 27.

²⁶ Labour Magazine. 1933. V. XII. N 4. P. 163.

Кампания лейбористов под лозунгом «Призыв к молодежи» стартовала в сентябре 1933 г. Секретарь партии А. Гендерсон рассматривал ее как знак возрождения партии после тяжелого поражения на выборах 1931 г. Первое массовое мероприятие прошло в Лидсе 3 сентября 1933 г.²⁷ Пропагандистская часть включала конференции, всевозможные молодежные ралли, распространение печатных материалов. Всего было запланировано около 400 мероприятий по всей Великобритании. Помимо многотысячных собраний лейбористы также практиковали индивидуальные встречи и беседы партийных пропагандистов с молодыми людьми, жителями того или иного избирательного округа²⁸.

Кампания оказалась весьма успешной. Согласно отчету партийного исполкома, к осени следующего 1934 г. число отделений Лиги молодежи заметно увеличилось и составило 492. Всего же, по официальным данным, в результате мероприятий за два года были созданы целых 373 новых молодежных секции. Однако, учитывая, что целый ряд слабых организаций, числившихся «на бумаге», в это же время прекратил свое существование, к осени 1935 г. общее количество отделений Лиги достигло 526²⁹. Параллельно с этим шло формирование федераций в тех регионах, где молодежное движение было наиболее массовым.

Наряду с федерациями, партия продолжала заимствовать и иные «механизмы», до этого успешно опробованные в женском движении. Так, с 1932 г. лейбористы начали практиковать проведение однодневных либо двухдневных школ, предназначенных для подготовки молодых пропагандистов³⁰. В предшествовавшие годы подобные мероприятия регулярно осуществлялись с целью обучения активисток женского движения.

Немалой популярностью среди женщин-лейбористок пользовался и так называемый ежегодный «женский день», включающий в себя массовые демонстрации и встречи. 23–24 февраля 1935 г. лейбористы впервые в своей истории, опять же по аналогии с женскими движением, провели специальный «день молодежи»³¹.

Однако заметная активизация работы в этом направлении в середине 1930-х гг., рост количества секций обострили старую проб-

²⁷ Labour. 1933. V. I. N 1. P. 8. Daily Herald. 1933.4.IX.

²⁸ Report of the 34-th Annual Conference of the Labour Party. P. 27; Labour. 1933. V. I. N 1. P. 8.

²⁹ Report of the 34-th Annual Conference of the Labour Party. P. 27–28; Report of the 35-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1935. P. 38–39.

³⁰ Report of the 32-nd Annual Conference of the Labour Party. P. 31.

³¹ Report of the 35-th Annual Conference of the Labour Party. P. 38; Daily Herald. 1935.25.II.

лему о праве молодых активистов участвовать в определении политики партии и входить в ее руководящие структуры. На ежегодной конференции Лиги молодежи в 1934 г. юные лейбористы выдвинули жесткие требования представительства на «взрослой» ежегодной конференции, а также во «взрослом» исполкоме. Учитывая резкий численный рост движения, партия была вынуждена внести корректировки в свой Устав. С 1935 г. один член Лиги молодежи впервые был официально включен в состав исполкома, а два молодых человека получили право представлять Лигу на ежегодных «взрослых» конференциях³².

Но молодым людям этого было мало. Юные лейбористские активисты на фоне заметного подъема движения настойчиво желали в середине 1930-х гг. расширить полномочия своей ежегодной конференции и требовали, чтобы она обрела возможность принимать официальные резолюции по вопросам, касающимся политики партии. Лейбористский исполком был непреклонен. В его заявлении от 1935 г. говорилось, что Лига молодежи была образована «не с целью определять политику» партии³³.

В результате ежегодная лейбористская конференция 1935 г. в очередной раз оказалась ареной острых столкновений между желавшими «определять политику» молодыми активистами и держащей оборону штаб-квартирой. Юные активисты работают день и ночь, занимаются распространением пропагандистской литературы, вербуют сторонников, выполняют ту же работу, что и взрослые члены партии, говорилось на мероприятии. Сторонники расширения прав Лиги, возмущенные формулировкой исполкома о запрете «определять политику», настаивали на том, что они обязаны иметь те же полномочия, что и другие входившие в партию организации, например женское движение. Однако национальный агент Дж. Шеперд осенью 1935 г. жестко заявил эмоциональным оппонентам от лица штаб-квартиры, что право «определять политику» партии остается по-прежнему за общенациональной конференцией³⁴.

Еще бóльшие проблемы с родным «ребенком» наметились у лейбористов во второй половине 1930-х гг. Они были связаны с тем, что в этот период Лига молодежи попала под влияние британской компартии. Дело дошло до того, что пропагандируемый последней лозунг единого фронта был официально одобрен на «бунтарской» ежегодной конференции Лиги молодежи в Манчестере весной

³² Report of the 34-th Annual Conference of the Labour Party. P. 26. О молодежной конференции 1934 г. см. также: New Clarion. 1934. V. 4. N 86. P. 114.

³³ Report of the 35-th Annual Conference of the Labour Party. P. 39.

³⁴ Ibid. P. 143–144.

1936 г.³⁵ Единый фронт в русле решений VII Конгресса Коминтерна 1935 г. подразумевал сотрудничество в борьбе с фашистской угрозой всех левых сил, в том числе лейбористов с коммунистами. Партия лейбористов категорически не принимала эту позицию, а к силам, пропагандирующим союз с компартией, была беспощадна. В январе 1937 г. она официально исключила из своих рядов созданную еще в 1932 г. Социалистическую Лигу, уличенную в сотрудничестве с коммунистами в пропаганде единого фронта³⁶. Не исключено, что свою роль в росте популярности компартии в рядах юных лейбористов сыграло и то, что в условиях мирового экономического кризиса начала 1930-х гг. значительная часть молодежи оказалась без работы. Коммунисты же были весьма активны в организации протестного по своему характеру движения безработных в Великобритании.

В любом случае, Лига молодежи, встав по второй половине 1930-х гг. на путь тесного общения с компартией и популяризации идеи единого фронта, фактически подписывала себе смертный приговор. С одной стороны, лейбористы в этой ситуации не могли полностью «ликвидировать» Лигу, т.е. перечеркнуть всё то, что создавалось более десяти лет. С другой стороны, меры по отношению к «сбившимся с пути» молодежным активистам были беспрецедентно жесткими.

Еще до начала «мятежной» манчестерской конференции исполком партии обнародовал в январе 1936 г. обращенный к Лиге меморандум с предостережениями. В нем говорилось, что эта организация фактически все больше отдаляется от своей основной цели — вербовки в партию новых молодых членов, а ее секции вместо конструктивной работы увлечены лишь критикой лейбористского официального курса³⁷.

В ответ на это молодые лейбористы провозгласили на манчестерской конференции 1936 г. свое право самостоятельно обсуждать и принимать любые политические решения, а также потребовали, чтобы их консультативный комитет, существовавший с 1929 г., обрел статус исполкома Лиги и прекратил подчиняться исполкому партии³⁸. Характерно, что на галереях для посетителей в ходе заседаний Лиги были замечены многочисленные коммунисты, непринужденно общавшиеся в перерывах с молодыми лейбористами как со старыми знакомыми. Более того, на стульях участников мероприятия комму-

³⁵ Report of the 36-th Annual Conference of the Labour Party. P. 75.

³⁶ На тему единого фронта см. подробнее: *Прокопов А.Ю.* Коминтерн и попытка создания Единого фронта левыми силами Великобритании в 1933 г. // *Англоведение в современной России. Коллективная монография.* М., 2019. С. 101–122.

³⁷ Report of the 36-th Annual Conference of the Labour Party. P. 73–74.

³⁸ Ibid. P. 75.

нисты беспрепятственно разложили до его начала свое обращение к делегатам³⁹.

В результате исполком лейбористской партии в 1936 г. дошел в своем «гневе» до того, что наложил запрет на созыв в следующем году молодежной конференции. Наряду с этим было принято решение расформировать вышедший из-под контроля консультативный комитет и прекратить выпуск периодического издания «Нью нейшн»⁴⁰.

Более того, на рассмотрение ежегодной партийной конференции, проходившей в Эдинбурге в 1936 г., исполком предложил новые Правила функционирования Лиги. Во-первых, максимальный возраст членства снижался с 25 до 21 года. Во-вторых, главными целями Лиги жестко провозглашались: популяризация официального партийного курса; организация досуга для молодежи под эгидой партии; образовательная работа; помощь партии на выборах. В-третьих, было заявлено, что консультативный комитет Лиги оставался по-прежнему подчинен исполкому. В-четвертых, ежегодной конференции Лиги, как и прежде, было запрещено принимать резолюции по политике партии⁴¹.

Обсуждение новых Правил оказалось, пожалуй, самой острой на тот момент дискуссией по молодежному вопросу за всю лейбористскую историю. Прежде всего, сторонники «мятежной» Лиги были глубоко возмущены решением снизить верхнюю возрастную планку членства, открыто заявляя, что это погубит движение. Так, У. Грей, представитель недавно расформированного консультативного комитета, открыто провозгласил в ходе дискуссии, что это «смерть и разрушение» Лиги. Во-вторых, часть активистов посмела утверждать, что партия своими действиями фактически расчищает путь фашизму. В-третьих, молодые «мятежники» резонно говорили о том, что в случае боевых действий придется идти на фронт именно их поколению, поэтому кто как не они должны обсуждать политику партии, в том числе по вопросам войны и мира. Председатель «бунтарского» консультативного комитета С. Лейси заявил, что не раскаивается в своих действиях и призвал предоставить Лиге «самоуправление»⁴².

Представители исполкома, впрочем, полностью отвергли на конференции какие-либо обвинения в предвзятом отношении к Лиге. Упомянувшийся ранее М. Вебб еще в 1935 г. перешел в газету «Дейли геральд» и не был вовлечен в дискуссию. Что касается постоянного

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ Appendix VIII. Rules for the League of Youth. Report of the 36-th Annual Conference of the Labour party. P. 294–295.

⁴² Report of the 36-th Annual Conference of the Labour party. P. 241–244.

секретаря консультативного комитета Р.Т. Уиндла, то он безоговорочно поддержал политику исполкома. В результате новые Правила, в том числе снижение возраста членов, были одобрены подавляющим большинством голосов⁴³.

В следующем 1937 г. молодежная конференция Лиги так и не состоялась. Членство в организации начало резко сокращаться. Перед партией фактически стояла задача «перезапуска» Лиги. Не отказавшись от идеи существования консультативного комитета по проблемам молодежи, исполком принял решение не избирать, а самолично назначать его членов⁴⁴.

Однако собравшаяся осенью 1937 г. в Борнмуте следующая ежегодная конференция лейбористской партии отвергла эту идею. В противовес была принята резолюция о скорейшем созыве конференции Лиги молодежи в 1938 г. Она и обязана была выбрать консультативный комитет. Характерно, что эта резолюция получила единогласную поддержку, в том числе выступавший от исполкома А. Дженкинс не стал ей тогда препятствовать⁴⁵.

После этого лейбористы назначили нового национального агента по развитию молодежного движения. Им стал умелый администратор Дж. Хаддлстон, активно приступивший к выполнению своих обязанностей, включая поездки в регионы, работу с пропагандистами. В отчете исполкома, подготовленном к весне 1939 г., говорилось, что новый администратор совершил поездки по нескольким десяткам районов, проводя конференции и выступая на митингах. Партия возобновила начатое еще в 1932 г. проведение школ для подготовки юных пропагандистов. С 17 по 24 сентября 1938 г. лейбористы впервые организовали так называемую «молодежную неделю»⁴⁶. Подобное мероприятие было испытанным средством пропаганды среди женской аудитории, которое партия решила опробовать и на новом фронте. «Женская неделя» обычно включала в себя проведение митингов, демонстраций, празднеств⁴⁷. Более того, для воодушевления сторонников был даже придуман специальный молодежный гимн. Согласно официальной статистике, общее число отделений Лиги к весне 1939 г. составило 368. Важно отметить, что 170 из них были вновь созданными⁴⁸.

⁴³ Ibid. P. 239, 246–247.

⁴⁴ Report of the 37-th Annual Conference of the Labour Party. London, 1937. P. 54.

⁴⁵ Ibid. P. 220, 224.

⁴⁶ Report of the 38-th Annual Conference of the Labour Party., London 1939. P. 80–81.

⁴⁷ На эту тему см. подробнее: *Суслопарова Е.А.* Эволюция лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века. М., 2007. С. 123–124.

⁴⁸ Report of the 38-th Annual Conference of the Labour Party. P. 81.

Тем не менее до начала Второй мировой войны Лига так и не смогла возродиться и оправдать возлагавшихся на нее надежд. Проблема была в том, что к тому времени ненавистная для партии идея единого фронта, пропагандируемая коммунистами и находившая поддержку у ряда лейбористских деятелей, поднялась на новую ступень развития. Главный ее «глашатай» в рядах лейбористской партии, блестящий адвокат, известный активист распущенной к тому времени Социалистической лиги С. Криппс перешел в 1938–1939 гг. к пропаганде теперь уже народного фронта для борьбы с фашистской угрозой. На этот раз речь шла не только о союзе с коммунистами, но о создании широкой коалиции всех прогрессивных сил. В том числе, наряду с коммунистами, Криппс не исключал участие в ней членов буржуазных партий⁴⁹. В этом контексте представитель федерации шахтеров еще в 1937 г. называл данного политика «величайшей опасностью» для лейборизма⁵⁰.

В марте 1938 г. в Лондоне после двухгодичного перерыва прошла наконец ежегодная конференция Лиги молодежи. Был воссоздан консультативный комитет. В частности, туда умудрился войти упомянутый выше С. Криппс в качестве представителя исполкома лейбористской партии, членом которого он являлся. Наряду с этим в комитет был избран известный молодежный активист крайне левых взглядов Т. Уиллис, фактически являвшийся лидером движения⁵¹.

В мае 1938 г. появился специальный документ за подписью С. Криппса и еще нескольких лейбористов, призывавший к сотрудничеству всех антифашистских сил. В начале следующего года Криппс подготовил свой собственный меморандум в духе упомянутых выше идей, который был официально отвергнут исполкомом партии 13 января 1939 г. Однако Криппс не унимался и счел возможным обнародовать меморандум, отправив его в местные организации партии, а также лейбористским депутатам парламента. Исполком потребовал от него срочно отозвать разосланный меморандум. В условиях поддержки меморандума коммунистической прессой, кампания, инициированная Криппсом, была расценена как попытка ослабить лейбористское единство. В итоге всех этих событий Криппс был исключен из рядов партии специальным решением исполкома в конце января 1939 г.⁵²

⁴⁹ О С. Криппсе и его деятельности см.: *Суслопарова Е.А.* Стаффорд Криппс (1889–1952): политический портрет // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 213–233.

⁵⁰ Report of the 37-th Annual Conference of the Labour Party. P. 160.

⁵¹ Report of the 38-th Annual Conference of the Labour Party. P. 80. О Т. Уиллисе см. подробнее: *Webb M.* Op. cit. P. 68.

⁵² Report of the 38-th Annual Conference of the Labour Party. P. 45, 48.

Лига молодежи проявила огромный интерес к агитации Криппса и пропагандируемому им Народному фронту. Британский исследователь Б. Пимлотт отмечал, что Лига фактически стала в это время «криппситской» организацией⁵³. В результате она также подверглась «репрессиям». В марте 1939 г. исполком вновь, как и в 1936 г., запретил проведение очередной молодежной конференции. Наряду с этим был полностью распущен национальный консультативный комитет, в который входил Криппс. Лондонский и другие региональные комитеты Лиги также были расформированы⁵⁴.

Председатель Лиги молодежи Т. Уиллис писал в этой связи еще в январе 1939 г. на страницах прессы о том, что нынешняя «война» идет не между лейбористским исполкомом и С. Криппсом, а фактически между теми, кто поддерживает идею классового примирения и теми, кто отстаивает «классовое примирение»⁵⁵. Наиболее «отчаянные» активисты, проигнорировав запрет, все же собрались на неофициальную молодежную конференцию 1939 г. и пригласили С. Криппса. Эта конференция, в частности, высказалась за отставку Дж. Хаддлстона, национального агента по работе с молодежью, неизменно стоявшего на стороне исполкома⁵⁶.

На этом фоне очередная ежегодная лейбористская конференция, проходившая в мае–июне 1939 г. в Саутпорте, вновь стала ареной жарких дебатов о судьбе молодежного движения. Любопытно, что на этом мероприятии было дано слово исключенному из партии С. Криппсу. Однако он выступил не столько в защиту «мятежной» молодежи, сколько в целом против опасности для лейбористов, пресекающих, с его точки зрения, открытый обмен мнениями по болезненным вопросам, превратиться в «статичную, безжизненную, мертвую» конструкцию⁵⁷. Противники ограничительных мер для молодежи уже не в первый раз на подобного рода форуме заявили о «смерти» Лиги⁵⁸. Однако, несмотря на решение неофициальной юношеской конференции, назначенный штаб-квартирой агент Дж. Хаддлстон остался на своем посту и продолжил работу.

Следует отметить, что с началом Второй мировой войны работа по расширению Лиги оказалась существенно затруднена в связи с уходом многих молодых людей на фронт. В течение шести последую-

⁵³ *Pimlott B. Op. cit.* P. 178.

⁵⁴ Report of the 38-th Annual Conference of the Labour Party. P. 81.

⁵⁵ Tribune. 1939.20.I.

⁵⁶ Report of the 38-th Annual Conference of the Labour Party. P. 324.

⁵⁷ Ibid. P. 228.

⁵⁸ Ibid. P. 320–321.

щих лет лейбористы имели возможность извлечь уроки, с тем чтобы в полной мере возродить Лигу молодежи после 1945 г.

В заключении необходимо подчеркнуть, что в целом на протяжении 1920-х — 1930-х гг. юношеское партийное движение прошло непростой и полный драматизма путь, отмеченный взлетами и падениями. Официальный старт молодежному строительству был дан только в 1924 г., когда лейбористы уже в значительной мере окрепли, создали разветвленную сеть своих «взрослых» ячеек в избирательных округах и имели основу, на которой можно было выстраивать работу с молодежью.

Лейбористы шли к своей цели во многом путем проб и ошибок. Первоначальные успехи 1925–1926 гг. в основном были достигнуты за счет энтузиазма молодых активистов, уже несколько лет мечтавших о развитии молодежного направления в рамках партии. Далее, на рубеже 1920-х — 1930-х гг. первая волна «партстроительства» ослабла. С одной стороны, лейбористам в межвоенные годы со всей очевидностью не хватало финансовых ресурсов для масштабного развития Лиги молодежи. С другой стороны, сама схема работы была недостаточно хорошо продумана. Партия меняла возраст членства, с самого начала не уделила должного внимания налаживанию четкой, масштабной координации из центра, назначив специального организатора, М. Вебба, только в 1933 г., когда проблемы с ростом Лиги были уже более чем очевидны.

Лейбористы, казалось бы, прекрасно осознавали еще в 1924 г., что должны строго контролировать местные молодежные организации. Тем не менее, не добившись этого в полной мере, они начали ежегодно созывать юношеские общенациональные конференции, которые в итоге во второй половине 1930-х гг. фактически вышли у них из-под контроля.

Без сомнения, непростая обстановка в стране также сыграла свою роль. Первые два лейбористских кабинета Р. Макдональда не оставили яркого реформаторского следа. Отчасти это произошло по причине того, что ни в 1924 г., ни в 1929 г. партия не контролировала полностью палату общин и была зависима от поддержки либералов. В то же время первое поколение лейбористов у власти во главе с Р. Макдональдом было довольно консервативным по своим взглядам и не готово к кардинальным социально-экономическим изменениям в стране, которые могли бы воодушевить сторонников. На фоне мирового экономического кризиса 1929–1933 гг., роста безработицы, трагического раскола и падения второго лейбористского правительства в августе 1931 г., многих лейбористов временно охватило разочарование, которое коснулось и молодежного направления. Сама же партия по своим взглядам после 1931 г. заметно эволюционировала

влево. Однако она не была готова к сотрудничеству с компартией, которая в условиях фашистской угрозы развернула в стране довольно активную агитацию, увеличила свои ряды и увлекла некоторых молодых лейбористов.

Не исключено, что определенную роль в предвоенных неудачах сыграло и то, что в октябре 1935 г. умер один из самых одаренных администраторов за всю историю лейбористов — А. Гендерсон, являвшийся бессменным секретарем партии с 1911 по 1934 г. и фактически создавший с нуля мощную партийную «машину» по всей Великобритании. Однако у пожилого Гендерсона, по всей видимости, не хватало энергии на молодежное направление.

В то же время партия в процессе борьбы за юных сторонников довольно успешно опиралась на агитационные «механизмы», опробованные до этого в рамках женского движения, и это приносило свои плоды.

Любопытно отметить, что со временем активисты, более всех взбудоражившие молодых лейбористов в конце 1930-х гг. и навлекшие на Лигу жесткие ограничительные меры, перестали представлять для партии какую-либо опасность. Один из руководителей Лиги молодежи Тед Уиллис, подстрекавший ее к сотрудничеству с компартией, вначале перешел в ряды последней и в 1941 г. оказался секретарем Молодежной коммунистической лиги. Однако со временем юный бунтарь остепенился, стал известным драматургом и закончил жизнь пэром Соединенного Королевства. С. Криппс был восстановлен в партии в 1945 г., на фоне «холодной войны» разочаровался в коммунистах и сделал в дальнейшем блестящую правительственную карьеру в лейбористском кабинете К. Эттли во второй половине 1940-х гг.

Нежелание молодых активистов заниматься исключительно «хоровым пением», тем не менее, оставляло к концу 1930-х гг. открытым вопрос о том, насколько долго и упорно партия будет сопротивляться их претензиям на право обсуждать политический курс. Определенные уступки в этом плане были необходимы.

В результате главные уроки, который лейбористы извлекли для себя к концу Второй мировой войны состояли в следующем. Во-первых, после 1945 г. местные отделения Лиги были фактически «намертво» привязаны к «взрослым» партийным ячейкам, которые строго курировали их деятельность и уделяли им гораздо больше внимания, чем в предшествовавшие годы. Об этой необходимости не раз говорили представители исполкома еще на партийных собраниях в конце 1930-х гг. Во-вторых, к лейбористам пришло осознание, что молодым людям надо дать хотя бы какую-то возможность обсуждать политику партии. В результате молодежные секции получают после Второй мировой войны это право. Однако практически все их связи

между собой на национальном уровне будут осуществляться главным образом в рамках «взрослой» организации. Лейбористы, помня об уроках 1930-х гг., решатся на проведение первой послевоенной ежегодной молодежной конференции лишь в 1951 г.

Список литературы

Прокопов А.Ю. Коминтерн и попытка создания Единого фронта левыми силами Великобритании в 1933 г. // *Англоведение в современной России. Коллективная монография.* М.: ИВИ РАН, 2019. С. 101–122.

Суслопарова Е.А. Стаффорд Криппс (1889–1952): политический портрет // *Новая и новейшая история.* 2018. № 5. С. 213–233.

Суслопарова Е.А. Эволюция лейбористской партии Великобритании во второй половине 20-х гг. XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 364 с.

Cole G.D.H. A History of the Labour Party from 1914. New York: A.M. Kelley, 1969. 517 p.

Howell D. Macdonald's Party. Labour Identities and Crisis, 1922–1931. Oxford: Oxford University Press, 2002. 452 p.

McKibbin R. The Evolution of the Labour Party 1910–1924. Oxford: Oxford University Press, 1983. 261 p.

Pimlott B. Labour and the Left in the 1930s. London: Allen & Unwin, 1986. 262 p.

Thorpe A. A History of the British Labour Party. Basingstoke: Palgrave, 2001. 327 p.

Webb M. The Rise and Fall of the Labour League of Youth. A thesis submitted to the University of Huddersfield in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The University of Huddersfield, 2007. — URL: <http://eprints.hud.ac.uk/id/eprint/761/1/michellewebbfinalthesis.pdf>

Williams F. Fifty Years' March. The Rise of the Labour Party. London, 1949. 384 p.

Worley M. Labour inside the Gate. A History of the British Labour Party between the Wars. London; New York: I.B. Tauris & Co. Ltd, 2008. 278 p.

Поступила в редакцию
15 апреля 2020 г.

Э.В. Зизева*

КЛЮЧЕВЫЕ ВЕХИ СТАНОВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ТУПАМАРОС В УРУГУАЕ (1961–1965)

E. V. Zizeva

KEY MILESTONES IN THE FORMATION OF THE TUPAMAROS ORGANIZATION IN URUGUAY (1961–1965)

Аннотация. Последствия экономического кризиса, набравшего обороты в Уругвае с середины 1950-х гг., первыми ощутили на себе сельскохозяйственные рабочие северных провинций страны. Их экономическое положение приближалось к катастрофическому. В 1961 г. на севере Уругвая возник Союз работников сахарной промышленности провинции Артигас (УТАА), возглавляемый юристом из Монтевидео, одним из руководителей Социалистической партии Раулем Сендиком. В отличие от других профсоюзов страны, руководство которых фактически находилось под контролем североамериканского капитала, УТАА начал бескомпромиссную борьбу за права рабочих. В 1962 г. Р. Сендик совместно с рубшиками сахарного тростника из УТАА организовал марш в Монтевидео, чтобы представить экономические требования рабочих правительству Уругвая. Вскоре с целью оказания поддержки УТАА была образована группа молодых активистов из различных левых партий, которая стремилась скоординировать действия митингующих и дружественных им политических сил, получившая название «Координация». Постепенно участники «Координации» пришли к идее о необходимости перехода к вооруженным методам борьбы. Летом 1963 г. они осуществили экспроприацию оружия из стрелкового тира в городе Нуэва-Эльвесия. С этой операции, известной как «Швейцарский тир», фактически начинается новый этап в истории движения, вылившийся в 1965 г. в создание революционной организации, которая перешла к тактике «прямого действия» — Движения за национальное освобождение — Тупамарос. Предметом данной статьи является деятельность радикального крыла несистемной левой оппозиции в Уругвае в первой половине 1960-х гг., которое в 1965 г. объединилось в единую организацию — Тупамарос. Цель статьи — показать зарождение и эволюцию оппозиционной организации через ее переход от легальных методов борьбы к вооруженным, вплоть до партизанских операций. В данной работе впервые в отечественной историо-

* Зизева Элина Викторовна, аспирант кафедры Новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
Zizeva Elina Viktorovna, Postgraduate Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
+7-906-792-71-91; elina.zizeva@gmail.com

графии проанализированы основные вехи становления революционного движения Тупамарос, рассмотрены экономические и политические предпосылки его возникновения.

Ключевые слова: Уругвай в XX в., Тупамарос, Рауль Сендик, революционные движения Латинской Америки, профсоюзы Уругвая, тактика «прямого действия».

Abstract. The impact of the economic crisis that had been gaining momentum in Uruguay from the mid-1950s was first felt by agricultural workers in the country's northern provinces. Their economic situation was approaching catastrophe. In 1961 the Union of Sugar Workers of the Province of Artigas (UTAA) was formed in the north of Uruguay. It was headed by a lawyer from Montevideo, one of the leaders of the Socialist Party, Raúl Sendic. Unlike other trade unions in the country, whose leadership was effectively controlled by the North American capital, the UTAA began an uncompromising struggle for workers' rights. In 1962, Raúl Sendic, together with the UTAA sugar cane cutters, organized a march to Montevideo to present the workers' economic demands to the Uruguayan government. Soon, in order to support the UTAA, a group of young activists from various left-wing parties was formed. They sought to coordinate the actions of the protesters and their political sympathizers and were called "Coordination". Gradually, the participants in the "Coordination" came to the idea of the need to switch to the methods of armed struggle. In the summer of 1963, they expropriated weapons from a gun club in the town of Nueva Helvecia. This operation, known as the "Swiss gun club", actually began a new stage in the history of the movement, which resulted in 1965 in the creation of a revolutionary organization that resorted to the tactics of "direct action". It was the Movement for National Liberation, Tupamaros. The subject of this article is the activities of the radical wing of the non-systemic left opposition in Uruguay in the first half of the 1960s, which in 1965 united into a single organization of Tupamaros. The aim of the article is to show the origin and evolution of the opposition organization through its transition from legal methods of struggle to armed ones, right down to guerilla operations. This work, for the first time in Russian historiography, analyzes the key milestones in the formation and development of the Tupamaros revolutionary movement, and considers the economic and political prerequisites of its emergence.

Keywords: 20th-century Uruguay, Tupamaros, Raúl Sendic, revolutionary movements in Latin America, trade unions in Uruguay, direct action tactics.

* * *

В 1950-е гг. Уругвай был относительно спокойной страной — здесь соблюдался закон и порядок, а мятежи и революции бушевали далеко за его пределами. Благополучное развитие страны было обусловлено глубокими политическими и социальными реформами, осуществленными в начале XX в. уругвайским президентом Хосе Батлье-и-Ордоньесом (1903–1907 и 1911–1915). Они способствовали установлению в стране стабильного демократического конституционного режима, базой для которого послужили бурное развитие

капитализма на основе агроэкспортной экономики и массовая иммиграция европейцев в Уругвай.

Однако со второй половины 1950-х гг. страна начала погружаться в экономический кризис. Он не сразу затронул средний класс, составлявший бóльшую часть населения Уругвая¹. У власти находилась буржуазная Национальная партия, традиционные левые партии (Коммунистическая и Социалистическая) боролись за власть в рамках существующей системы и считали методы вооруженной борьбы неуместными в данных условиях². На этом весьма благополучном фоне появилась радикальная левая революционная группа Тупамарос, перешедшая к тактике вооруженной борьбы. Данная статья представляет собой первую в отечественной историографии попытку рассмотреть обстоятельства возникновения Движения за национальное освобождение — Тупамарос. Это движение в дальнейшем обрело значительное влияние в Уругвае, а его пример получил распространение не только в Латинской Америке, но и за пределами региона. В частности, к опыту Тупамарос обращались европейские леворадикальные организации, такие как Тупамарос Мюнхена, Тупамарос Западного Берлина, Фракция Красной Армии в Германии, Революционное движение Тупамаро в Венесуэле и ряд других менее значимых организаций.

В зарубежной историографии довольно широко освещена деятельность движения³. Однако возникновение организации и роль в этом процессе профсоюза сахарной промышленности УТАА⁴

¹ Арисменди Р. Ленин, революция и Латинская Америка. М., 1975. 274 с.

² Вопрос о необходимости и уместности вооруженной борьбы в сложившихся условиях стоял на повестке дня у традиционных левых партий (Коммунистической и Социалистической), особенно ближе к концу 1960-х гг., когда в стране было введено чрезвычайное положение. Широкому обсуждению этого вопроса способствовало осмысление кубинского опыта. Однако в целом, Коммунистическая и Социалистическая партии больше теоретизировали по этому поводу и не прибегали к данным методам борьбы на практике. «Партия [Коммунистическая] подчеркивает плодотворность партизанского движения как возможной формы борьбы в подходящих с политической точки зрения условиях. <...> В то же время, партия предупреждает, что не считает партизанскую борьбу пригодной для любой политической ситуации, как и не считает её всеобъемлющей формой вооруженной борьбы». «Поставить изолированный авангард под огонь врага и дать последнему возможность истреблять лучшие кадры означало бы героическую жертву, но было бы несправимым безрассудством». (Арисменди Р. Указ. соч. С. 349, 353).

³ См., например: Aldrighi C. La izquierda armada. Ideología, ética e identidad en el MLN-Tupamaros. Montevideo, 2001; Gatto H. El cielo por asalto. El Movimiento de Liberación Nacional (Tupamaros) y la izquierda uruguaya (1963–1972). Montevideo, 2004; Lessa A. La revolución imposible. Los Tupamaros y el fracaso de la vía armada en el Uruguay del siglo XX. Montevideo, 2010; Rey Tristán E. La izquierda revolucionaria uruguaya, 1955–1973. Sevilla, 2005.

⁴ Unión de los Trabajadores Azucareros de Artigas — Союз работников сахарной промышленности провинции Артигас.

рассматривается в литературе не столь подробно. Из современных исследователей особое внимание этой теме уделяет С. Меренсон. Она детально анализирует процесс вовлечения рубщиков сахарного тростника в политическую борьбу, однако ее научные интересы сосредоточены более в сфере социальной антропологии⁵. Важный вклад в изучение политической борьбы сельскохозяйственных рабочих внесли работы Я. Гонсалес Сьерры и Р. Херардо Прието⁶. Последний рассмотрел связь профсоюзной борьбы батраков с возникновением нового революционного движения в стране. Данной проблеме также посвящена статья Г. Ойянткабала и М. Карамбулы⁷.

В отечественной историографии имеется серьезная лакуна в сфере изучения Движения за национальное освобождение — Тупамарос в Уругвае. Практически отсутствуют специальные исследования, посвященные истокам формирования организации. В 1974 г. в журнале «Латинская Америка» вышла статья Е.В. Демушкиной⁸. Общие сведения об организации представлены в статье болгарского исследователя, работающего в России, Г.И. Коларова⁹. В настоящей статье мы попытаемся впервые осветить процесс радикализации общества в Уругвае в начале 1960-х гг. и показать основные вехи возникновения Движения за национальное освобождение — Тупамарос, наиболее известной и влиятельной левой организации Уругвая второй половины XX в.

По теме возникновения профсоюза УТАА существует довольно мало источников, поэтому важную роль играют мемуары людей, непосредственно принимавших участие в событиях. В данной статье были использованы воспоминания лидеров МЛН-Т¹⁰ — Маурисио

⁵ Merenson S. El proceso de movilización y radicalización política de la Unión de Trabajadores Azucareros de Artigas (1961–1972) // Historia y problemas del siglo XX. Vol. 1. Año 1. 2010. P. 115–132; Merenson S. Las marchas de la Unión de Trabajadores Azucareros de Artigas. La producción ritual de una formación discursiva // Anuario Antropología social y Cultural en Uruguay. 2009–2010. P. 71–88; Merenson S. “Ser Peludo” Una etnografía histórica de tránsitos y pasajes en la construcción de un sujeto social // Anuario Antropología Social y Cultural en Uruguay. 2004–2005. P. 175–180.

⁶ González Sierra Y. Los olvidados de la tierra: Vida, organización y luchas de los sindicatos rurales. Montevideo, 1994; Gerardo Prieto R. Por la tierra y por la libertad: Trabajadores rurales y proceso revolucionario, UTAА y MNLТ (Movimiento Nacional de Lucha por la Tierra). Montevideo, 1986.

⁷ Oyhançabal G., Carámbula M. Lucha por la tierra en el norte de Uruguay // Astrolabio. Nueva Época. 2011. N 7. P. 284–312. — URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/astrolabio/article/view/491> (30.11.2019).

⁸ Демушкина Е.В. «Тупамарос» или «Движение за национальное освобождение» Уругвая (1962–1972 гг.) // Латинская Америка. 1974. № 1. С. 111–126.

⁹ Коларов Г.И. Городская «герилья» в Латинской Америке: «Тупамарос» и «Монтонерос» // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2013. № 1. С. 43–49.

¹⁰ МЛН-Т/МЛН (Movimiento de liberación nacional — Tupamaros) — здесь и далее: Движение за национальное освобождение — Тупамарос

Росенкофа и Элеутерео Фернандеса Уидобро¹¹. Свои воспоминания об этом периоде оставила также Нелида Фонтора, или «Чела» — крестьянка, участница маршей рубщиков на Монтевидео¹². Использована также статья исторического лидера МЛН Рауля Сендика «Револьвер или Конституция?»¹³, опубликованная в газете Социалистической партии Уругвая¹⁴ «Эль Соль» (“El Sol”) 22 марта 1963 г. Эта статья ознаменовала качественный поворот во взглядах Р. Сендика: в ней он пишет о необходимости перехода к вооруженным методам борьбы. Фактически именно в 1963 г. рождается Тупамарос. В сборнике “Actas Tupamaras”¹⁵ содержатся воспоминания участников событий о ключевых операциях МЛН. Ситуацию, сложившуюся в стране в 1960-е гг., ключевые дискуссии и проблемы левого движения Уругвая, позицию коммунистов в отношении уместности и необходимости вооруженной партизанской борьбы проанализировал тогдашний лидер Коммунистической партии Уругвая Родней Арисменди во второй части книги «Ленин, революция и Латинская Америка»¹⁶.

Экономический кризис в Уругвае¹⁷

К середине XX в. в благополучном демократическом Уругвае начали назревать кризисные явления в экономике: истощались золотовалютные запасы, накопленные во время Второй мировой войны и в первые годы после нее. Вместе с этим стала давать сбой импортозамещающая индустриализация¹⁸, которая служила мощным импульсом для развития экономики с 1930-х гг.; нарастала стагнация в сельском хозяйстве, занимавшем ключевую роль в уругвайском экспорте; широких масштабов достигли финансовые спекуляции. Ключевыми проявлениями кризиса стали: инфляция, рост безработицы, снижение покупательной способности населения и девальвация национальной валюты¹⁹. На фоне экономического кризиса обострились общественные противоречия, развернулась широкая политическая дискуссия, активизировалась деятельность левых партий.

¹¹ *Rosencof M.* La rebelión cañera. México, 1984; *Fernández Huidobro E.* Historia de los Tupamaros. Montevideo, 2005. 419 p.

¹² *Fontora N.* Más allá de la ignorancia. Montevideo, 1989.

¹³ *Sendic R.* ¿Un revolver o la Constitución? // El Sol. 22.03.1963.

¹⁴ Сендик состоял в Центральном комитете СПУ.

¹⁵ *Actas tupamaras.* Rosario, 2003.

¹⁶ *Арисменди Р.* Указ. соч.

¹⁷ Подробнее см.: *Зизева Э.В.* От демократии к военной диктатуре: экономический и политический кризис в Уругвае (вторая половина 1950-х — 1973 г.) // Человеческий капитал. 2019. № 3(123). С. 30–37.

¹⁸ См.: *Строганов А.И.* Латинская Америка в XX веке. М., 2002. С. 124–127.

¹⁹ *Nahu B. et al.* El fin del Uruguay liberal. T. 8. Montevideo, 1998. P. 99–105.

Р. Алонсо Элой и К. Демаси выделяют следующие этапы кризиса. С середины 1950-х гг. начал нарастать экономический кризис, который в начале 1960-х распространился на политическую сферу — активизировалась деятельность оппозиционных политических партий и профсоюзов, велась широкая общественная дискуссия относительно путей выхода из кризиса, в стране происходили митинги и марши социально незащищенных слоев населения. Своего пика кризис достиг в 1968–1973 гг. В 1967 г. президентские выборы выиграл генерал О. Хестидо²⁰, на которого многие возлагали надежды. Однако он умер в конце 1967 г., и на смену ему пришел Х. Пачеко Ареко²¹. Он ограничил демократические права и свободы граждан, ввел в 1968 г. чрезвычайное положение в стране, развязав руки полиции и репрессивным органам. Х. Пачеко Ареко сосредоточил власть в своих руках и игнорировал парламент. В период его президентства обострились общественные противоречия, уровень социального напряжения значительно вырос — развернули свою деятельность радикальные вооруженные группы, как ультраправые, так и левого толка, страну захлестнула череда политических убийств, репрессивные органы активно применяли пытки. В 1973 г. в стране была установлена военная диктатура²².

Профсоюз работников сахарной промышленности УТАА

Экономический кризис ударил в первую очередь по наиболее обездоленным слоям населения. К ним, в частности, относились работники сахарной промышленности северных районов Уругвая. В 1962 г. в департамент Артигас с целью оказать поддержку рубщикам сахарного тростника прибыл юрист и член Социалистической партии Рауль Сендик, будущий лидер и основатель революционного движения Тупамарос.

Белья-Уньон, город, куда приехал Сендик, расположен в департаменте Артигас, на границе Уругвая с Бразилией и Аргентиной, в 627 км от Монтевидео. В 1963 г. в провинции Артигас проживало 52 843 человека, в г. Белья-Уньон — 5 010²³. Несмотря на малочис-

²⁰ Оскар Хестидо (1901–1967) — уругвайский военный и государственный деятель, член Национальной партии, пользовался довольно широкой популярностью в уругвайском обществе.

²¹ Хорхе Пачеко Ареко (1920–1998) — уругвайский политический деятель, президент Уругвая (1967–1972). Санкционировал создание молодежной ультраправой организации Националистическая вооруженная оборона (Defensa Armada Nacionalista, DAN), осуществлявшей нападения, похищения, пытки и убийства противников режима и сотрудничавшая с полицией и государственными спецслужбами.

²² *Alonso Eloy R., Demasi C. Uruguay 1958–1968. Crisis y estancamiento.* Montevideo, 1986. P. 9.

²³ INE (Instituto Nacional de Estadística). Censo 1963. — URL: <http://www.ine.gub.uy/web/guest/censos-1963-1996> (06.12.2019)

ленность населения, городок был известен в стране, так как был единственным центром производства сахарного тростника в Уругвае. Большую часть населения Белья-Уньон составляли рубщики сахарного тростника и работники сахарных заводов.

Об этих событиях вспоминает М. Росенкоф²⁴ в своей работе «Восстание работников сахарной промышленности»²⁵. В 1960-е гг. он работал на севере в качестве корреспондента газеты «Эль Популар» (“El Popular”)²⁶. «На север, где процветали нищета, голод, эксплуатация, неграмотность и жестокость, в 1962 г. прибыл Рауль Сендик. Он бросил учебу на последнем курсе юридического факультета и отправился на север. Сендик начал консультировать рабочих. Он проводил встречи в горах, в зарослях сахарного тростника, организовывал и обучал рабочих, обосновывал необходимость вооруженного сопротивления, в случае, если на них идут с оружием. Он создал правовую школу среди “косматых”²⁷ и раздавал рабочим карамельки за правильные ответы по уже пройденным темам. Отличное чувство юмора, простота и храбрость. Этими чертами характеризовали его рабочие, которые о нем рассказывали»²⁸.

Рубщики сахарного тростника находились в бесправном положении: «работодатели не исполняли своих обязательств, государство практически не контролировало отношения между рабочими и лати-фундистами, зарплаты были ничтожными и оплачивались талонами, которые можно было потратить в столовых предприятия. Размер

²⁴ Маурисио Росенкоф (род. 30 июня 1933 г.) по прозвищу «Русский», «Леонель», «Горожанин» — уругвайский писатель и журналист. Основатель Союза Молодых коммунистов и один из лидеров Тупамарос. В 1972 г. М. Росенкоф вместе с Х. Мухикой и Э. Фернандесом Уидобро был задержан полицией и подвергнут пыткам. Находился в тюрьме вплоть до падения военной диктатуры (с 1972 по 1985 г.). М. Росенкоф был хорошо знаком с Р. Сендиком, активно участвовал в социальных протестах второй половины 1950-х — 1960-х гг.

²⁵ *Rosencof M. La rebelión cañera. Macehual // Información Obrera / Leega / Colectivo Raúl Sendic. México, 1984.* Р. Сендик попросил М. Росенкофа рассказать об истории борьбы работников сахарной промышленности Уругвая. Так появилась “La rebelión cañera”, где М. Росенкоф описывает тяжелое положение и протесты батраков из северных провинций Уругвая.

²⁶ “El Popular” — ежедневная газета Коммунистической партии Уругвая.

²⁷ Рубщики сахарного тростника были известны всей стране как “*peludos*” («косматые»). С. Меренсон указывает, что данное прозвище они получили по аналогии с распространенным в этих местах щетинистым броненосцем (“*tatú peludo*”). Г. Ойантсabal дает два определения “*peludos*”: 1. Жители уругвайской сельской местности, сельские пролетарии. 2. Наиболее обездоленный социальный слой Уругвая, деятельность которого способствовала возникновению «революционного сознания» в уругвайском обществе. (См.: *Merenson S. “Ser Peludo” Una etnografía histórica de tránsitos y pasajes en la construcción de un sujeto social // Anuario Antropología Social y Cultural en Uruguay. 2004–2005. P. 175–180. P. 176; Oyhantçabal G., Carámbula M. Op. cit. P. 297–298.*

²⁸ *Rosencof M. Op. cit. P. 15.*

зарплата никак не регулировался и зависел от частного решения бригадира. Рабочий день длился 10–12 часов, не поощрялись выходные в конце недели, не оплачивался отпуск»²⁹.

Существовавший в этой зоне профсоюз³⁰ был подчинен североамериканской компании «Американская Фактория» (“American Factory”) и не отстаивал интересы уругвайских рабочих. Обучая и консультируя местных тружеников, организуя их стачечную борьбу, Р. Сендик приобрел широкую известность и уважение в их среде. Его работа привела в итоге к созданию в сентябре 1961 г. независимого «Союза работников сахарной промышленности провинции Артигас» (далее УТАА — Unión de los Trabajadores Azucareros de Artigas) — наиболее значимого сельскохозяйственного профсоюза Уругвая³¹. Этот профсоюз объединил как рубщиков сахарного тростника, так и других рабочих, задействованных в сахарной промышленности. УТАА поставил своей целью борьбу за аграрную реформу, выдвинув лозунг “la tierra para el que la trabaja” («землю тем, кто ее обрабатывает»).

Марши УТАА на Монтевидео

Деятельность профсоюза вскоре получила широчайший резонанс на национальном уровне. После неудачной региональной забастовки в 1962 г., закончившейся увольнением рабочих, Р. Сендик организовал марш рубщиков сахарного тростника на Монтевидео. Этот марш был не первым в истории страны, однако он и последующие 4 марша «встряхнули» сытый Монтевидео и оказали огромное влияние на политическую и социальную обстановку в стране. «Марши УТАА не остались незамеченными: они активировали студенческие организации, профсоюзы, политические партии и объединения, депутатов, деятелей культуры, интеллектуальную элиту и, в то же время, встретили жесткое противодействие и осуждение в крупных периодических изданиях, в том числе в ежедневных газетах “El Día” и “El País”. Публичные выступления, демонстрации, политические акты, пресс-конференции, противостояния с полицией, задержания и аресты, дебаты в СМИ, церковные службы, кампании по сбору средств в поддержку митингующих, забастовки солидарности и другие события показали, что марши УТАА вызвали широчайший резонанс»³².

Всего с 1962 по 1971 г. состоялось 5 маршей рубщиков в Монтевидео. Они проходили после окончания сезона сбора сахарного

²⁹ Oyhançabal G., *Carámbula M.* Op. cit.

³⁰ CALPICA (Cooperativa Agropecuaria Limitada de Industrialización de la Caña de Azúcar) — Ограниченный сельскохозяйственный кооператив сахарной промышленности

³¹ Merenson S. El proceso de movilización ... P. 116.

³² Merenson S. Las marchas de la Unión de Trabajadores ... P. 73.

тростника. В ходе первого марша были установлены контакты митингующих со столичной прессой, произошло столкновение с полицией в одном из местных отделений Конфедерации профсоюзов Уругвая. Во время второго марша (1964) появляются знаменитые лозунги: «за землю, вместе с Сендиком» и «Сендик — крестьянский лидер». Третий (1965) и четвертый (1968) марши прошли в честь «мучеников»³³, погибших в борьбе за землю. И, наконец, пятый марш (1971) был последним перед установлением военной диктатуры³⁴.

В рамках данной работы нас интересует первый марш 1962 г. В январе 1962 г. УТАА организовал стачку работников сахарных заводов, расположенных рядом с г. Белья-Уньон. Владелец заводов временно согласился на требования рабочих, однако через месяц уволил всех стачечников. Профсоюз принял решение довести конфликт до высших инстанций. В конце апреля 1962 г. рубщики тростника вместе с женами и детьми на грузовиках отправляются в Монтевидео, где занимают подвал Федерации транспорта и разбивают лагерь рядом с одним из местных отделений Конфедерации профсоюзов Уругвая³⁵.

«Косматые» принесли с собой проект закона, регулирующий условия труда сельскохозяйственных рабочих. Рубщики находились в столице около месяца, отвечая на вопросы депутатов и СМИ, совершая марши к министерству труда. Официальная пресса развернула широкую кампанию по дискредитации митингующих, которая также была поддержана официозной Конфедерацией профсоюзов Уругвая.

5 июня многочисленная группа активистов УТАА во главе с Раулем Сендиком вошла в местное отделение Конфедерации профсоюзов. «Руководители отказывались принять их и забаррикадировались в офисах на первом этаже. Внизу рубщики дали волю своему гневу, разнесли всё на куски и развели огонь»³⁶. После поджога рабочие не бежали, 90 из них были задержаны и 36 осуждены.

Первый марш УТАА имел особое значение. В 1962 г., рубщики «расшевелили» столичную общественность, обнажив перед ней нищету, голод, безграмотность, болезни, социальную незащищенность, которые царили на севере Уругвая. Миф о благополучной «латиноамериканской Швейцарии» стал рушиться. Протест сельскохозяйственных рабочих частично сплотил разрозненные левые силы, которые объединились с целью помощи митингующим.

³³ Во время марша 1965 г. умер трехмесячный мальчик, а в 1968 г. погиб рубщик Л. Пинтос.

³⁴ Ibid. P. 74.

³⁵ *Fernández Huidobro E.* Historia de los Tupamaros. Montevideo, 2005. P. 19.

³⁶ *Blixen S. Sendic.* Montevideo, 2000. P. 70.

Левые в Уругвае. «Координация»

В начале 1960-х гг. левые силы в Уругвае были разрозненны и по-разному смотрели на концепцию вооруженной борьбы. Часть левых отрицала вооруженные методы борьбы и считала их неуместными в сложившейся ситуации. Ключевой политической силой, относящейся к данной группе была просоветская Коммунистическая партия Уругвая (КПУ). Социалистическая партия (СПУ), ориентировавшаяся на Социалистический интернационал, также считала приемлемым только эволюционный путь к социализму. Однако в самой СПУ, в том числе среди ее руководства, не было единства. Многие лидеры этой партии, такие как Р. Сендик и авторитетный руководитель социалистов Вивиан Триас, склонялись к допустимости и эффективности применения вооруженных методов борьбы в условиях ухудшения социально-экономической ситуации.

Среди сторонников «прямого действия» в первую очередь выделялась Федерация анархистов Уругвая (ФАУ), имевшая заметный вес в профсоюзном движении. В конце 1960-х гг. ФАУ создала свое вооруженное крыло — Народную революционную организацию 33-х (*Organización Popular Revolucionaria 33*, OPR-33). Прокубинское Восточное революционное движение (ВРД) во главе с А. Кольясо³⁷ в целом симпатизировали вооруженной борьбе, однако широко на практике ее не применяло.

Митингующие батраки с севера, ворвавшиеся на политическую сцену Монтевидео весной 1962 г., громогласно заявившие о рабских условиях труда и тем самым ужаснувшие столичную общественность, частично способствовали сплочению левой молодежи. Возник небольшой круг левых деятелей, стремящихся оказать поддержку протестующим. Это была небольшая группа активистов, выходцев из различных партий и течений — Федерации анархистов Уругвая, Восточного революционного движения, Союза молодых коммунистов, левого крыла Социалистической партии, революционеров из Бразилии и Аргентины, а также беспартийных³⁸. Группа получила название «Координация», т.к. стремилась скоординировать выступления рубщиков и действия дружественных митингующим левых сил.

³⁷ Восточное революционное движение (*Movimiento Revolucionario Oriental*) было основано адвокатом и юристом Ариэлем Кольясо. Он был депутатом Национальной партии. В конце 1960 г. под впечатлением от посещения революционной Кубы Кольясо покидает Национальную партию и 21 апреля 1961 г. создает Восточное революционное движение.

³⁸ *Rey Tristán E.* La Izquierda revolucionaria uruguaya, 1955–1973. Sevilla, 2005. P. 448–449.

Участниками «Координации» были молодые люди, вдохновленные национальной музыкой, песнями Д. Виглиетти³⁹, Кубинской революцией. Они организовывали встречи в Ла Техе — пролетарском районе Монтевидео, где проживало много профсоюзных активистов. Активисты «Координации» собирались в подвале парикмахерской, принадлежащей одному из их товарищей, и вели политические дискуссии⁴⁰. Бывший тупамаро Хорхе Торрес в книге Роландо Сассо рассказывает, что «главным материалом для обсуждения на собраниях в Ла Техе были две Гаванские декларации⁴¹. Это была информационная база, влиявшая на тех, кто пришел в “Координацию”. В ней объединились люди, которых изгнали из Восточного революционного движения, ребята, которые были в разногласиях с Федерацией анархистов Уругвая, Рикардо Элена, Марио Навильят и другие»⁴².

Однако частичное сплочение левых сил вокруг протестующих рабочих из УТАА оказалось временным. 1962 год был годом выборов, поэтому левые партии активно вовлеклись в предвыборную гонку, объединяясь в блоки. Компартия с Восточным революционным движением и рядом других менее значимых групп сформировали «Левый фронт за свободу» с многозначительной аббревиатурой «Фидель» (Frente Izquierda de Libertad — FIDEL). «Социалистическая партия установила связи с интеллигенцией, разочарованной положением в стране и в большинстве своем выходящей из традиционных партий “Колорадо” и “Бланко”, и сформировала свою коалицию “Народный союз” (“Unión Popular”)⁴³. Идейные разногласия не давали коммунистам и социалистам объединиться и создать единую коалицию.

Р. Сендик был обеспокоен политической разнородностью участников «Координации», т.к. в группу входили представители

³⁹ Даниэль Виглиетти (1939–2017) — уругвайский музыкант, композитор и гитарист. Один из наиболее известных в Латинской Америке представителей уругвайской музыки. В его творчестве нашли отражение национальный фольклор и свободолюбивая лирика.

⁴⁰ Sasso R. Tupamaros. Los comienzos. Montevideo, 2012. P. 50.

⁴¹ Гаванские декларации, принятые в 1960 г. и в 1962 г. — первые программные документы Кубинской революции (1959). Декларации осудили вмешательство США во внутренние дела латиноамериканских стран. В декларациях осуждается лагундизм, эксплуатация человека человеком, расовая дискриминация, социальное неравенство, военные и политические олигархии и т.д. Вторая Гаванская декларация указывала на возможность и необходимость свержения североамериканского империализма в Латинской Америке. (См.: Кастро Ф. Речи и выступления. М., 1960. С. 567–574; Он же. Речи и выступления, 1961–1963. М., 1963. С. 773–812).

⁴² Torres J. Testimonio. Цит. по: Sasso R. Op. cit. P. 54.

⁴³ Иванов Н.С. Уругвай: демократия, не выдержавшая испытание временем // История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М., 2004. С. 394.

противоборствующих левых блоков. С одной стороны, это привело к тому, что многих активистов «Координации» исключили из их партий. С другой стороны, остальные участники фактически сохраняли принадлежность к двум организациям — своей политической партии и «Координации». В частности, сам Рауль Сендик состоял в руководстве СПУ, однако это не мешало ему действовать автономно. Группу активистов «Координации» из Восточного революционного движения исключили из партии и назвали предателями за сотрудничество с социалистами⁴⁴.

В обострившейся политической борьбе левых сил рубрики сахарного тростника отошли на второй план. Одним из требований батраков из Артигаса была передача в пользование сельскохозяйственным рабочим более 25 тысяч гектаров необрабатываемой земли, принадлежавшей латифундистам. Активисты из УТАА уже пытались занять эти земли, однако ее владельцы использовали полицию, чтобы разогнать новоявленных «диггеров». Рауль Сендик хотел повторить попытку захвата пустующих земель и призвал левые силы помочь протестующим: «Мы займем эти земли, если вы нам поможете, если Монтевидео нам поможет, если городские профсоюзы нам помогут, если рабочий класс присоединится к борьбе. В противном случае, хватит одного выезда полиции — нас побьют и посадят в тюрьму»⁴⁵. Однако призыв Сендика не получил отклика увлекшихся предвыборной гонкой левых.

Члены «Координации», осознав, что протестующие не получат широкой поддержки в случае, если предпримут попытку экспроприации земли, отправились в г. Белья-Уньон, чтобы предупредить рабочих о бессмысленности захвата земель в данный момент. Активисты понимали, что они действуют самовольно, без одобрения организаций, к которым они принадлежали, и что такой поступок чреват исключением из партии. В дальнейшем так и произошло.

Левые активисты, сплотившиеся с целью помочь митингующим, не добились никаких изменений — правительство бездействовало, а официальная пресса развернула информационную войну против рабочих. Участники «Координации» увидели истинное лицо «демократического» Уругвая — закон защищал капиталистов, права трудящихся повсеместно нарушались. Кризис лишь вскрыл язвы существующей системы. Другим разочарованием, ожидавшим молодых борцов за справедливость, была позиция традиционных левых партий. Коммунисты и социалисты погрязли в бесконечных теоретических дискуссиях, не предпринимая серьезных действий для

⁴⁴ Huidobro E.F. Op. cit. P. 32.

⁴⁵ Цит. по: Fernández Huidobro E. Op. cit. P. 22–23.

оказания поддержки протестующему профсоюзу. Многих активистов исключили из их партий за сотрудничество с другими левыми силами. В результате они начинают теснее общаться с другими участниками «Координации».

1963 г. Переход к вооруженной борьбе

На встречах «Координации» в Ла Техе обсуждались пути осуществления социалистической революции, мировой революционный опыт, актуальные политические события, в частности борьба перуанских крестьян за землю под руководством Уго Бланко. Иногда дискуссии касались вооруженной борьбы. Кто-то выдвинул идею экспроприировать оружие из стрелкового тира. Сложилась группа из 9 человек, которая стала планировать операцию «Швейцарский тир»⁴⁶. Эта операция, несмотря на всю скромность ее масштаба, стала важной вехой в истории движения, т.к. ознакомила с вооруженными методами борьбы.

Необходимость вооруженной защиты интересов рубщиков Р. Сендик начал осознавать еще ранее. По воспоминаниям товарищей, он носил с собой револьвер уже с 1961 г. В начале 1963 г. заболевшего Р. Сендика, пришедшего в поликлинику, незаконно задержала полиция. Его на сутки бросили в изолятор, где находились другие его коллеги из УТАА. Когда на следующий день их освободили, полиция объяснила, что задержание фактически не имело под собой оснований и было необходимо для того, чтобы они не устроили еще одну забастовку. Это возмутило Р. Сендика, и он описал данный случай в упомянутой ранее статье «Револьвер или Конституция?» «Социалисты в этой стране уже не имеют никаких прав, — отмечал он, — Конституция и республика нас не защищают. Законы, дающие права и гарантии их соблюдения, на нас не распространяются. <...> Сегодня куда больше гарантий нам смог бы дать заряженный револьвер, а не Конституция республики вместе с законами, призванными защищать наши права. <...> Мы не можем больше ждать, что депутаты-социалисты будут отстаивать наши права в парламенте. Пора задуматься о том, как защитить себя самостоятельно. Мы не можем надеяться, что кто-то сделает это за нас»⁴⁷. Другим фактором, укрепившим мысль о необходимости перехода к вооруженной борьбе, вероятно, стал выход книги Че Гевары «Партизанская война»⁴⁸, которая, согласно воспоминаниям бывшего тупамаро Хулио Мареналеса, оказала значительное влияние на Р. Сендика.

⁴⁶ Actas tupamaras. Rosario, 2003. P. 57–58.

⁴⁷ *Sendic R. ¿Un revolver o la Constitución? // El Sol. 22.03.1963.*

⁴⁸ *Guevara E. La Guerra de Guerrillas. 1960.*

В конце июля группа из 9 человек, проникнув в стрелковый тир в городе Нуэва-Эльвесия⁴⁹, смогла вывезти «ящики с патронами, несколько коллекционных ружей, охотничье ружье и более 30 боевых винтовок маузер без затвора»⁵⁰. Вскоре полиция вышла на след Сендика и изъяла часть оружия. Р. Сендику пришлось уйти в подполье. Подробности этой акции описаны в сборнике воспоминаний Тупамарос⁵¹.

Операция имела не столько практическое, сколько символическое значение — она явилась первой акцией новой революционной группы, вставшей на путь вооруженной борьбы, и «боевым крещением» активистов движения. Кроме того, расследование полицией данного дела вынудило Р. Сендика и часть других участников акции уйти в подполье, тем самым окончательно отрезав для них путь легальной борьбы.

Переходу к методам вооруженной борьбы способствовали следующие факторы. Во-первых, осознание участниками «Координации» безрезультатности легальных методов борьбы и понимание того, что находящиеся у власти круги не готовы делиться своими привилегиями, доходами и землями с трудящимися — за это надо бороться. Во-вторых, разочарование в позиции традиционных левых партий, их бесконечная «говорильня» и политические споры, а также исключение многих активистов из партий за работу в рамках «Координации». В-третьих, будущих тупамарос вдохновлял опыт Кубинской революции. Теория «партизанского очага» Эрнесто Че Гевары, согласно которой народные силы могут одержать победу над регулярной армией, а маленький «мотор» в состоянии привести в движение «большой двигатель», ускорить созревание революционной ситуации, была одной из основополагающих идей движения Тупамарос.

От «Координации» к Движению за национальное освобождение — Тупамарос

С 1963 по 1965 г. участники «Координации» предприняли ряд дерзких и успешных акции. Вскоре после операции «Швейцарский тир» они совершили еще одну экспроприацию оружия на таможене в г. Белья-Уньон, освободили задержанных за профсоюзную деятельность рубщиков из УТАА из полицейского участка Уругвайаны. В декабре 1963 г., перед Рождеством, активисты «Координации»

⁴⁹ Нуэва-Эльвесия — город в департаменте Колония, в южной части Уругвая. Исторически эти территории были населены швейцарскими эмигрантами, поэтому город раньше назывался Швейцарской Колонией.

⁵⁰ *Guerrero M.J. Los Tupamaros, segundo poder de Uruguay. Barcelona, 1972. P. 53.*

⁵¹ *Actas tupamaras.*

осуществили «Операцию кантегриль»⁵² — захватили грузовики с продуктами и сладостями и бесплатно раздали их бедному населению из трущоб вокруг Монтевидео. Кроме того, в знак протеста против экономической блокады Кубы был осуществлен ряд покушений на имущество некоторых североамериканских компаний и жилища их руководителей, это были взрывы с целью нанесения экономического ущерба⁵³.

В 1964 г. появляется подпись «Тупамарос» в листовках, распространяемых левыми активистами, а также в виде граффити на стенах Монтевидео. Первое упоминание относится к октябрю 1964 г., когда одна из групп «Координации» издала и распространяла в университетских кругах брошюрку объемом в 10 страниц, озаглавленную «Тупамарос». Под ней была нарисована пятиконечная звезда и лозунг «Вооружайся и жди». Эта брошюрка призывала создавать подпольные группы «прямого действия» с целью восстания и дальнейшего захвата власти. Название «Тупамарос» возникало и в дальнейших акциях «Координации»⁵⁴.

В конце 1964 — начале 1965 г. происходит распад «Координации». Это было связано, во-первых, с арестом троих рубщиков сахарного тростника из УТАА, активных участников группы — Сантаны, Вике и Кастильо. Их подозревали в ограблении банка. Во-вторых, в начале 1965 г. исчезло оружие, экспроприированное накануне из оружейного магазина. Исчезновение оружия вызвало внутреннее напряжение в организации⁵⁵.

Для обсуждения данных вопросов было решено провести собрание активистов в небольшом курортном городке Парке-дель-Плата, расположенном на юге Уругвая. Там было принято решение о создании новой организации с единым руководством и уставом, получившей официальное название Движение за национальное освобождение — Тупамарос. На собрании были приняты ключевые положения, которые легли в основу движения: они сводились к необходимости вести активную партизанскую борьбу в городских условиях с целью захвата власти и установления социалистического общества⁵⁶.

⁵² Кантегриль (Cantegril) — так в Уругвае называют трущобы вокруг Монтевидео. Подробнее об «Операции кантегриль» см.: Actas tupamaras. P. 65–68.

⁵³ Aldrich C. El Movimiento de Liberación Nacional Tupamaros (1965–1975). Estructura interna, fases de desarrollo y política de alianzas // Por el camino del Che. Las guerrillas latinoamericanas 1959–1990. Buenos Aires, 2011. P. 245.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Bordas Martínez J. Tupamaros: Derrota militar, doble metamorfosis política y victoria judicial y electoral. Tesis doctoral. Madrid, 2014. P. 43.

⁵⁶ Sasso R. Tupamaros. Los comienzos. Montevideo, 2012. P. 62–63.

Приблизительно две трети бывших участников «Координации» влились в МЛН, образовав три группы бойцов. «Первая группа состояла из выходцев из Социалистической партии. <...>. Вторую группу сформировал Рауль Сендик, в нее вошли рубщики сахарного тростника, члены профсоюза УТАА. Третья группа — ребята из Ла Техи — в большинстве своем вышли из партии Восточное революционное движение, основанное Ариэлем Кольясо и отколовшееся от Национальной партии. <...> Ключевой представитель этой группы — Фернандес Уидобро, к ним также присоединился Хосе Мухика (бывший член Национальной партии, эррерист), симпатизирующий анархизму»⁵⁷. Таким образом, в единое движение слились революционно настроенные социалисты и рубщики, анархосиндикалисты и латиноамериканские националисты.

В 1965 г. на основе «Координации» возникла новая, иная по своему характеру организация — Движение за национальное освобождение — Тупамарос. Если «Координация» была группой поддержки и «самообороны» протестующих рабочих — ее действия в первую очередь были направлены на защиту интересов рубщиков и координацию дружественных протестующим сил, то движение Тупамарос стало организацией прямого действия, перешло к вооруженным методам борьбы с режимом и к наступательным партизанским операциям в городских условиях. Путь, от мирной «Координации» к подпольному военизированному движению Тупамарос занял три года — с 1962 по 1965 г. Ключевой вехой на этом пути стала экспроприация оружия из стрелкового тира в 1963 г.

Во второй половине 1960-х гг. движение Тупамарос приобрело заметное политическое влияние в стране, а многие его акции прогремели не только в Латинской Америке, но и во всем мире. Тупамарос использовали преимущественно тактику городской герильи, а известность, которой они пользовались в конце 1960-х гг., способствовала распространению данного метода борьбы в других странах.

Лидеры движения после падения военной диктатуры в 1985 г. перешли к легальным методам борьбы, влились в общественно-политическую жизнь Уругвая и стали играть в ней важную роль. В частности, в 2010–2015 гг. бывший тупамаро Хосе Мухика занимал президентский пост, пользуясь широкой популярностью в стране и во всем латиноамериканском регионе за свое бескорыстие и честность.

⁵⁷ *Garcé A. Donde hubo fuego. Montevideo, 2006. P. 35.*

Список литературы

Демушкина, Е.В. «Тупамарос» или «Движение за национальное освобождение» Уругвая (1962–1972 гг.) // Латинская Америка. 1974. № 1. С. 111–126.

Зизева Э.В. От демократии к военной диктатуре: экономический и политический кризис в Уругвае (вторая половина 1950-х — 1973 г.) // Человеческий капитал. 2019. № 3(123), С. 30–37.

Иванов Н.С. Уругвай: демократия, не выдержавшая испытание временем // История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2004. С. 387–413.

Коларов Г.И. Городская «герилья» в Латинской Америке: «Тупамарос» и «Монтонерос» // Вестник РУДН. Сер. Политология. 2013. № 1. С. 111–126.

Aldrichi C. El Movimiento de Liberación Nacional Tupamaros (1965–1975). Estructura interna, fases de desarrollo y política de alianzas // Por el camino del Che. Las guerrillas latinoamericanas 1959–1990. Buenos Aires: Imago Mundi, 2011. P. 243–283.

Aldrichi C. La izquierda armada. Ideología, ética e identidad en el MLNTupamaros. Montevideo: Ediciones Trilce, 2001. 240 p.

Alonso Eloy R., Demasi C. Uruguay 1958–1968. Crisis y estancamiento. Montevideo: EBO, 1986. 160 p.

Blixen S. Sendic. Montevideo: Ediciones Trilce, 2000. 343 p.

Bordas Martínez J. Tupamaros: Derrota militar, doble metamorfosis política y victoria judicial y electoral. Tesis doctoral. Madrid, 2014. 518 p.

Fernández Huidobro E. Historia de los Tupamaros. Montevideo: EBO, 2005. 419 p.

Garcé A. Donde hubo fuego. Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2006. 254 p.

Gatto H. El cielo por asalto. El Movimiento de Liberación Nacional (Tupamaros) y la izquierda uruguaya (1963–1972). Montevideo: Taurus, 2004. 449 p.

Gerardo Prieto R. Por la tierra y por la libertad: Trabajadores rurales y proceso revolucionario, UTAA y MNLТ (Movimiento Nacional de Lucha por la Tierra). Montevideo: Nordan Comunidad, 1986. 186 p.

González Sierra Y. Los olvidados de la tierra: Vida, organización y luchas de los sindicatos rurales. Montevideo: Nordan Comunidad, 1994. 292 p.

Guerrero M.J. Los Tupamaros, segundo poder de Uruguay. Barcelona: Clio, 1972. 158 p.

Lessa A. La revolución imposible. Los Tupamaros y el fracaso de la vía armada en el Uruguay del siglo XX. Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2010. 346 p.

Merenson S. El proceso de movilización y radicalización política de la Unión de Trabajadores Azucareros de Artigas (1961–1972) // Historia y problemas del siglo XX. Vol. 1. Año 1. 2010. P. 115–132.

Merenson S. Las marchas de la Unión de Trabajadores Azucareros de Artigas. La producción ritual de una formación discursive // Anuario Antropología social y Cultural en Uruguay. 2009–2010. P. 71–88.

Merenson S. “Ser Peludo” Una etnografía histórica de tránsitos y pasajes en la construcción de un sujeto social // Anuario Antropología Social y Cultural en Uruguay. 2004–2005. P. 175–180.

Nahum B., Cocchi A., Frega A., Maronna M., Trochó N.I. El fin del Uruguay liberal. T. 8. Montevideo: EBO, 1998. 282 p.

Oyhantçabal G., Carámbul M. Lucha por la tierra en el norte de Uruguay // Astrolabio. Nueva Época. 2011. № 7. P. 284–312. — URL: <https://revistas.unc.edu.ar/index.php/astrolabio/article/view/491>

Rey Tristán E. La Izquierda revolucionaria uruguaya, 1955–1973. Sevilla: Universidad de Sevilla, 2005. 472 p.

Sasso R. Tupamaros. Los comienzos. Montevideo: Editorial Fin de Siglo, 2012. 260 p.

Поступила в редакцию
15 января 2020 г.

Вл.В. Седов*

ОБ АНТРОПОМОРФНОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ ХРАМОВ

Vi.V. Sedov

CONCERNING THE ANTHROPOMORPHISM OF ANCIENT RUSSIAN CHURCHES

Аннотация. Статья посвящена пока еще совсем не изученному вопросу о возможном антропоморфном восприятии древнерусских церквей. Работа основана на изучении древнерусских письменных источников, в основном летописей, а также описей, грамот, житий, описаний путешествий. Сведения, извлеченные из письменных источников, сгруппированы в статье по отдельным словам, которые при описании церкви использовали древнерусские литераторы в качестве антропоморфных терминов: верх, глава, лоб, шея, подглавие, плечи, пояс, подошва. В некоторых документах встречаются единичные термины или их пары; есть примеры более последовательного употребления нескольких терминов сразу. Хронологически антропоморфные термины были распространены в древнерусской письменности на всем протяжении ее существования, т.е. с XI по XVII в. Они встречаются в самом широком круге документов. В результате изучения терминов было выявлено, что древнерусская церковь описывалась примерно так же, как человеческая фигура, причем порядок описания был сверху вниз. Подобные описания с такой же последовательностью, с использованием похожих антропоморфных терминов находим в итальянском и поствизантийских руководствах по живописи, где дается пропорциональный анализ человеческой фигуры. Некоторые схожие с древнерусскими антропоморфные термины встречаются в византийских описаниях храмов или в виде отдельных слов. Можно предположить, что древнерусский набор антропоморфных терминов имеет византийское происхождение. Сравнение с человеческой фигурой, возникающее при чтении подобных описаний, является вероятным ключом к пониманию пропорций древнерусских церквей, которые оценивались через призму человеческих пропорций и их стандартов того времени. На основе предлагаемого нами подхода возможно также более широкое употребление исторических, документированных терминов в современной искусствоведческой литературе. Круг антропоморфных терминов, описы-

* *Седов Владимир Валентинович*, доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета МГУ, главный научный сотрудник Института археологии РАН

Sedov Vladimir Valentinovich, Doctor of Arts, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University; Chief Researcher, Institute of Archeology, RAS

+7-495-939-26-84; sedov1960@mail.ru

вающих архитектуру древнерусских церквей, достаточно широк и неплохо документирован, возможно, он будет еще расширен в дальнейшем, но уже сейчас на его основании можно обогатить наши представления о понимании архитектуры в средневековой Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусская архитектура, церкви, летописные источники, грамоты, описи, пропорции в архитектуре, античные и византийские источники, возможное византийское происхождение.

Abstract. The article concerns the still completely unexplored issue of the possible anthropomorphic perception of the Old Russian churches. The work is based on the study of Old Russian written sources, mainly chronicles, as well as inventories, charters, lives, travel descriptions. The information extracted from written sources is grouped in the article by individual words, which were used by Old Russian writers as anthropomorphic terms when describing the church: “top”, “head”, “forehead”, “neck”, “under head”, “shoulders”, “belt”, “foot”. Some documents contain single terms or their pairs; there are examples of a more consistent use of several terms concurrently. Chronologically, anthropomorphic terms were common in Old Russian literature throughout its history, that is, from the 11th to the 17th centuries. They are found in an extensive range of documents. A careful examination of the terms has revealed that the Old Russian church was described in approximately the same way as a human figure, and the objects were described sequentially from top to bottom. Similar descriptions with the same sequence, using similar anthropomorphic terms, are found in Italian and post-Byzantine painting manuals, where a proportional analysis of the human figure is given. Some anthropomorphic terms similar to the Old Russian ones are found in Byzantine descriptions of temples or in the form of separate words. It can be assumed that the Old Russian set of anthropomorphic terms is of Byzantine origin. The comparison with the human figure, that arises when one reads such descriptions, is a likely key to understanding the proportions of ancient Russian churches, which were interpreted through the prism of human proportions and their standards of the time. The proposed approach also permits more extensive use of historical, written terms in contemporary art history literature. The range of anthropomorphic terms describing the architecture of ancient Russian churches is quite wide and well documented. Perhaps it will be expanded in the future, but already now, on its basis, it is possible to enrich the understanding of architecture in medieval Russia.

Keywords: Old Russia, Old Russian architecture, churches, chronicles, charters, inventories, proportions in architecture, Ancient and Byzantine sources, possible Byzantine origin.

* * *

Исследователю древнерусской архитектуры часто приходится сталкиваться с проблемой определения пропорций каменных храмов. Зритель оценивает эти пропорции в целом, распределяя их чаще всего на тяжелые, обычные и вертикальные, т.е. на три группы. Но это деление очень условно, оно основывается на первичной оценке и может помочь только при беглом анализе. Материал — древнерусские храмы — очевидно требует более глубокого исследования

пропорций, но источников, на первый взгляд, не хватает для академического изучения ситуации с пропорциями.

Дело в том, что в древнерусской письменной традиции не было полноценного, общего и детального описания архитектурных сооружений, отсутствует сам жанр такого описания, экфрасис, распостраненный, например, в Византии¹. Это существенно затрудняет подход к материалу.

Несколько лет назад, описывая и анализируя архитектуру церкви Двенадцати Апостолов на Пропастях в Новгороде, автор этой статьи предположил, что вытянутые пропорции этого храма как-то связаны с антропоморфностью православных храмов, что посредством утонченных, вытянутых пропорций они передают благодать — примерно так, как это происходит на иконах². Однако это предположение буквально повисло в воздухе, поскольку требовало фактического подтверждения.

В течение нескольких лет автор собирал материал, в котором содержатся древнерусские описания или упоминания церквей (другие постройки рассматривались только в качестве дополнительных примеров), которые, как оказалось, книжники видели фрагментарно, называя отдельные части храмов словами, обозначающими части человеческой фигуры. Таких описаний набралось довольно много, они складываются в достаточно цельную картину, рассмотрение которой мы начнем с верха здания, и постепенно будем опускаться вниз, фиксируя известные нам древнерусские определения.

Верх

Нередко завершение храма, его барабан и купол над ним, называется в источниках «верхом». Так, в рассказе древнерусского «Сказания чудес святых мучеников Романа и Давида» говорится о катастрофе верха построенного князем Святославом Ярославичем (князь киевский в 1073–1076 гг.) храма в Вышгороде, который упал вниз и разрушил весь остальной храм.

В 1467 (6975) г. при обновлении монастырской церкви Вознесения видно, что храм был построен прежней заказчицей до уровня «кольца», выше которого должен был быть «верх», но верх этот не был сведен, закончен: «Того же лѣта обновлена церкви на Москвѣ Възнесеніе каменое великою княгинею Марією Васильевою Васильевича, а заложена была та церковь великою княгинею Еудокеею

¹ *Macrides R., Magdalino P.* The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia // *Byzantine and modern Greek Studies (BMGS)*. 1988. N 12. P. 47–82.

² *Седов Вл.В.* Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // *Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина.* М., 2009. С. 172–189.

Дмитріевою Ивановичя преже сего за 60 лѣтъ и два лѣта, и при ней не много ея въздѣлано; и того же лѣта преставися и положена въ тои же церкви. По многихъ же лѣтахъ начать ту церковь съврѣшати великая княгини Софіа и съврѣши ея по кольцо, идѣже врѣху бытии, но врѣху не сведе. По многихъ же пожарѣхъ изгорѣвшу каменію около ея, и сводомъ двигшися, княгини же великая Маріа въсхотѣ ея разобравъ нову поставити, а внутри ея все твердо ...»³.

Верхи у церкви могли считать так, как это было сделано в древнерусском «Сказании чудес святых мучеников Романа и Давида. В «Чуде втором о слепце» содержится рассказ о построении киевским князем Ярославом Мудрым (1019–1054) церкви над местом погребения Бориса и Глеба в Вышгороде; подчеркивается, что выстроенный храм был с пятью верхами: «И годѣ бысть князю съвѣтъ его, и възгради церквь велику, имѣющую врѣховъ 5, и испьса всю, и украси ю всею красотою»⁴. Эта церковь через 20 лет уже стала разрушаться, и сын князя Ярослава, князь Изяслав Ярославич (1054–1078) задумал построить на ее месте уже одноглавый храм: «И минувшемъ лѣтомъ 20, и църкьви уже обетѣшавъши, и умысли Изяславъ възградити църквь нову святыима страстотърпцема въ врѣхъ въ одинъ»⁵.

Считал количество верхов некоторых древнерусских храмов и автор текста «Списка русских городов дальних и ближних», составленного на рубеже XIV–XV вв.: «Киев деревян на Днепре, а церкы святаа Богородиця Десятиннаа камена была о полутретьятцати версех, а святаа Софіа о 12 версех»; «Новгород Великий, детинец камен. А болшии деревян. А святаа Софіа о шести версех»⁶.

Верхи считает и автор статей о постройке Успенского собора во Владимире в Тверской летописи. В статье о событиях 1158 г. летописец говорит о храме с одним верхом: «Въ лѣто 6666. Князь великий Андрей Юриевичъ заложи Володимери церковь святую Богородицу Успение каменну, обь единомъ версѣ, априля 8; и дасть ей много имениа, свободы купленыа и з данми, и села лучшаа, и десятое в стадехъ своихъ, и в торгу десятое»⁷. В статье о смерти князя Всеволода Большое Гнездо (под 6720 годом) в той же летописи говорится сначала об одноверхом храме князя Андрея, а потом о прибавлении четырех верхов князем Всеволодом: «Тоѣ же весны, априля 15, на память святыхъ апостоль Аристарха (Пуда и Трофима), преставися благовѣрный

³ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 217.

⁴ Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исследование и подготовка текстов Н.И. Милютенко. СПб., 2006. С. 322.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 94, 96.

⁷ Рогожский летописец, Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. С. 226.

князь великий Всеволодъ Юриевичъ, зовемый Димитрий, въ недѣлю; а въ понедѣльникъ положень бысть въ гробъ въ церкви свята Богородица Владимерския, юже създаль братъ его Андрѣй объ единомъ версѣ, онъ же пристави четыри връхи и позлати»⁸.

Верхов может быть просто «много», как это видно из сообщения Русского хронографа под 1550 (7058) г. о том, что у строящейся церкви (собора) Новодевичьего монастыря в Москве обвалились верхи и упавшие части убили строителей и проломили церковный пол («мост»): «Того жъ лѣта в Новодѣвичьемъ монастырѣ, что на Дорогомилловѣ, у церкви Рожества Пречистыя каменные верхи обвалилися, во июли мѣсяцы, и до земли мость проломило, людей много побило, которые церковь дѣлали»⁹.

И все же, несколько верхов — это, скорее, исключение. Верх обычно один, он подобен «верху» человека, его шее и голове, это завершение, кульминация храма. Во всяком случае, ситуация с одним верхом ближе к антропоморфной структуре, тогда как несколько верхов все же предполагают наличие одной средней или основной доминанты (верха) и подчиненное положение остальных верхов, всегда меньших по размерам.

Верх храма мог быть позолочен, покрыт позолоченными медными листами или просто золотыми листами. В летописных источниках церковь может называться Златоверхой или Золотоверхой, как, например, церковь Михаила Архангела, заложенная в киевском монастыре князем Святополком Изяславичем в 1108 г.: «Заложена быс(ть) церкы с(вя)таг(о) Михаила Золотоверхая С(вя)тополком князем въ 11 июулия м(е)с(я)ца»¹⁰.

Золотоверхой называлась и церковь (позднее собор) Успения во Владимире, построенная по заказу князя Андрея Юрьевича (Боголюбского) в 1158–1160 гг.; о начале работ по росписи этого храма в 1161 г. летописец сообщает: «Почата быс(ть) писати ц(е)рк(в)ы Володимери Золотоверхая, а кончана августа въ 30»¹¹.

Известно, что в Византии термин «Златоверхий» применялся к храму Пресвятой Богородицы в Трапезунде: в поздневизантийское время хроника Михаила Панарета называет этот храм Златоверхим (даже точнее — Златоглавым, Хрисокефал) в сообщениях 1297, 1342, 1364 и 1426 гг.¹² Это, вероятно, значит, что термин Златоглавый (Зо-

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. СПб., 1911. С. 531.

¹⁰ Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стлб. 283..

¹¹ Там же. Стлб. 351.

¹² *Михаил Панарет. О Великих Комнинах (Трапезундская хроника) / Критическое изд. и перевод под ред. академика РАН С.П. Карпова. СПб., 2019. С. 79, 85, 101, 113.*

лотоверхий) пришел на Русь из Византии; кроме того, ясно, что в Византии верх храма называли «главой», «головой».

Верх = лоб

Вместе с тем, верх мог быть обит («побит») железом, т.е. покрыт железными листами, как об этом под 1467 (6975) г. сообщает Первая Псковская летопись: «Побиша железом верх оу святеи Троицы, а повелением раб божиих старост Леонтия посадника Макаринича и Юрья Тимофеевича»¹³. И та же часть того же самого храма, названная в одной летописи «верхом», в другой летописи могла быть названа «лбом», т.е. по части человеческого тела: «Побиша лоб оу святыа Троица железом»¹⁴ (Псковская 3-я летопись). Итак, у церкви может быть «лоб», этот лоб располагается там же, где и верх — в районе барабана и купола. Купол это и есть лоб.

Лоб

Наверху церкви возвышается лоб, который принимает на себя удар молнии, в приведенном ниже летописном сообщении 1533 (7041) г., касающемся церкви Бориса и Глеба на Арбате в Москве. Молния разбила маковицу под крестом (т.е. сделанный выше купола второй купол, устроенный по журавцам из какого-то материала, чаще из железа), потом пробила лоб церкви (собственно купол, свод церкви над барабаном) и прошла ниже, проникнув и через пол храма («мост в церкви»): «Тоѣ же весны, Маія 24 въ субботу, въ 13 часть дни, бысть туча з западные страны страшна, и гром велій и молоніа, и разшибе молонію у церкви святыхъ праведныхъ страстотерпець Бориса и Глѣба маковицу подъ крестомъ и прошибе лобъ церьковный и мость въ церкви; и на томъ же Арбатѣ уби молоньею женщину да дѣвицу»¹⁵.

Глава

Над церковью возвышается, как мы видели выше, «верх», у которого может быть «лоб». Но эту же часть называют также «главой», как это сделано в сообщении 1641 г. о грозе и попадании молнии в церковь Успения на Козьей Боротке (на Торгу) в Новгороде: «В лето 7149 июня в 30 день во 12 час дни в Великом Новеграде у Вуспения богородицы на Козьи Бородки от грому и молнии стрелкою громовою розбило главу и шею церковную пробило, и в церкви святей святых икон много опалило, и оклады иконные посодрало и перепортило, и идее за правым крылосом и столпом в помост церковный, и четверть столпа церковнаго разбило»¹⁶. Термин «глава», безусловно, более

¹³ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 73.

¹⁴ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 163.

¹⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 68–69.

¹⁶ *Тихомиров М.Н.* Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 273–323.

антропоморфный, чем «верх», но он, кажется, менее распространен и к тому же несколько более поздний.

Верх = глава и шея

В 1477 г. во время грозы молния попала в «верх церковный» храма Успения Богородицы Симонова монастыря в Москве, причем в результате упали «глава церковная и шея», т.е. мы можем увидеть, что «верх» обозначает всю конструкцию наверху храма, он состоит из главы и находящейся под ней (держщей ее) шеи — светового барабана под куполом: «В лето 6985. Септемвриа 1 гром бысть зело, и стрела громная прииде в верх церковный, и падеся глава церковная и шея внутрь церкви Пречистыя Успение на Симонове, яко поколебатися и месту от гремения страшнаго»¹⁷.

Ту же двусоставность «верха», делящегося на шею и расположенную выше главу, видим в летописном рассказе о сооружении в 1681–1683 гг. в Тобольске каменного Софийского собора, который в 1683 г. был построен почти до самого верха, но в 1684 г. рухнул: «А во 191-м году апреля в 22 день почали созидать святую соборную апосталскую церковь каменную и склали верх шеи немного не до главы. И во 192-м году июня в 17 день паде у церкви столбы и обломилися своды, и верх весь паде внутрь церкви»¹⁸.

Немного сложнее сообщение летописи о постройке Успенского собора Московского Кремля Аристотелем Фиораванти. Под 1478 (6986) г. летописец рассказывает, что у Успенского собора были закончены («свершены») четыре «верха», т.е. четыре главы, но потом относительно средней главы (что следует из контекста и прямого указания, что она «большая») он переходит на термин «шея» и повествует о том, что вокруг нее «Того же лѣта свершена бысть церкви каменная святая Богородица. Сътвори же у нея Аристотель верхи четыре, около шеи большіе казну сътвори, ...»¹⁹.

Шея

Волынский князь Владимир Василькович (ум. в 1289 г.) построил церковь Георгия в Любомле: «в Любомли ж постави ц(е)рк(о)вь каменную с(в)ят(о)го и великого м(у)ч(е)н(и)ка Х(ристо)ва Георгия», причем была начата и стенная роспись этого храма, которая ограничилась только алтарем и была произведена также в церковной шее: «почал же бѣше писати ю и списа все три олтаре, и шия вся съписана быс(ть) но не скончана»²⁰.

¹⁷ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 162.

¹⁸ Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи (Головинская редакция) // ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 216.

¹⁹ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX.. М., 2005. С. 335.

²⁰ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 927.

Очень интересный текст содержится под 1474 (6984) г. в Симеоновской летописи: описывается гроза, во время которой удар молнии разрушил церковный верх (т.е. и купол, и барабан под ним), причем барабан был разрушен «по шейные окна»: «Того же лѣта мѣсяца Августа 31 в 1 часъ нощи бысть громъ страшень и молнія велика, якоже попалити хотяще, и дождь силенъ вельми: громъ же тои въ монастыри на Симановѣ срази верхъ с каменеыя церкве по шейные вокна, и по церкви ходя много мосту рвало, и стѣну у переднихъ двереи проразило насквозѣ, и иконы побило праздничные ...»²¹.

Любопытный, хотя и поздний пример употребления термина «шея» как части определения находим в Рязани: здесь шатровая церковь с высоким и острым шатром называлась церковь Николы Долгошеи²², т.е. церковь эта воспринималась «длинношеей». К сожалению, нет точной уверенности в том, с какого времени появилось это прозвище.

Шея = подглавие

В грамоте от 12 марта 1696 г., обращенной к соловецкому архимандриту Фирсу, говорится о том, что Игнатий, митрополит Тобольский, предполагал возвести на Большом Соловецком острове церковь: «построити церковь Святаго Вознесения Господня, а вверху в подглавии, сиречь в шее церковной, церковь Святых Апостол Петра и Павла, по образу церкви творения Святейшаго Никона Патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенского монастыря, егоже нарицают Царие Новый Иерусалим, в ней же пустынке и Святейший Никон живяще...»²³. Как видим, термины «шея» и «подглавие» совпадают: и то, и другое находятся ниже главы, т.е. это барабан.

Рамена и плечи

Верхняя часть храма называлась сначала по-церковнославянски — рамена, а затем ее стали называть плечами. Какая это конкретно часть храма, установить не удастся, но мы можем предположить, что это переход от не называемого «туловища» храма к венчающим частям, т.е. область сводов, щипцов, сужения крупного объема — в чем и была параллель с человеческими плечами.

В «Повести о Благовещенской церкви» новгородского происхождения середины XV в. рассказывается о двух братьях, Илье и

²¹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 252–253.

²² Ильин М.А. Рязань. Историко-архитектурный очерк. Ч. первая. XI — начало XX вв. / Города Советского Союза в памятниках зодчества. М., 1954. С. 51–53; Вагнер Г.К. Рязань. М., 1971. С. 21.

²³ Мельник А.Г. Священные горы Соловецких островов // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума. М., 2017. С. 82.

Григории, которые строят каменный храм в монастыре на Мячине близ Новгорода; когда храм был достроен до плеч («до рамен»), братьям не хватило средств: «И яко же начаша созидати и совершиша до рамень, и не доставшу сребру на совершение. Они же начаша тужити, не ведущее, что сотворити»²⁴.

Похожая история случилась на строительстве каменной церкви в Клопском монастыре под Новгородом: шторм не дал привезти камень из карьера для храма, построенного «до рамени». Об этом повествуется в «Повести о Михаиле Клопском» середины XV в.: «И заложилша церков на царя Костянтинов день и свершиша церковь до рамени. И не сташа камени. Негде чего добыти стало — погодие велико. А стояло погодие две недели. И мастера хотели прочь пойти»²⁵.

Наконец, в Писцовой книге Старой Русы 1624 г. описывается церковь Николы на Городке, у которой от небрежения во время шведской оккупации разрушились глава и плечи: «На Городке церковь каменная во имя Николы Чюдотворца, пуста, а у нее предел Вход во Иерусалим, глава и плеча розсыпались, а образы и книги и ризы и всякое церковное строенье поимали неметцкие люди во 122-м году»²⁶.

Пояс

Посередине высоты собственно храма находится пояс, нечто охватывающее здание по периметру. Это могут быть различные по виду формы, но они всегда расположены посередине «тела» храма.

Ипатьевская летопись, описывая труды князя Андрея Боголюбского по строительству каменных храмов во Владимире и в Боголюбове, указывает, что пояса церквей были украшены золотом, т.е. позолочены, как и «верхи» (купола), и «комары» (своды): «и въ Боголюбомъ и въ Володимѣрѣ городѣ. вѣрхъ бо златомъ. оустрой и комары поз(о)лоти. и поясъ златомъ. оустрой каменьемъ оусвѣти. и столпъ позлати. и изовну ц(е)ркви. и по комаромъж(е). поткы золоты и кубъкы и вѣтрила золотомъ оустроена постави. и по всеи ц(е)ркви и по комаромъ около»²⁷. Речь идет, очевидно, об аркатурно-колончатом поясе. Он расположен примерно посередине высоты храмов, так что он мог восприниматься как пояс, перетягивающий «тело».

Примерно в том же контексте можно воспринимать «пояс» в рассказе о недостроенной церкви Богоявления на Троицком дворе в Московском Кремле. В 1473 (6981) г. после пожара 4 апреля

²⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 464, 466.

²⁵ Повесть о житии Михаила Клопского / Подготовка текстов и статья Л.А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 92.

²⁶ Писцовая книга Старой Русы 1624 г. // Писцовые и переписные книги Старой Русы конца XV–XVII вв. М., 2009. С. 164.

²⁷ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Стлб. 580–583.

митрополит Филипп стал болеть и попросился в монастырь, но его определили поблизости в церковь Богоявления на Троицком дворе (подворье Троицкого монастыря): «Князь же великий не попусти волѣ его бытии, отъйти гдѣ за градъ въ далній монастырь, но отвезоша его въ близъ ту сущи монастырь, къ Богоявленію, на Троецкой дворъ. И яко отвезоша его тамо, онъ же въ той часъ посла по отца своего духовнаго и святыхъ таинъ причастися, и масломъ повелѣ свящати ся, князю же великоу глаголаше и приказываше толико о единомъ, чтобы церковь съврѣшена была. Тогда бо бяше еще въздѣлана ея до болшаго пояса, до половины, идѣже кіоты святымъ начаты дѣлати на всѣхъ трехъ стѣнахъ...»²⁸. «Большой пояс», как видим, располагается на половине высоты, в этом поясе устроены и киоты для изображений святых на трех основных сторонах.

В том же, по всей видимости, значении упоминаются «пояса» в 1635 (7143) г. в сметной росписи на возобновление храма Успения в тверском Желтиковом монастыре, которую составил подмастерье Иван Неверов: «... Къ тому же дѣлу надобе на поясы и на одверные оклады и на подставки и на дыни 1000 камни трехпядного, а ломать во Твери изъ порченныя палаты»²⁹.

В сообщении о строительстве храма в Мцхете куропалатом Гуарамом, правившим между 545 и 585 гг., говорится о поясе храма, до которого упомянутый владыка сумел достроить церковь: «И он [Гуарам] приступил к постройке церкви честного креста; до тех пор крест стоял в открытом поле; и он вывел церковь только до пояса»³⁰.

Подошва

И, наконец, внизу здания расположена его подошва (можно было бы сказать и ступня, но в источниках всегда именно подошва). Это и нижняя часть храма и, чаще, его фундамент, углубленная часть храмовых стен.

В 1472 г. в летописном рассказе о постройке Успенского собора Московского Кремля Аристотелем Фиораванти говорится о «подошве» как дне фундаментного рва, которое укрепляют кольями: «Почаша же рвы копати, мѣсяца априля; ископаша же рвы и прежде древои подошву набиша, таже на то каменемъ рвы оны наплѣниша»³¹.

²⁸ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 177; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. С. 246.

²⁹ Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. I. М., 1910. С. 384; Шереметев С.Д. Жёлтиковский монастырь в Твери. М., 1899. С. 12–23. Цит. по: Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., Романова Е.А. Соборный комплекс Тверского Жёлтикова монастыря. Тверь, 2018. С. 99.

³⁰ Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Исследование по истории грузинского искусства / Памятники обмерил с природы и исполнил Н.П. Северов. Тбилиси, 1948. С. 20 (о хронологии правления Гуарама — С. 24–25).

³¹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. С. 170.

В подрядной грамоте 1552–1553 г., заключенной мастерами Григорием Горяином сыном Царевым и Третьяком Борисовым сыном Ростовкой на строительство на Белоозере (в нынешнем Белозерске) каменной церкви Успения сказано: «а подошву есми дѣлали церковную, Григорей Дьяконовъ съ товарищи, безъ мастерского указа; а взяли есми задатку десять рублевъ наперед»³². Здесь речь идет определенно обо всем фундаменте.

В грамоте царя Федора Ивановича в Антониево-Сийский монастырь 1592 г. сказано, что для Троицкой строящейся каменной церкви этой обители «мастеръ де Захаръ подошву завел и сваи набилъ и каменемъ до половины выбутилъ»³³. Под подошвой здесь подразумевается даже не весь фундамент, а низ фундамента или фундаментный ров.

Однако в Сметной росписи на частичную разборку и восстановление Успенского собора Жёлтикова монастыря в Твери 1635 г. под подошвой имеется в виду самая нижняя часть здания: «А по смете каменных дел подмастерья Ивана Неверова, у церкви Успения Пречистые Богородицы с приделы своды и стены обрушились по самые олтари и завалились внутрь храма и около, и у церкви Успения Пречистые Богородицы переднюю стену разбирать по подошву, а сторонняя и задняя стены по олтари,»³⁴.

В описании фортификаций подошва чаще всего употребляется в смысле низа стены, места сочетания стены и фундамента. В 1589 г. во время похода царя Федора Иоанновича на Нарву стены ливонского города были разрушены русской артиллерией до подошвы: «А под Ругодив государева ходу было и стоянья под городом пять недель, и стены выбили в Ругодиге из наряду от Ракобора 80 сажень по подошву...»³⁵. Примерно также употребляет термин Арсений Суханов в описании одного из виденных им турецких (греческих) городов: «И на той правой стороне был городъ великъ каменной, стоялъ на горѣ и сведен с горы былъ до самага протока; и тотъ городъ нынѣ разоренъ по самую подошву»³⁶.

³² Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археологической комиссией под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. II. СПб., 1864. С. 776.

³³ Макарий, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1878. Кн. 3 (июль – сентябрь). М., 1878. С. 31.

³⁴ Шереметев С.Д. Жёлтиковский монастырь в Твери. С. 12–23. Цит. по: Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., Романова Е.А. Указ. соч. С. 99.

³⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 202 (Соловецкий летописец второй половины XVI в.).

³⁶ Проскинитарий. Хождение строителя старца Арсения Суханова в 7157 (1649) году во Иерусалим и в прочие святые места, для описания святых мест и греческих церковных чинов (памятник XVII столетия). Казань, 1870. С. 20.

В нижней части крепостных стен расположен и подошвенный бой, т.е. самый нижний уровень бойниц. Видим подошвенный бой в 1697 г. в «Отписке нижегородских воевод стольников Ивана и Михаила Нелидовых о прибытии их 14 января в город и о принятии у прежнего воеводы Ивана Овчина города»: «... на двух стенах 4 боя подошвенные. ... А каменного города подошвенных боев и подлазов и тайников и на городской стене пушечных боев и иных всяких крепостей в тайных местах подошвенных боев проходы где были каменные лестницы осыпали и обвалились и осмотреть и подлинно описать невозможно также и на городовую стену взойти и на ней каменных верхних боев и всяких верховою бою крепостей осмотреть и описать невозможно»³⁷.

Глава и подошва

Обозрение церкви Николы Можайского или Казанской, рассевшейся «до подошвы», у которой провалилась «глава», находим в писцовых книгах города Муром 132 (1624) г. По описи Бартенева: «Да за городом же на посаде в Никольской улице церковь великого чудотворца Николы Можайского каменная. ... а церковь с жару расселась до подошвы и глава сверху провалилась»³⁸. Мы видим разрушающийся храм от главы до подошвы, т.е. охватываем его единым взглядом, целиком.

Всё «тело» храма

Есть источники, в которых храм обозревается не «одномоментно», от главы до подошвы, как в только что приведенной описи, а подробнее, с деталями. В «Толковой службе» по Новгородской кормчей (список 1282 г.) дается символическое толкование частей храма, которые перечисляются так, как мы рассматривали антропоморфные части храма, сверху вниз: «Главою же ц(е)рк(о)внуюю държить х(ри)с(то)с(т) шию ап(о)с(то)ли а пазоухы еуаг(е)листи. А поясъ праздници»³⁹.

Примерно то же видим в Толковой службе» по Чудовской кормчей (список второй половины XV в.): «Врѣхъ ц(е)рковныи ест глава господня. Главу бо ц(е)рковную д(е)рѣжитъ Х(ристо)с, шию ап(о)с(то)ли, а пазухи еу(а)г(е)листи, а поясъ праздници двери олтарю образ

³⁷ Трофимов И.В., Кирьянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси. М., 1952. С. 345.

³⁸ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4. Владимир, 1897. С. 153–157.

³⁹ Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. Исследование и тексты. М., 2012 («Толковая служба» по Новгородской кормчей). С. 359.

сп(а)совъ»⁴⁰. Итак, в храме выделяется церковная глава (которую держит Христос), шея (которую держат апостолы), пазухи (в данном случае паруса, которые держат евангелисты, но также полости, слово явно связанное с антропоморфным взглядом на архитектуру), а также пояс (в данном случае не совсем понятно — это пояс иконостаса с праздниками или пояс храма).

В этой группе текстов, вероятнее всего переводных с греческого, заметно влияние концепции монументальной росписи храма, когда смысловые (символические) аспекты архитектуры определены иконографией росписи с Христом Пантократором в куполе, апостолами в шее, евангелистами в парусах и праздниками в поясе. Для нашей темы важным является то, что храм осознается в деталях с помощью антропоморфных терминов, что он видится как подобие человеческого тела с верхом (главой), шеей, пазухами и поясом.

Итак, заканчивая обзор источников по антропоморфным терминам и антропоморфному видению древнерусского храма, подведем итоги. Мы выявили, что храм рассматривается не снизу вверх, а сверху вниз, от главы к подошве. Всего отмечено десять терминов, связывающих храм и человеческое тело: 1) обобщенный «верх»; 2) «глава»; 3) «лоб»; 4) «подглавие»; 5) «шея»; 6) «плечи» («рамена»); 7) «пазухи»; 8) «пояс»; 10), «подошва».

Отметим, что относительно храма авторы не употребляют терминов «тело» или, тем более, «конечности». Относительно «тела» нужно сказать, что оно подразумевается (это у тела могут быть «плечи», «пазухи», «пояс»), как подразумеваются и конечности: они развиваются от «плечей» (руки) или заканчиваются «подошвой» (ноги). Но эти конечности не конкретизируются, им не находится места в общем видении, которое, таким образом, представляет храм как некую смутную фигуру, у которой есть голова и тело, есть плечи, пояс и подошва, но других форм нет. Этот способ обобщенного видения, в котором выступают из общего облака в основном детали наверху, дает представление о том, на чем сосредотачивался взгляд средневекового человека, смотрящего на каменный храм: он концентрировался на соотношении главы с шеей («верха») и обобщенного тела с плечами (и поясом посередине высоты тела). Это соотношение улавливаем и мы, современные зрители средневековых храмов.

Такой принцип описания храма как антропоморфной структуры находит себе аналогию в способе описания и примененных терминах описания пропорций человеческого тела, основанных на античных исследованиях и распространенных в развитом и позднем Средневековье.

Так, в Ерминиях, поствизантийских и переводных славянских руководствах по живописи, пропорции человеческой фигуры пода-

⁴⁰ Там же. С. 369.

вались как неизменные и легко размеряемые. Если посмотреть, как членится фигура человека в таких руководствах, то это голова, шея, плечи и пояс (талиа); всё это (человек «от чела до подошвы» — как храм «от главы до подошвы») делится на меры и кажется просто размеряемым: «Показание размеров человеческого тела. Ученик мой! Знай, что естественный рост человека от чела до подошвы измеряется девятью яйцами (лицами, головами. — В.С.) или мерами. Сперва размерь голову, разделив ее на три части: в первой из них помести чело, во второй нос, а в третьей остальную часть лица, волосы же пиши за чертою сего яйца, на меру носа. Потом от подбородка до середины тела отмеряй три равные части и до колен две, отбавив на колени часть, равную носу. Далее еще две части отмеряй до лодыжек и от них часть, равную носу, до подошвы, да до ногтей одну часть. Опять от горла до плеча отмеряй одну часть и столько же до другого плеча; на округление каждого плеча отбавь часть, равную носу; до локтя же с внутренней стороны отмеряй одну часть, а отсюда до ручной кисти одну часть и отсюда до оконечностей пальцев одну часть. Что касается до глаз, то размер их одинаков и расстояние между ними столько же длинно, сколько длинен глаз. Когда голова пишется наискось, тогда пространство от глаза до уха равняется длине двух глаз; когда же пишется прямо против зрителя, тогда берется мера одного глаза. Если человек рисуется нагой, то середина его в ширь определяется четырьмя носами, а если в одежде одним с половиною яйцом. Пояс рисуется там, где оканчивается локоть»⁴¹.

Рассказ о пропорциях ведется сверху вниз, как в описаниях храмов. Сходство между описаниями храмов и расчетом пропорций человеческой фигуры наводит на мысль о возможности применения еще в древности, пусть не точного, пусть очень приблизительного, но одинакового для архитектуры и человеческого тела способа пропорционального расчета. То есть об определенной корреляции между пропорциями человека и храма, о возможности оценивать пропорции храма через мысленное соотнесение его высоты, его ширины, его общих пропорций и пропорций его отдельных частей с пропорциями человека. Таким образом, определения «тяжелый», «грузный», «стройный», «легкий» и другие, подобные могут быть соотнесены именно с человеком, не с абстрактной системой идеальных пропорций храма, а с устоявшимися, принятыми за совершенные пропорциями человеческого тела.

Эти расчеты пропорций человеческой (мужской) фигуры опираются на какие-то более ранние, не дошедшие до нас византийские

⁴¹ Гренберг Ю.И. Греческие и южнославянские типики в списках XV–XIX веков о технике иконописи, настенной живописи и рукописной книги. М., 2000. С. 64 (цитируется Ерминия 1701–1733 г.); см также похожий фрагмент из Ерминии 1566 г. С. 93–94.

источники. Это был очень прочный, мало или почти не изменяемый способ расчета пропорций, который, насколько нам известно, отразился в наиболее раннее известное нам время в книге Ченнино Ченнини, флорентийского живописца, написавшего в 1437 г. трактат о живописи. Относительно пропорций человека в главке 70 (LXX), названной «Пропорции, которые должно иметь человеческое тело совершенного сложения» он пишет буквально следующее:

«Заметь, что прежде чем идти дальше, я хочу тебе дать пропорции мужчины. Пропорции женщины я оставляю в стороне, так как в них нет совершенных мер. Во-первых, как сказано выше, лицо делится на три (равные) части, а именно: лоб — одна, нос — другая, от носа до (конца) подбородка — третья; от края носа вдоль всего протяжения глаза — одна из этих мер; от конца глаза до конца уха — такая же мера, от одного уха до другого — длина лица; от подбородка до основания шеи — одна из трех мер; шея — в одну меру длины; от низа шеи до края плеча — длина лица, то же до другого плеча; от плеча до локтя — одно лицо; от локтя до запястья — лицо и одна из трех мер; длина всей кисти руки — одно лицо; от основания шеи до верха желудка или живота — одно лицо; от верха живота до пупка — одно лицо; от пупка до верха бедер — одно лицо; от верха бедер до колена — два лица; от колена до пятки — два лица; от пятки до подошвы — одна из трех мер; ступня — длина одного лица.

Высота человека равна его ширине при вытянутых в стороны руках. Руки вместе с кистями достают до половины бедер. Весь же человек имеет в длину восемь лиц и две из трех мер»⁴². Заметим только, что тело у Ченнини равно по высоте восьми мерам и двум малым мерам, тогда как в Ерминии высота тела равна девяти мерам. Но принцип расчета пропорций тела очень близок.

Все эти расчеты восходят к античным представлениям, хотя они со временем менялись, располагая разное число мер в общей пропорциональной схеме⁴³.

В очень далекой перспективе, из древнерусской реальности и из области древнерусской образованности, не столь уж большой и наполненной, словно в тумане просматривается античное представление о соразмерности человеческого тела и архитектуры, о взаимосвязанности человеческой и архитектурной соразмерностей.

Это античное представление было с большой полнотой передано Витрувием, начало первой главы третьей книги «Десяти книг об архитектуре» которого мы приводим полностью:

⁴² Ченнини Ч. Книга об искусстве, или Трактат о живописи. Практическое руководство. СПб., 2016. С. 79–80.

⁴³ Панофский Э. История теории человеческих пропорций как отражение истории стилей // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб., 1999. С. 77–128.

«1. Композиция храмов основана на соразмерности, правила которой должны тщательно соблюдать архитекторы. Она возникает из пропорции, которая по-гречески называется *αναλογία*. Пропорция есть соответствие между членами всего произведения и его целым по отношению к части, принятой за исходную, на чем и основана всякая соразмерность. Ибо дело в том, что никакой храм без соразмерности и пропорции не может иметь правильной композиции, если в нем не будет такого же точного членения, как у хорошо сложенного человека.

2. Ведь природа сложила человеческое тело так, что лицо от подбородка до верхней линии лба и начала корней волос составляет десятую долю тела, так же как и вытянутая кисть от запястья до среднего пальца; голова от подбородка до темени — восьмую, и вместе с шеей, начиная с ее основания от верха груди до начала корней волос, — шестую, а от середины груди до темени — четвертую. Что до длины самого лица, то расстояние от низа подбородка до низа ноздрей составляет его треть, от низа ноздрей до раздела бровей — столько же, и лоб от этого раздела до начала корней волос — тоже треть. Ступня составляет шестую часть длины тела, локтевая часть руки — четверть, и грудь — тоже четверть. У остальных частей есть также своя соразмерность, которую и принимали в расчет знаменитые древние живописцы и ваятели, и этим достигли великой и бесконечной славы.

3. Подобно этому и части храмов должны, каждая в отдельности, находиться в самой стройной соразмерности и соответствии с общей величиной всего целого. Далее, естественный центр человеческого тела — пупок. Ибо если положить человека навзничь с распростертыми руками и ногами и приставить ножку циркуля к его пупку, то при описании окружности линия ее коснется пальцев обеих рук и ног. Точно так же, как из тела может быть получено очертание окружности, из него можно образовать и фигуру квадрата. Ибо если измерять расстояние от подошвы ног до темени и приложить ту же меру к распростертым рукам, то получится одинаковая ширина и длина, так же как на правильных квадратных площадках.

4. Следовательно, если природа сложила человеческое тело так, что его члены по своим пропорциям соответствуют внешнему его очертанию, то древние были, очевидно, вполне правы, установив, что при постройках зданий отдельные их члены должны находиться в точной соразмерности с видом всей фигуры. Поэтому, передав нам во всех своих произведениях надлежащие правила их построения, они сделали это в особенности для храмов богов, так как и достоинства и недостатки этих зданий обычно остаются навеки»⁴⁴.

⁴⁴ *Витрувий*. Десять книг об архитектуре / Перевод Ф.А. Петровского / Классики теории архитектуры / Под общей ред. А.Г. Габричевского. Витрувий. Т. I. Текст трактата. М., 1936. С. 65–66. См. также другой перевод, в целом передающий текст сходно: *Марк Витрувий Поллион*. Об архитектуре. Десять книг / Перевод с лат., ред.

В данной теме можно было бы опереться на приведенную фразу Витрувия о том, что «никакой храм без соразмерности и пропорции не может иметь правильной композиции, если в нем не будет такого же точного членения, как у хорошо сложенного человека». В какой-то мере это было бы правильно, но с точки зрения исторической — нет, поскольку сама эта фраза античного архитектора не была известна в Древней Руси и позднее, она была заключена в том «тумане», который представляла собой для древнерусского человека византийская образованность: это был некий так никогда до конца и не усвоенный во всей полноте материал, из которого черпались какие-то фрагменты или части, касающиеся дел практических, догматических. Речь идет не о прямой опоре на античное и византийское знание, а о серии отражений, отсветов этого знания на Руси. Каким-то непрямым путем представление о храме как системе точных членений, в чем-то похожих на членения хорошо сложенного человека, перешло в древнерусскую культуру, отразившись в системе терминов или понятий, которыми описывались православные храмы Руси.

Для нашей темы важнее не различия в пропорциональных расчетах (десять лиц в человеческом теле по Витрувию, восемь и две трети по Ченнини и девять — по Ерминии), а то, что древнерусская культура в целом и древнерусская архитектура в частности были продолжением византийской традиции, в свою очередь опиравшейся на традицию античную. Древнерусская архитектура была культурой воспринимающей, не столько мыслящей самостоятельно, сколько мыслящей «по образцу» и по уже состоявшемуся поводу. Эта вторичность заставляет все время оглядываться на византийскую практику, на ее глубину, обращенную к античности. Однако в этой оглядке нельзя потерять определенности того, что мы видим в источниках.

А в приведенных источниках мы видим довольно целостную картину восприятия древнерусского, христианского храма, а именно антропоморфного восприятия, которое раскрывается через употребление терминов, соответствующих членам человеческого тела. Это уподобление частей православного храма частям человеческого тела проводится последовательно, причем в той же системе, которая устоялась при описании тела человека еще в античности: сверху вниз.

Термины, связанные с человеческим телом, как и древние, еще античные представления о соразмерности хорошо сложенного человеческого тела, позволяют нам не столько начать измерять древнерусские храмы на «лица» или «стопы», сколько подойти к этим храмам с позиции не до конца понимаемой, но ощущаемой пропорции. Эти

и введ. А.В. Мишулина. Л., 1936. С. 76–77. Разбор представлений греков о гармонии и строе см.: Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной архитектоники. Л., 1947. С. 80–181.

храмы можно рассматривать как «хорошо сложенные», гармоничные, или же созданные с применением приземистых или, наоборот, вытянутых пропорций. С точки зрения объективного знания это мало что дает, но для восприятия замысла может быть ключом: наши пока целиком субъективные оценки общей композиции и ее соразмерности могут опираться на тот факт, что храм в целом виделся как фигура, а потому не только сейчас, но и в древности мог восприниматься как соразмерное целое. В случае нарушения этой соразмерности мы можем предположить, что это нарушение (например — в сторону вытянутости, «башнеобразности») было обдумано и обосновано в момент создания, и что мастер, создававший эту нарушенную соразмерность (преувеличенную в ту или иную сторону) думал о человекоподобии храма и осознавал последствия своего задуманного нарушения.

Изложенную выше систему антропоморфности православных храмов, пусть приблизительную, вряд ли изобрели древнерусские мастера. Мы можем осторожно предположить, что она пришла на Русь из Византии. Однако у нас нет полной уверенности в этом: византийский материал с этой точки зрения пока не слишком хорошо изучен. У нас есть только разрозненные указания на то, что в Византии понимание храма как антропоморфной структуры было распространено и продумано. Выше мы привели пример с Хрисокефалос, «златоглавым» храмом в Константинополе; есть еще указание на «пояс» в грузинском храме (находящемся в византийской зоне влияния). Есть еще некоторые следы подобного взгляда в экфрасисе, описании Святой Софии в Константинополе, составленном в стихах Павлом Силенциарием в VI в.; в этом тексте рассеяны такие эпитеты, касающиеся храма, как «широкогрудый», а также описывающие части храма термины — «верх», «глава», «лоб», «подбородок», «пазухи», «хребет», «подошва»⁴⁵. В принципе эти термины вполне могли (через множество посредников в виде более поздних византийских сочинений, переведенных на Руси) перейти в древнерусскую литературную традицию.

Вопрос о византийском происхождении остается дискуссионным. А вот на Руси эта система, хотя она, вероятно, и была пере-

⁴⁵ *Виноградов А.Ю., Захарова А.Д., Черноглазов Д.А.* Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. СПб., 2018. С. 272–273 («прекрасноверхого храма вершина», здесь «глава» то же самое, что «верх»); С. 266–267 («широкогрудый же храм»), С. 274–274 («подножье», буквально «подошва»); С. 282–283 («шея», или «выя»); С. 284–285 («златыми главами»); С. 288–289 («глава шлемовидная»; «пазухи»), С. 296–297, 299 («хребет»), С. 300–301; С. 306–307 («подбородок»). Благодарю А.Ю. Виноградова за консультацию по терминам перевода. Об антропоморфности отдельных частей Софии Константинопольской в описании Павла Силенциария говорит и автор современного перевода на итальянский и комментатор: *Fobelli M.L.* Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Costantinopoli e la descrizione di Paolo Silenziario. Roma, 2005. P. 19–21, 131, 135, 143.

водной, заимствованной, оказалась живучей, она применялась при описании храмов с XI по XVII в., поражая нас последовательностью и неизменностью терминов. Эта устойчивая терминология и общий взгляд на православный храм как антропоморфную структуру дает нам определенный ключ к пониманию пропорций в древнерусской храмовой архитектуре, а также дает исследователям в руки определенный метод, в котором присутствует более уверенное определение пропорционального строя памятников — с оглядкой на их антропоморфность.

Список литературы

Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. Исследование и тексты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 393 с.

Вагнер Г.К. Рязань. М.: Искусство, 1971. 154 с.

Виноградов А.Ю., Захарова А.Д., Черноглазов Д.А. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 486 с.

Гренберг Ю.И. Греческие и южнославянские типики в списках XV–XIX веков о технике иконописи, настенной живописи и рукописной книги. М.: ГосНИИР, 2000. 160 с.

Ильин М.А. Рязань. Историко-архитектурный очерк. Ч. первая. XI — начало XX вв. / Города Советского Союза в памятниках зодчества. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1954. 178 с.

Макарий, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1878. Кн. 3 (июль – сентябрь). М., 1878. С. 1–122.

Мельник А.Г. Священные горы Соловецких островов // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума. М.: Феория, 2017. С. 81–83.

Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной архитектоники. Л.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1947. 279 с.

Пановский Э. История теории человеческих пропорций как отражение истории стилей // Пановский Э. Смысл и толкование образительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 77–128.

Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., Романова Е.А. Соборный комплекс Тверского Жёлтикова монастыря. Тверь, 2018. 136 с.

Седов Вл.В. Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 172–189.

Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 83–137.

Трофимов И.В., Кирьянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 318–346.

Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. I. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. 408 с.

Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Исследование по истории грузинского искусства. Памятники обмерил с натуры и исполнил Н.П. Северов. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1948. 218 с.

Fobelli M.L. Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Constantinopoli e la descrizione di Paolo Silenziario. Roma: Viella, 2005. 231 p.

Macrides R., Magdalino P. The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia // Byzantine and modern Greek Studies (BMGS). 1988. N 12. P. 47–82.

Поступила в редакцию
17 мая 2020 г.

Д.В. Хлебников*

**ТИПОВЫЕ БЛОКИ В РУССКОМ РОСТОВОМ
ДЕИСУСЕ XV–XVI вв.**

D.V. Khlebnikov

**STANDARD UNITS IN THE RUSSIAN
15th — 16th-CENTURIES FULL-LENGTH DEESIS**

Аннотация. В основе настоящей статьи — сравнение графики русских деисусных изображений XV–XVI вв. Детальный анализ прорисей большого числа деисусных икон разного времени и происхождения позволил сделать вывод, что их авторы широко использовали набор одних и тех же повторяющихся от иконы к иконе графических элементов. Последние применяются вне какой-либо зависимости от того, кто или что изображено на иконе: Спас или же Богородица, ангел или апостол, святитель, мученик или другой святой; вне зависимости от того, поясное это изображение или же ростовое; вне зависимости от особенностей позы и жестов изображаемого лица и характера его одеяний. Особенно хорошо заметны эти типовые блоки в изображениях одеяний, драпировок и тканей вообще. Применяются эти типовые модульные элементы практически всегда, хотя набор их может быть весьма различен в разных случаях. При этом одни и те же блоки могут несколько различаться от иконы к иконе: могут меняться пропорции внутри блока и его размеры относительно других частей изображения, может варьироваться кривизна линий, часть блока может быть «срезана» другой деталью или, напротив, показана дважды; часть блока может быть зеркально перевернута, повернута под некоторым углом по часовой стрелке или против, сдвинута или удалена, — но структура блока остается той же самой. Опытный глаз будет легко выхватывать раз обнаруженный блок в самых разнообразных иконных изображениях. Данный феномен дает возможность существенно корригировать представления о принципах работы средневекового иконописца: рисунок деисусных икон не копировался буквально с одной иконы на другую, но и не изобретался каждый раз совершенно заново. Изображения в большей или меньшей степени конструировались из уже имеющихся готовых блоков, причем некоторые фигуры состоят из них почти полностью.

* *Хлебников Денис Владимирович*, преподаватель теологических дисциплин, воскресная школа, Крутицкое патриаршее подворье

Khlebnikov Denis Vladimirovich, Lecturer in Theology, Sunday school, Krutitsy Patriarchal Metochion

+7-985-865-12-88; alphoisto@yandex.ru

Ключевые слова: деисусный чин, иконография, русская иконопись XV–XVI вв., типовые блоки, сравнение рисунка, иконная прорисовка.

Abstract. This article is based on a comparison of graphics of Russian deesis images of the 15th–16th centuries. A detailed analysis of a large number of tracings of Deesis icons that date from different times and places leads to the assumption that their authors widely used a set of the same graphic elements repeated from icon to icon regardless of who or what is depicted, the Savior or Theotokos, an angel, an apostle, a prophet, a martyr, a bishop or a saint; regardless of whether this image is half-length or full-length; regardless of the postures and gestures of the depicted figures and their attires. These patterns are especially noticeable in drawing robes, draperies and fabrics in general. The use of these typical elements is almost mandatory, although their combination varies from image to image. The same blocks of elements can also differ slightly from icon to icon in terms of proportions, relative sizes of particular images, and the curvature of the lines. A block can be partly concealed by an element not belonging to it or used twice; its part can be mirrored, rotated at some angle, clockwise or counterclockwise, shifted or removed, while the structure of the block remains the same. An experienced eye will easily identify each block in a wide variety of icon images. This phenomenon allows us to significantly modify the idea of the strategy medieval icon painters adopt, i.e. a Deesis icon drawing was not often literally copied, at the same time, it was not invented completely anew. To a greater or lesser extent, the images were constructed from already available ready-made blocks, and some of the figures consist of them almost entirely.

Keywords: Deesis tier, iconography, Russian icon painting in the fifteenth–sixteenth centuries, typical blocks, comparison of drawings, icon tracing.

* * *

Особенности рисунка средневекового иконописного изображения во всех его деталях наиболее наглядно представляют снятые с икон (фото, репродукций) кальки-прорисовки. Только прорисовка позволяет вычлнить занимающую исследователя часть изображения, освободив ее от отвлекающих внимание второстепенных деталей, и выявить штрихи и нюансы, растворяющиеся в комплексе цветовых пятен, белильных штрихов, пробелов, ассистов, светотеневых моделировок и т. д. и подчас становящиеся почти совершенно неразличимыми. Именно кальки идеально подходят для работы со средневековыми иконными изображениями с их плоскостностью и подчеркнутыми контурными линиями; большой плюс есть и в возможности сличить значительное количество данных в едином масштабе калек единовременно.

В основе настоящего исследования — сличение графики русских деисусных изображений XV–XVI вв., заведомо различных по происхождению. Мы принципиально оставляем в стороне вопросы стиля, школ, датировок, взаимовлияния, колористического решения, эмоционально-психологического воздействия и технико-техни-

кологические аспекты, имея целью исключительно исследование рисунка¹, для чего были использованы именно прорисовки (выполнены автором).

Для удобства работы с большим материалом и для сокращения места памятники зашифрованы. **Шифр**² (в тексте *выделен*) состоит из одной или двух частей.

Исследование проводится на иконах деисусного чина; шифр **чина**³ на иллюстрациях дается **обязательно** и располагается **вверху**. **Внизу** – зашифрованное указание на изображенное **лицо**; ключ:

<i>СВС</i> — Спас в Силах	<i>АП</i> — апостол Павел
<i>СНП</i> — Спас на престоле	<i>Пптр</i> — апостол Пётр
<i>БМ</i> — Богоматерь	<i>ВВ</i> — святитель Василий Великий
<i>АГ</i> — архангел Гавриил	<i>НМ</i> — святитель Николай Мирликийский
<i>АМ</i> — архангел Михаил	<i>ДС</i> — мученик Димитрий Солунский
<i>Прт</i> — Иоанн Предтеча	<i>ЕВ</i> — преподобный Евфимий Великий

В **тексте** первой идет **нижняя** часть шифра (лицо); шифр чина дается через «слэш» [/]. Изображения, всегда или как правило присутствующие в ростовом деисусе, — Спас, Богородица, Предтеча, архангелы, апостолы Пётр и Павел, святители Василий Великий и Иоанн Златоуст, — **не имеют** нижней части шифра **на иллюстрациях** (ввиду узнаваемости и фиксированного положения в чине); исключения составляют случаи, когда икона меняет свое обычное положение в деисусе (в данной статье — ситуация, когда икона Василия Великого переносится в правую от зрителя часть чина).

Сравнение рисунка большого числа различных деисусных изображений XV–XVI вв. выявило набор систематически повторяющихся в них типовых конструктивных элементов; замечательная особенность их заключается в том, что они используются, в разном количестве и в разном сочетании, в абсолютно любых изображениях

¹ В виду имеется, конечно, не предварительный рисунок, а внешние контуры уже окончательно готового изображения.

² Памятники по возможности шифруются по происхождению, хранению или владельцу; часть икон из собрания ГТГ – по каталогу 1963 г. (*Антонова В.И., Мнёва Н.Е.* Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII века. Т. I–II. М., 1963); *КТ* – каталог Третьяковской галереи, через дефис – номер по каталогу. Принципы шифрования указаны в более ранних статьях (*Хлебников Д.В.* Иконография древнерусского полнофигурного деисусного чина XV–XVI вв. (предварительная публикация) // Исторические науки. 2009. № 6. С. 70–82; *Он же.* К вопросу иконографии русского ростового деисусного чина XV–XVI вв.: Об одной генеалогической классификации // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 1. С. 64–99; *Он же.* Русский полнофигурный деисусный чин: списки и стеммы. Святитель Василий Великий и левый мученик // Христианское чтение. 2019. № 4. С. 49–76); шифры, во избежание путаницы, везде по всем статьям одни и те же.

³ За учетную единицу принимается деисусный чин (при фрагментарной сохранности – сохранившийся фрагмент вплоть до одной иконы).

и совершенно вне всякой зависимости от изображенного лица, позы и жестов, типов и характера одеяний и т. д.

Первым обратил внимание на подобное явление Г.В. Маркелов при работе с бумажными иконными образцами XVII–XIX вв.⁴; к сожалению, он почти никак не проиллюстрировал свое наблюдение, отчего оно и не вызвало должного резонанса.

Настоящее же исследование, независимое от данных, полученных Г.В. Маркеловым, выявляет широчайшее применение подобных типовых блоков

а) уже не в бумажных образцах, но в самих реальных иконах, причем

б) гораздо более раннего времени.

При этом фиксируется уже не только сам факт присутствия типовых деталей, но еще и то, что

в) некоторые изображения состоят из типовых блоков полностью или почти полностью;

г) существуют различные типовые элементы для одной и той же части иконного изображения; другой набор типовых блоков — для другой части и т. д.;

д) типовые элементы могут складываться в комплексы, которые сами применяются как типовые блоки уже более высокого порядка.

Совершенной же новостью стало то, что

е) один и тот же типовой элемент может использоваться не только в аналогичных частях различных изображений (например, одинаковый рисунок разделки складок рукава у тронного Спаса и у апостола в деисусной позе), но и в совершенно различных местах (например, один и тот же блок – в рисунке складок рукава у кисти и над ступней).

Рассмотрим явление на примере иконы архангела Михаила из собрания А.И. Анисимова ГТГ, инв. 20469 (шифр *АМ/КТ-97*)⁵. Это изображение содержит довольно богатый набор типовых деталей и состоит из них практически целиком. Для сравнения возьмем несколько опубликованных русских икон из ростовых деисусных чинов различного времени и происхождения:

1) «Спас в Силах» в чине 1497 г. из Успенского собора Кириллова Белозерского монастыря (КБМЗ, инв. ДЖ 331)⁶ — *СВС/Кир.*;

2) «Архангел Михаил» в чине ок. 1517 г. из Филиппо-Ирапской Троицкой пустыни (ЧерМО, инв. № 280/2)⁷ — *АМ/Ирап.*;

⁴ Маркелов Г.В. Иконные прориси в древлехранилище ИРЛИ // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 49. СПб, 1996. С. 489–491; *Он же*. Книга иконных образцов. 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX веков. Т. I. СПб., 2001. С. 20–22.

⁵ Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Указ. соч. Кат. 97; София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX вв. из собраний музеев России. М., 2000. Кат. 99.

⁶ Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2005. № 5.

⁷ Рыбаков А.А. Вологодская икона. М., 1995. № 176.

3) «Архангел Михаил» в чине второй половины XV в. из Муромского монастыря на Онежском озере (ГРМ, инв. 3106)⁸ — *АМ/Мур.*;

4, 5) «Архангел Михаил» и «Апостол Павел» в чине XVI в. (?) из собрания С.П. Рябушинского (ГТГ, инв. 14421, инв. 14672)⁹ — *АМ/КТ-55; АП/КТ-55*;

6) «Иоанн Предтеча» в чине второй четверти XVI в. из ц. Архангела Михаила в дер. Мельницы Псковского р-на (ПКМ, инв. 2724)¹⁰ — *Прт/Мел.*;

7) «Иоанн Предтеча» второй половины XVI в. из ц. Преображения в Ростове; первоначально — из ц. Константина и Елены в Ростове (ГМЗРК, инв. И-876)¹¹ — *Прт/Р-876*.

8) «Апостол Пётр» в чине начала XVI в. из ц. Успения на Секше, Любимский р-н, Ярославск. обл. (ГЭ, инв. ЭРИ-504)¹² — *Птр/Секш.*;

9) «Апостол Павел» в чине первой половины XVI в. из ц. Воскрешения Лазаря Успенского Муромского монастыря (Музей «Киж», КП-119/12)¹³ — *АП/ВЛУМ*;

10) «Апостол Павел» в чине первой половины XVI в. из Покровской ц. с. Лядины Каргопольского р-на Архангельской обл. (ГЭ, инв. ЭРИ-242)¹⁴ — *АП/Ляд.*;

11) «Апостол Павел» в чине первой четверти XVI в. из ц. Георгия с. Юковичи Лодейнопольского р-на Ленингр. обл. (ГРМ, инв. 2883)¹⁵ — *АП/Юкс.*;

12) «Василий Великий» в чине конца XV–начала XVI в. из Покровского собора Дионисьева Глушицкого монастыря (ВГМЗ, инв. 7891)¹⁶ — *ВВ/Глуш.*;

13) «Василий Великий» в чине ок. 1502 г. из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (КБМЗ, инв. ДЖ 841)¹⁷ — *ВВ/Фер.*;

⁸ Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV в. М., 1982. № 37, ил. с. 471; Новгородская икона XII–XVII веков: Альбом / Авт. вступ. статьи, комм. и сост. В.К. Лаурина, В.А. Пушкарёв. Л., 1983. № 83.

⁹ Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Указ. соч. Кат 55; Кондаков Н.П. Иконы / Под ред. О.А. Дыдыкиной. М., 2009. Ил. 112, 115.

¹⁰ Родникова И.С. Псковская икона XIII–XVI вв. Л., 1990. № 51; Васильева О.А. Иконы Пскова. М., 2006. № 75.

¹¹ Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М., 2006. № 56.

¹² Косцова А.С. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. СПб., 1992. № 64.

¹³ Киж. Древняя живопись Карелии / Сост. С. Ямщиков. Петрозаводск, 1979. Ил. 4; Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Киж». Каталог / Сост. И.М. Гурвич. Петрозаводск, 1980. С. 40. № 11.

¹⁴ Косцова А.С. Указ. соч. № 73.

¹⁵ Новгородская икона XII–XVII веков. № 137.

¹⁶ Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. № 23.

¹⁷ Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2005. № 67.

14) «Димитрий Солунский» в чине первой половины XV в. из ц. Покрова в Гавриковом переулке в Москве (ГТГ, инв. 20526)¹⁸ — *ДС/Гавр.*;

15) «Деисус» на одной доске конца XV– начала XVI в. из ц. Покрова г. Боровска (ГТГ, инв. 28710)¹⁹; зд. используются изображения Богородицы – *БМ/ПоБо* и Спаса на престоле — *СНП/ПоБо*.

Дополнительно привлекаются следующие позиции:

16) «Спас в Силах» в чине XVI в., поступил в 1913 г. от И.П. Носова (ГРМ, ДРЖ-1874)²⁰ — *СВС/Нос.*;

17) «Богородица» в чине первой половины – середины XV в. из собрания А.И. Анисимова (ГТГ, инв. 15055)²¹ — *БМ/Анис.*;

18) «Богородица» в чине середины – второй половины XVI в. из Ризоположенской ц. с. Бородава Кирилловского р-на Вологодской обл. (КБМЗ, инв. 1270)²² — *БМ/Бород.*;

19) «Богородица» в чине ок. 1475 г. из Никольской ц. с. Гостинополье на р. Волхов (ГТГ, инв. 22291)²³ — *БМ/Гост.*;

20, 21) «Богородица» и «Иоанн Предтеча» в чине второй половины XV в. из новгородской ц. Власия (?) (НМЗ, инв. 11165, инв. 11166)²⁴ — *БМ/Влас., Прт/Влас.*;

22) «Архангел Михаил» в чине первой половины XVI в. из ц. Николы во Ржищах в Ростове (ГМЗРК, инв. И-1027)²⁵ — *АМ/Ржш.*;

23) «Архангел Михаил» в чине 1438 г. (?) в иконостасе Софийского собора в Новгороде (под записью)²⁶ — *АМ/Соф.*;

24) «Архангел Гавриил» в чине второй четверти XVI в. из собрания Л.К. Зубалова (ГИМ, И VIII 5344 ГИМ 58383)²⁷ — *АГ/Зуб-2*;

25) «Архангел Гавриил» в чине первой половины XVI в. из Покровской ц. с. Лядины Каргопольского р-на Архангельской обл. (ГЭ, инв. ЭРИ-239)²⁸ — *АГ/Ляд.*;

¹⁸ Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Указ. соч. Кат. 54. Ил. 65; Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Указ. соч. № 32. Ил. с. 459.

¹⁹ София Премудрость Божия. № 97.

²⁰ Иисус Христос в христианском искусстве и культуре XIV–XX в. СПб., 2000. № 360. Ил. с. 393.

²¹ Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Указ. соч. Кат. 203; Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М., 1979. № 10.

²² Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2005. № 96.

²³ Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Указ. соч. Кат. 101; Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Указ. соч. № 55; Новгородская икона XII–XVII веков. № 108.

²⁴ Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Указ. соч. № 33; Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI веков. М., 2008. № 30, 31.

²⁵ Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М., 2006. № 45.

²⁶ Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Указ. соч. № 8; Иконы Великого Новгорода XI – начала XVI веков. М., 2008. № 26.

²⁷ Иконы XIV–XIX веков из собрания Государственного Исторического музея. Т. I. М., 2008. № 13.

²⁸ Косцова А.С. Указ. соч. № 71.

26) «Иоанн Предтеча» в чине XVI в. из ц. Успения дер. Никулино Дрегельского (ныне – Любыгинского) р-на Новгородской обл. XVI в. (ГЭ, инв. ЭРИ-601)²⁹ — *Птр/Никул.*;

27) «Апостол Пётр» в чине XVI в. из собрания Н.П. Лихачёва (ГРМ, ДРЖ 1861)³⁰ — *Птр/Лих.*;

28) «Апостол Пётр» в чине ок. 1558 г. из новгородской ц. Петра и Павла в Кожевниках (НМЗ, инв. 2863 / ДРЖ 199)³¹ — *Птр/НПП*;

29, 30) «Апостол Пётр», «Апостол Павел» в чине второй четверти XVI в. из ц. Архангела Михаила в дер. Мельницы Псковского р-на (ПМЗ, инв. 1489, инв. 1488)³² — *Птр/Мел., АП/Мел.*;

31) «Апостол Павел» в чине первой половины XV в. из Покровской ц. в Гавриковом переулке в Москве (ГТГ, инв. 20523)³³ — *АП/Гавр.*;

32) «Василий Великий» в чине третьей четверти XVI в. из ц. Леонтия Ростовского в Вологде (ВГМЗ, инв. № 6030)³⁴ — *ВВ/ЛРВ*;

33) «Василий Великий» в чине XVI в. из Успенского собора Свияжска (ГМИИ РТ, И-247)³⁵ — *ВВ/СвжУ*;

34) «Василий Великий», XV в. (?), в собрании д-ра З. Амберг-Херцог, Кёлликен (Швейцария)³⁶ — *ВВ/ДСАН*;

35) «Св. Феврония Муромская» из чина (?), конца XVI в., из Преображенского собора Спасского монастыря г. Мурома (ЦМиАР, КП 4389)³⁷ — *ФМ/ПФ*;

36) «Деисус» на одной доске, середины (?) XV в., из ц. свв. Космы и Дамиана в Талыче, Лемковщина (НМЛ, 33611/1; I-962/1)³⁸; используются изображения святителя Николая Мирликийского – *НМ/Тал.* и преподобного Евфимия Великого — *ЕВ/Тал.*

Итак, в фигуре архангела *АМ/КТ-97* выявляется не менее десятка типовых блоков, явственно различимых в других деисусных иконах (рис. 1). Рассмотрим их подробнее.

²⁹ Там же. № 12.

³⁰ *Лихачёв Н.П.* Материалы для истории русского иконописания. Атлас. Ч. I. Таблицы I–ССХ. СПб., 1906. № 178.

³¹ Иконостас церкви апостолов Петра и Павла «в Кожевниках» / Авт. текста Е.В. Игнашина, Ю.Б. Комарова. Б.м., 2011. № 15.

³² *Васильева О.А.* Иконы Пскова. № 78, 79.

³³ *Антонова В.И., Мнёва Н.Е.* Указ. соч.. Кат. 54; *Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А.* Указ. соч.. № 32. Ил. с. 458.

³⁴ Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. № 88.

³⁵ Древние иконостасы Свияжска / Авт.-сост. А.А. Калина, В.В. Немтинова. Казань, 2015. № 44.

³⁶ *Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А.* Там же. № 89.

³⁷ Иконы XIII–XVI вв. в собрании музея имени Андрея Рублёва. М., 2007. № 110.

³⁸ *Гелитович М.* Українські ікони «Спас у Славі». Львів, 2005. № 1.

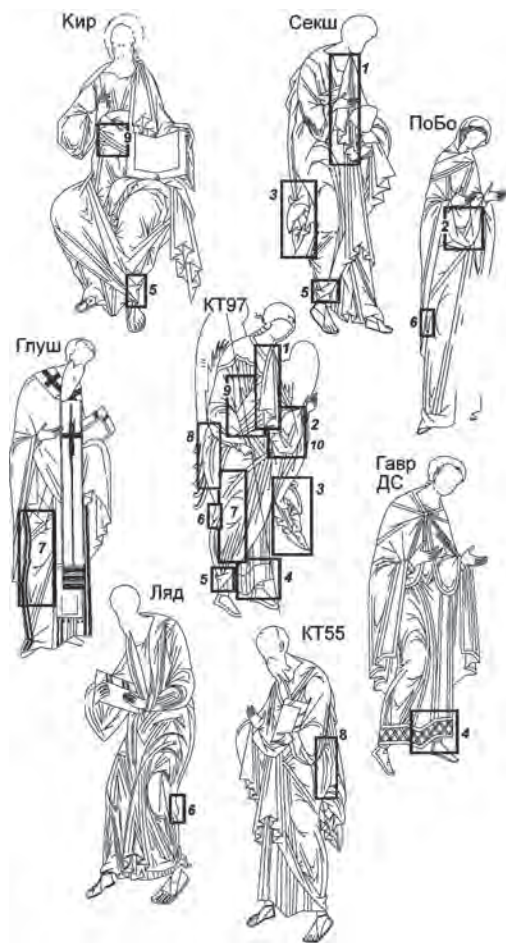

Рис. 1. Типовые блоки в иконе «Архангел Михаил» из собр. А.И. Анисимова (в центре) и аналогичные детали в других русских деисусных иконах

как складки на участке мафория, провисающем между руками Богородицы в БМ/ПоБо (рис. 2.2). Рисунок здесь, опять же, немного видоизменен, меняется относительная длина линий и угол, под которым одна отходит от другой, но число линий и их взаиморасположение остаются абсолютно теми же (что прекрасно видно в цвете, если отметить аналогичные линии своим цветом каждую).

Заметим: одна и та же деталь изображения используется здесь, в отличие от предыдущего случая, уже в ином месте: а) в различных частях б) одеяний совершенно иного типа: мафорий вместо гиматия.

№ 1. Спадающий с плеча архангела и расширяющийся книзу каскад крупных складок со ступенчатый краем (обращенным от центра деисуса). Эта деталь повторяется во множестве деисусных икон архангелов, но также и в других, например, иконах апостола Петра, см. Птр/Секш. (рис. 2.1).

Следует обратить внимание на то, что в разных иконах эта деталь может изображаться несколько иначе; так, например, могут несколько изменяться пропорции или форма (линии могут быть более или менее прямыми или изогнутыми); меняется число складок (см. напр. Птр/Мел., далее), — но общая схема всегда остается принципиально одинаковой.

№ 2. Рисунок разделки мелких складок на идущем от запястья вытянутой вперед руки и U-образно провисающем крае гиматия в АМ/КТ-97 выглядит принципиально так же,

№ 3. Вдувающийся вверх сложными округлыми складками свободный конец гиматия. Эта деталь в деисусных изображениях архангелов чаще расположена сзади, но иногда выносится и вперед (*блок меняет место*), как в *АМ/КТ-97*. В парной к ней иконе *АГ/КТ-97* эта деталь расположена, как обычно, сзади, но выглядит совершенно так же. Очень близкая аналогия — в иконе *Птр/Секш.*, хотя здесь и налицо сокращение (упрощение) форм (рис. 2.3).

№ 4. Форма подола хитона нередко одна и та же в изображениях, например, архангелов и мучеников, во всем остальном совершенно разных, см. *АМ/КТ-97* и *ДС/Гавр.* (рис. 2.4).

№ 5. Небольшая изогнутая «клювовидная» складка гиматия над пяткой (с одной и той же системой отходящих от нее линий) постоянно встречается в самых разнообразных изображениях, см. в *АМ/КТ-97*, *Птр/Секш.* Эта деталь иногда несколько меняет свое положение, как в принципиально иных по структуре изображениях, в частности, в иконах тронного Спаса, см. *СВС/*

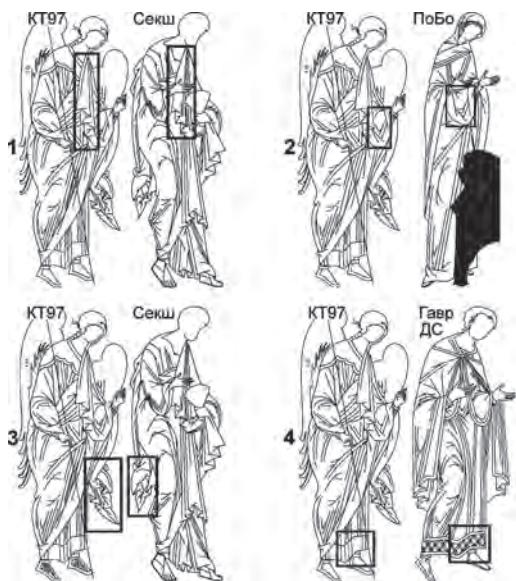

Рис. 2. Типовые блоки в различных деисусных иконах

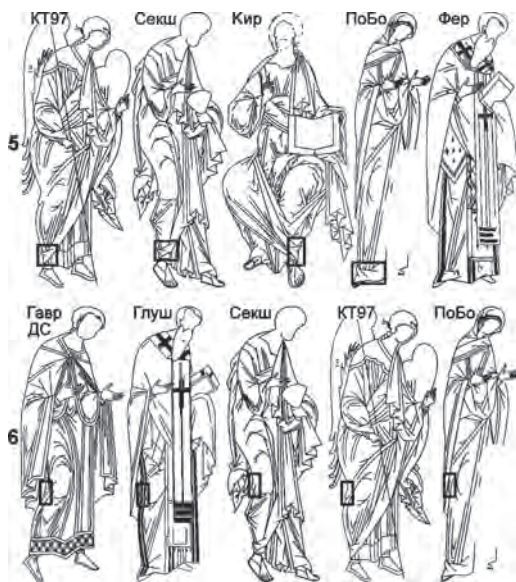

Рис. 3. Типовые блоки в различных деисусных иконах

Кир., а может и оставаться на прежнем месте и при изменившейся постановке ног, как в БМ/ПоБо или ВВ/Фер. (рис. 3.5).

№ 6. Выпуклая округлая складка на коленном сгибе на разных иконах показана, как правило, почти одинаково, но часто изображается очень маленькой и на репродукциях различима только в большом увеличении (блок может менять свой относительный размер в разных иконах), как в иконе АП/Юкс. (см. далее, рис. 5). В иконах ВВ/Глуш., Птр/Секи., АМ/КТ-97 она видна хорошо (рис. 3.6), см. ткж. АП/Ляд. (рис. 1). Форма ее несколько отличается в ДС/Гавр. и БМ/ПоБо., но если знать о наличии этой детали именно в этом месте в других иконах, — не опознать ее невозможно. Типовые блоки могут изображаться немного иначе в разных иконах, но принципиальная схема остается неизменной.

№ 7. Характерный рисунок разделки складок на колене и бедре в виде двух разнонаправленных наклонных Y-образных фигур с двумя длинными параллельными наклонными линиями над ними используется очень часто, см. иконы ВВ/Глуш., АМ/КТ-97, Птр/Р-876, АП/Юкс. Могут несколько меняться пропорции и кривизна линий; в некоторых случаях нижняя Y-образная фигура *переворачивается* и обе фигуры соединяются «ножками», как в БМ/ПоБо. (рис. 4.7).

№ 8. Рисунок складок на поясице совпадает в представленных АМ/КТ-97, АМ/Иран., Птр/Мел., АП/КТ-55 (рис. 4.8); такой вид

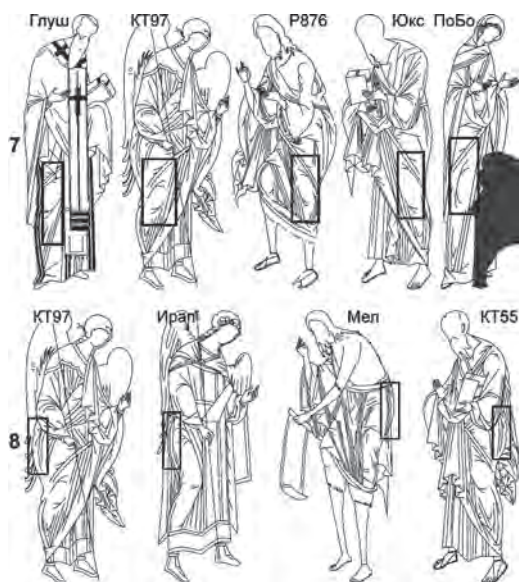

Рис. 4. Типовые блоки в различных деисусных иконах

они имеют и во множестве других изображений, хотя выражены не всегда четко; типовые блоки могут быть сильно «смазаны», «сдавлены», а их рисунок так или иначе нивелирован; для того чтобы выявить их в таких случаях, необходимо ясно представлять себе их структуру и «обычный» вид в различных иконах и в разных вариантах.

№ 9. Широкая диагональная складка гиматия на груди с разделкой в виде длинных параллельных изогнутых линий и отходящими от них под острым углом коротки-

ми (в верхней части). На представленных иконах *АМ/КТ-97*, *АМ/Мур.*, *СВС/Кир.*, *АП/ВЛУМ* эта деталь показана с некоторыми изменениями в каждом случае (так, в *АМ/Мур.* уменьшено число линий разделки, а в *АП/ВЛУМ* сильно уменьшен размер самой этой детали), но общая схема снова остается та же самая (рис. 5.9).

№ 10. Еще одним блоком (или разновидностью) можно считать рисунок разделки складок на рукаве хитона в *АМ/КТ-55*, *СНП/ПоБо* и *АП/Юкс.* (см. тжж. *Птр/Секш.*), а также на свисающей с руки части плаща в *АМ/КТ-55* (рис. 5.10).

По структуре он представляет собой часть рисунка U-образно свисающей с вытянутой руки части гиматия в *АМ/КТ-97* (блок № 2). Таким образом, либо блок № 10 является сокращением блока 2, либо блок 2 — распространением блока 10. В любом случае, оба варианта существуют в виде самостоятельной устойчивой функциональной единицы.

Итак, фигура архангела *АМ/КТ-97* оказывается составленной из типовых блоков почти полностью (кроме рассмотренных деталей драпировки, типовыми являются также способы изображения рук, ног и крыльев). Представленные блоки, однако, представляют лишь небольшую часть подобных элементов, известных русской иконописи; укажу на еще несколько. Во избежание путаницы нумерация их продолжается.

№ 11. Складчатый край гиматия (мафория и т. д.) со ступенчатым профилем под кистью руки в иконах *АП/КТ-55* и *Птр/Секш.* (рис. 6.11); встречается в иконах Богородицы, Предтечи, архангелов, апостолов, святителей, преподобных и т. д. Эта деталь имеет ряд альтернативных вариантов: со сглаженным округлым контуром, с заворотом края внутрь и т. д.; эти варианты меняются с одного на другой в очень близких во всем остальных иконах.

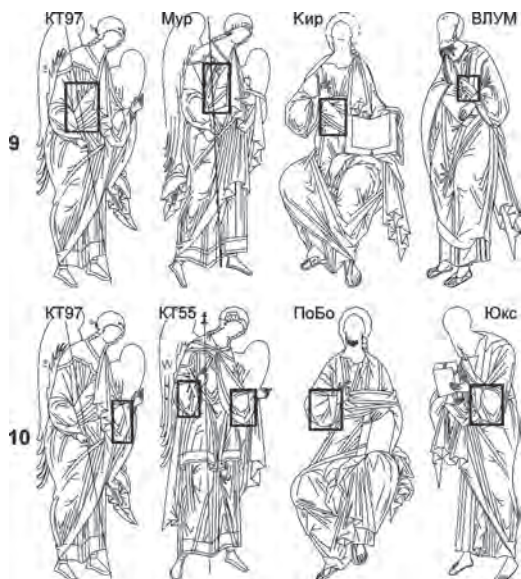

Рис. 5. Типовые блоки в различных деисусных иконах

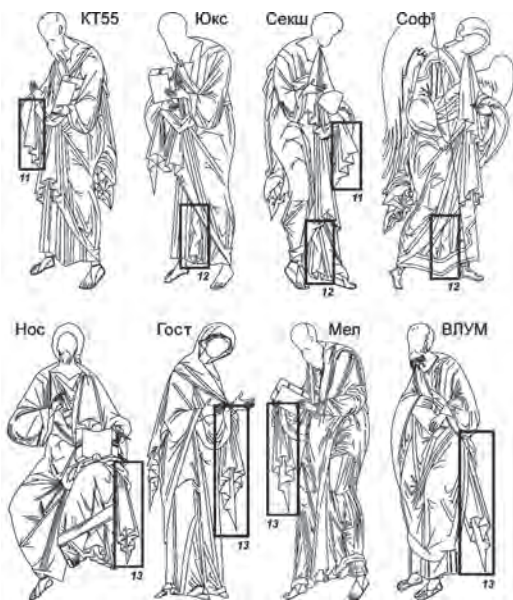

Рис. 6. Типовые блоки в различных деисусных иконах

№ 12. Крупная складка, изломанным раструбом идущая сверху вниз по подолу хитона в АП/Юкс., Птр/Секш. и АМ/Соф. (рис. 6.12); в последнем случае нижняя ее часть «обрезана» понизью (широкой каймой, идущей по краю подола) хитона: типовые блоки могут существовать в усеченном виде, как и удваиваться, переворачиваться, сливаться с другими и усложняться дополнительными линиями. Так, рисунок складок на бедре АМ/Соф. чрезвычайно близок к такому же в АП/КТ-55 и АП/Юкс. (блок № 7),

но почти до неузнаваемости усложнен дополнительными линиями. Точно так же блоки могут быть, напротив, упрощены и сокращены.

№ 13. Длинный свободный конец гиматия или мафория с острым завершением и рядами ступенчатых складок по сторонам, иногда с двумя округлыми складками, напоминающими узел, вверху (рис. 6.13). Эта деталь обычна в деисусных иконах Богородицы (см. БМ/Гост.) и Спаса на престоле (СВС/Нос.); точно в том же месте, что и в БМ/Гост. (под кистью вытянутой в жесте адорации руки), этот блок показан в АП/Мел.: не исключено, что эта деталь заимствована именно из какой-либо деисусной богородичной иконы. Этот блок нередко меняет свое положение, см. напр. АП/ВЛУМ.

№ 14. Особый рисунок складок на выставленном вперед колене; над округлым коленом — лежащая «ножкой» вперед и вверх у-образная фигура с двумя длинными линиями, диагонально идущими вниз; под коленом — еще одна у-образная фигура (рис. 7.14). В БМ/Влас. у-образная складка под коленом перевернута справа на лево сравнительно с той же деталью в Прт/Влас., АП/Гавр., АГ/Зуб.-2: части блока могут видоизменяться, сдвигаться, переворачиваться и т. д. (см. ту же самую у-образную фигуру под коленом в Прт/Р-876, где она не только перевернута, но и сильно сдвинута вниз (рис. 4)).

№ 15. Складки над стопами *БМ/Влас.* и *Прт/Влас.* (рис. 7.15) даны почти так же, как в *БМ/ПоБо* (рис. 3.5) и представляют собой разновидность блока № 5, удвоенного и перенесенного в другую часть изображения. Подобное решение складок над ступнями обычно в ростовых деисусных иконах Богородицы, Предтечи в плаще и Спаса на престоле, апостолов и святителей, но дается с разной степенью отчетливости и не всегда бросается в глаза.

№ 16. Колено показано как две изогнутые Y-образные фигуры, округло соединяющиеся (или почти соединяющиеся) «ножками»; от места их соединения обычно отходит вверх еще одна увеличенная Y-образная фигура, см. *Птр/Лих.*, *БМ/Анис.*, *Прт/Никул.*, *АГ/Ляд.* (рис. 7.15). Этот блок является альтернативным блоку № 7; они нередко изображаются один вместо другого³⁹. При этом если изображение в одной части деисуса (например, в левой от зрителя) содержит блок № 7, то его визави (в правой части) чаще содержит блок № 16, и наоборот (см. иконы архангелов *Глуш.*⁴⁰, *Гост.*⁴¹, *КТ-97*⁴², *Ляд.*⁴³, *Мур.*⁴⁴ (блок № 7 слева, блок № 16 справа) или апостолов *Лих.* (блок № 7 справа, блок № 16 слева). Правда, это не является строгим правилом; известны случаи, когда обе парные деисусные иконы (напр., *АМ* и *АГ*; *АП* и *Птр*) содержат блок № 7 (архангелы в чине из

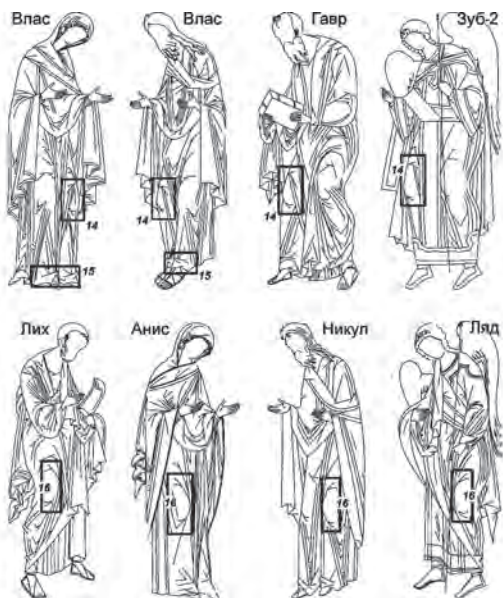

Рис. 7. Типовые блоки в различных деисусных иконах

³⁹ Т. е. присутствие того или иного блока в том или ином месте не зависит (или не всегда зависит) от «логики форм» и не определяется «логикой» соотношения форм драпировок со структурой человеческого тела.

⁴⁰ КБМЗ, инв. 7885, инв. 7884 (Иконы Вологды XIV–XVI вв. М., 2007. № 19, 20).

⁴¹ ГТГ, инв. 22290, инв. 22288 (Новгородская икона XII–XVII веков. № 107, 110).

⁴² ГТГ, инв. 20469, инв. 24249 (София Премудрость Божия. Кат. 99).

⁴³ ГЭ, ЭРИ-238, ЭРИ-239 (Косцова А. С. Указ. соч. № 70, 71).

⁴⁴ ГРМ, инв. 3106, инв. 3107 (Новгородская икона XII–XVII веков. № 83, 84).

Успенского собора Богородицкого монастыря Свяжска⁴⁵) или блок № 16 (архангелы *Бород.*⁴⁶, *Никул.*⁴⁷ или *Ржиц.*⁴⁸). Есть и такие случаи, когда одна из парных деисусных икон содержит один из этих блоков, а другая — нет (или этих блоков нет ни в одной).

№ 17. Кисть повернута на себя, окутывающий ее край гиматия завернут внутрь, контур округлый: *АМ/Соф.*, *Птр/НПП*, *Птр/Мел.* (рис. 8.17). Этот блок обычен в иконах апостолов (похоже — в *АП/ВЛУМ*) и архангелов.

№ 18. Передняя нижняя часть гиматия, двумя рядами ступенчатых складок расширяющаяся книзу в *АМ/Соф.*, *Птр/НПП*, *Птр/Мел.* (рис. 8.18) обычна в изображениях архангелов, апостолов и дрр.; число складок может варьироваться (см. тжж. *АП/КТ-55*, рис. 1; *Птр/Лих.*, рис. 7; *АМ/Мур.*, рис. 8). Данный блок нередко соседствует с блоками № 1 и № 17 плюс № 7 или № 16, давая основания говорить уже о повторяющихся *системах типовых блоков, которые сами становятся, в свою очередь, блоками уже более высокого порядка.*

№ 19. Модификация блока № 15, перевернутого и используемого теперь уже для рукава хитона (рис. 8.19): та же «клювовидная» складка с отходящими от нее под углом линиями. Ср. с *БМ/ПоБо*: фрагмент над отставленной ступней, симметрично отраженный по горизонтали и повернутый на 90° по часовой, даст в точности ту форму, которую имеет рукав десницы *СВС/Кир*. Любопытно, что в *Птр/НПП* и *СВС/Кир*. эта деталь показана почти совершенно одинаково, но в первом случае кисть руки показана слева от блока, а во втором — справа, что лишний раз заставляет удивляться *универсальности и разработанности иконописных типовых блоков и их приспособленности для изображения самых разнообразных и, казалось бы, несходных деталей, не бросаясь при этом в глаза. И здесь совершенно снимается вопрос о какой-либо «логике форм» и «логике» соотнесения форм драпировок со структурой человеческого тела и с изображаемым пространством: налицо именно механически, — и при этом гармонично — вставленный в оба изображения универсальный блок.*

В *Птр/НПП* блок № 19 сливается с блоком № 17 и входит в него как часть.

№ 20. Складчатый край мафория или гиматия со ступенчатым контуром под кистью руки в *АМ/Ржиц.*, *АМ/Мур.*, *БМ/Бород.* (рис. 8.20) представляет модификацию блока № 11, от которого от-

⁴⁵ ГМИИ РТ, инв. И-146, инв. И-281 (Древние иконостасы Свяжска. № 40–41).

⁴⁶ КБМЗ, инв. ДЖ-1282, инв. ДЖ-1273 (Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. № 98, 99).

⁴⁷ ГЭ, инв. ЭРИ-602, инв. ЭРИ-603 (Косцова А.С. Указ. соч. № 13, 14).

⁴⁸ ГМЗРК, инв. И-1027, инв. И-1026 (Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М., 2006. № 45, 46).

личается заворотом края внутрь. Обычен в самых разнообразных изображениях, например, архангелов или Богородицы; возможно изменение числа складок, см. *БМ/Влас.* (рис. 7).

Таким образом, в рассмотренных (и в большинстве других) иконах ростового деисусного чина обнаруживаются систематически повторяющиеся от иконы к иконе типовые блоки; еще раз назовем их свойства и связанные с ними явления.

Существуют различные типовые элементы, используемые для одной и той же части иконного изображения; другой набор типовых блоков — для другой и т. д.; так, например, для рисунка складок одеяний на колене и бедре — блоки № 7 и № 16; для края (или свободного конца) мафория или гиматия под кистью руки – блоки № 11, 13, 17, 20; блоки взаимозаменяемы.

В разных иконах одна и та же деталь может выглядеть несколько иначе; могут несколько изменяться пропорции или форма (линии могут быть более или менее прямыми или изогнутыми); меняется число складок или составляющих блок линий, – но общая схема всегда остается принципиально одинаковой. Части этих типовых элементов могут сдвигаться относительно друг друга, переворачиваться или удваиваться, при этом общая схема остается неизменной и узнаваемой.

Типовые элементы могут складываться в комплексы, которые сами применяются как блоки более высокого порядка; так, сочетания блоков № 1 и № 18; № 17 и № 18; № 1, 17 и 18 можно рассматривать как отдельные функциональные единицы.

Иконописные типовые элементы универсальны и приспособлены для изображения самых разнообразных деталей. Один и тот же типовой элемент может использоваться не только в аналогичных частях различных изображений (напр. складка на коленном сгибе у архангелов, апостолов, святителей и мучеников — блок № 6; рисунок

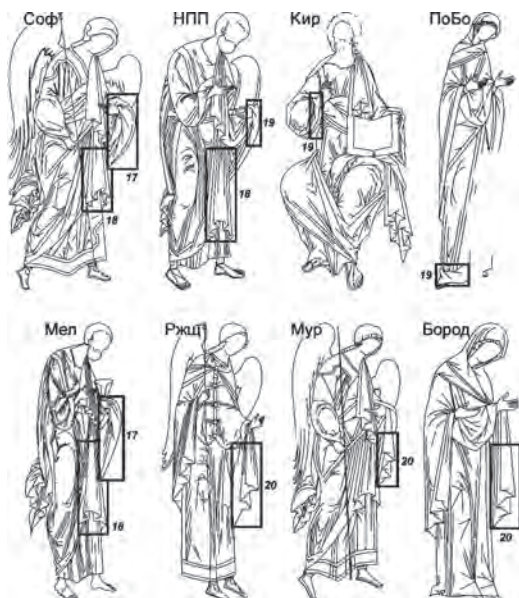

Рис. 8. Типовые блоки в различных деисусных иконах

складок на поясице у архангелов и апостолов — № 8; диагональная складка гиматия на груди у Спаса, архангелов и апостолов — № 9; блок № 10 — рукав хитона в изображениях Спаса на престоле и ап. Павла; блок № 12 — крупная вертикальная складка хитона; блок № 16 — колено в изображениях Богородицы, Предтечи, архангелов и т. д.), — но и в совершенно различных местах различных, неподобных изображений. Так, блок № 19 используется как для изображения складок над ступней, так и для складок рукава хитона как тронного Спаса, так и стоящего апостола; в совершенно разных местах различных изображений используется блок № 13: свободный конец мафория или гиматия, свисающий под кистью руки Богородицы или апостола, спадающий с колена тронного Спаса, свисающий за спиной апостола и т. д.

Конструирование изображения с использованием типовых блоков, видимо, было способно иногда приводить к некоторым композиционным сбоям.

Так, например, на иконах святителей и преподобных нередко встречается одна и та же характерная деталь: развернутая от центра деисуса и поставленная на носок ступня с характерной «клювовидной» складкой над нею (блок № 5 или 15), см. иконы Василия Великого ЛРВ, СвжУ, Глуш., Фер., (рис. 9). Встречается эта деталь и

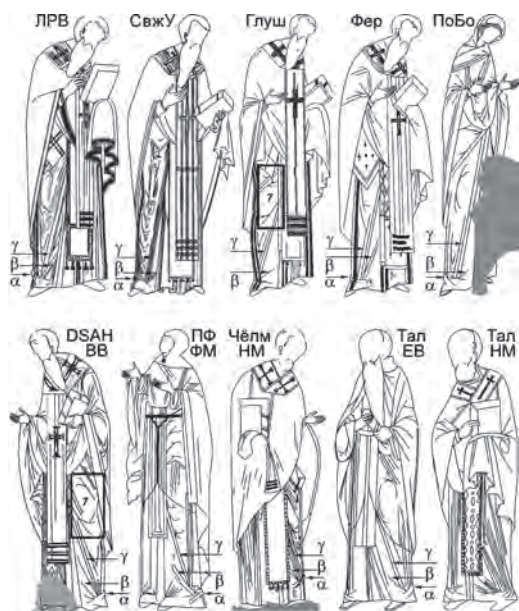

Рис. 9. Типовые блоки в различных деисусных иконах

в изображениях других лиц, в том числе Богородицы (БМ/ПоБо). Во всех названных (и в массе других) изображениях отставленная ступня с блоком № 5 над нею сопровождается принципиально одной и той же по рисунку системой складок в виде идущих под углом друг к другу пучков более или менее параллельных линий (на рис. 9 аналогичные детали обозначены буквами греческого алфавита). Входящие в эту систему линии в разных случаях могут различаться по длине, числу или по углу, под которым подходят

друг к другу; система может быть усложнена дополнительными линиями (*ВВ/СвжУ*) или, напротив, несколько упрощена (*ВВ/Глуш.*), но в целом рисунок всегда остается принципиально одним и тем же (что вместе с отставленной на носок ступнёй и «клювовидной» складкой над ней может давать блок уже более высокого порядка).

Совершенно всё то же самое — в иконе *ВВ/ДСАН*, но под «клювовидной» складкой (α) не показана поставленная на носок ступня (утрачена?); нижняя часть и край подризника в передней части записаны, на записи (на рис. 9 — заливка) показаны *обе ступни в обычном положении*, как если бы нога не была отставлена (ошибка правщика?). Если же обе ступни находились здесь изначально (т. е. при имеющемся рисунке одежды ступня отставлена не была), — изображение, возможно, имело несколько икон-образцов, части которых иконописец не сумел правильно скомпоновать. Но кажется более вероятным, что оно «конструировалось» буквально по частям, т. е. использовались (и были подобраны неверно) образцы, представляющие *именно отдельные детали иконного изображения* (и где описываемая деталь могла быть представлена без ступни). Совершенно та же ситуация наблюдается в иконе Февронии Муромской из муромского Спасского монастыря (*ФМ/ПФ*) и в парной ей иконе Петра Муромского; отличие обеих от *ВВ/ДСАН* состоит в том, что обе ступни сохранились и составлены вместе.

Близкая картина – в изображениях Евфимия Великого и Николая Мирликийского в деисусе из Талыча (*ЕВ/Тал.* и *НМ/Тал.*), где при принципиально том же самом обсуждаемом рисунке в нижней части изображения (в изображении Николы выражен слабее) нога, хотя и отставлена, но ее носок в сторону не развернут и поставлен прямо. Тот же рисунок разделки складок использован и в иконе Николы XVII в. из с. Чёлмужи (*НМ/Чёлм*) в Петрозаводском музее (инв. И-413), но уже в передней части подризника, что выглядит не вполне логичным.

Интересно, что в большинстве названных изображений, как и многих других, этот рисунок сочетается с блоком № 7 или его модификациями, что можно рассматривать как новый блок еще более высокого порядка, составляющий весьма значительную часть изображения.

В названных случаях *ВВ/ДСАН*, *ФМ/ПФ*, *НМ/Чёлм.*, *ЕВ/Тал.* и *НМ/Тал.* можно видеть больший или меньший «сбой», вызванный, по-видимому, не вполне удачным совмещением предельно общей типологии – очевидно, державшейся в голове – с отдельно взятыми блоками.

Сделанные наблюдения дают ценный материал для уяснения особенностей методики работы средневекового иконописца. Анализ

деисусных икон показывает, что их рисунок практически никогда не копировался с иконы на икону буквально (хотя и существуют очень близкие изображения), но и не брался всякий раз «из головы»: изображение, как правило, имело несколько «образцов», из которых заимствовались детали, и в большей или меньшей степени «составлялось» из ограниченного количества уже готовых блоков.

Иконописец, по-видимому, мог (а) опираться на уже готовые общие предварительные иконографические схемы (общий вид фигуры того или иного лица), «заполняя» их типовыми деталями (идя от целого к частностям, от крупных композиционных единиц — к деталям), (б) «выстраивать» всю эту фигуру (или ее часть) совершенно заново (от частей к целому); есть изображения, которые могут быть интерпретированы как примеры применения как одного, так и другого приема.

Использование универсальных блоков отнюдь не превращает иконописное изображение в примитивную ремесленную поделку и схематичную штамповку. Напротив: можно лишь восхититься мастерством иконописцев, которые, используя ограниченное число блоков, достигали порой значительного иконографического разнообразия и, вместе с тем, столь высокого уровня художественного образа. Оставаясь почти неразличимыми, типовые блоки не определяли художественного результата, достигнутого мастером; этот результат определялся всей суммой применяемых приемов довольно широкого спектра; тем не менее, они были интереснейшим явлением средневековой изобразительности.

Сокращения

ВГМЗ — Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ГИМ — Государственный исторический музей

ГМЗРК — Государственный музей-заповедник «Ростовский Кремль»

ГМИИ РТ — Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан

ГММК — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»

ГРМ — Государственный Русский музей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

ГЭ — Государственный Эрмитаж

КБМЗ — Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Музей «Кижи» — Государственный историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи»

НМЗ — Новгородский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

НМЛ — Львовский Национальный музей (ранее — Львовский музей украинского искусства)

ПМЗ — Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

ЦМиАР — Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублёва

ЧерМО — Череповецкое музейное объединение

Список литературы

Антонова В.И., Мнёва Н.Е. Государственная Третьяковская галерея: Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII века. Т. I–II. М.: Искусство, 1963. 394 с., 116 л. ил. + 570 с., 88 л. ил.

Васильева О.А. Иконы Пскова. М.: Северный паломник, 2006. 512 с.

Вахрина В.И. Иконы Ростова Великого. М.: Северный паломник, 2006. 448 с.

Гелитович М. Українські ікони «Спас у Славі». Львів: Друкарські куншти, 2005. 96 с.

Древние иконостасы Свияжска / Авт.-сост. А.А. Калина, В.В. Немтинова. Казань: Заман, 2015. 168 с.

Древняя живопись Карелии. Фонды музея «Кижы». Каталог / Сост. И.М. Гурвич. Петрозаводск: Карелия, 1980. 76 с.

Иисус Христос в христианском искусстве и культуре XIV–XX в. СПб.: Palace Editions, 2000. 524 с., 633 ил.

Иконостас церкви апостолов Петра и Павла «в Кожевниках» / Авт. текста Е.В. Игнашина, Ю.Б. Комарова / Знаменитые иконостасы России. Б.м.: ИП СИВ, 2011. 11 с., 29 л. ил.

Иконы Великого Новгорода XI — начала XVI веков. М.: Северный паломник, 2008. 576 с.

Иконы Вологды XIV–XVI вв. М.: Северный паломник, 2007. 824 с.

Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М.: Северный паломник, 2005. 336 с.

Иконы XIII–XVI вв. в собрании музея имени Андрея Рублёва. М.: Северный паломник, 2007. 620 с.

Иконы XIV–XIX веков из собрания Государственного Исторического музея. Т. I. М.: Северный паломник, 2008. 448 с.

Кижы. Древняя живопись Карелии / Сост. С. Ямщиков. Петрозаводск: Карелия, 1979. 96 с.

Кондаков Н.П. Иконы / Под ред. О.А. Дыдыкиной. М.: БММ, 2009. 256 с.

Косцова А.С. Древнерусская живопись в собрании Эрмитажа. СПб.: Искусство-СПб, 1992. 488 с.

Лихачёв Н.П. Материалы для истории русского иконописания. Атлас. Часть I. Таблицы I–ССХ. СПб.: Экспедиция загот. гос. бумаг, 1906. 18 с., 209 л. ил.

Маркелов Г.В. Иконные прориси в древлехранилище ИРЛИ // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 49. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 480–525.

Маркелов Г. Книга иконных образцов. 500 подлинных прорисей и переводов с русских икон XV–XIX веков. Т. I. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2001. 552 с.

Новгородская икона XII–XVII веков: Альбом / Авт. вступ. статьи, комм. и сост. В.К. Лаурина, В.А. Пушкарёв. Л.: Аврора, 1983. 343 с.

Попов Г.В., Рындина А.В. Живопись и прикладное искусство Твери XIV–XVI вв. М.: Наука, 1979. 640 с.

Родникова И.С. Псковская икона XIII–XVI вв. Л.: Аврора, 1990. 323 с.

Рыбаков А.А. Вологодская икона. М.: Галарт, 1995. 484 с.

Смирнова Э.С., Лаурина В.К., Гордиенко Э.А. Живопись Великого Новгорода. XV в. М.: Наука, 1982. 575 с.

София Премудрость Божия. Выставка русской иконописи XIII–XIX вв. из собраний музеев России. М.: Радуница, 2000. 381 с.

Хлебников Д.В. Иконография древнерусского полнофигурного деисусного чина XV–XVI вв. (предварительная публикация) // Исторические науки. 2009. № 6. С. 70–82.

Хлебников Д.В. К вопросу иконографии русского ростового деисусного чина XV–XVI вв.: Об одной генеалогической классификации // Исторический журнал: научные исследования. 2019. № 1. С. 64–99.

Хлебников Д.В. Русский полнофигурный деисусный чин: списки и стеммы. Святитель Василий Великий и левый мученик // Христианское чтение. 2019. № 4. С. 49–76.

Поступила в редакцию
3 апреля 2020 г.